

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖА- НА ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ № 2

Бишкек-2023

**Национальная академия наук Кыргызской Республики
Институт истории, археологии и этнологии
им. Б. Джамгерчинова**

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ

**ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И
ЭТНОЛОГИЯ
№ 2**

Научный журнал

Бишкек-2023

ISBN 1694-8637

Учредитель: Институт истории, археологии и этнологии имени Б.Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики

Главный редактор:

Асанканов А.А. – акад. НАН КР, проф., директор Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР

Редакционная коллегия:

Жакиров М.А. – зам. гл. редактора, канд. истор. наук, зав. отделом гуманитарных исследований Центральной Азии ИИАиЭ НАН КР

Скрипкина С.М. – ответственный редактор, науч. сотр. ИИАиЭ НАН КР

Сулайманова А.С. – науч. сотр. ИИАиЭ НАН КР

Редакционный совет:

Абдрахманов Т.А. – д.и.н., проф., ректор КГУ им. Ж.Баласагына

Акромов Зикрие И. (Таджикистан) – д-р истор. наук, проф. истфака ТГНУ

Аманбаева Б.Э. – канд. истор. наук, вед. науч. сотр., руковод. группы исследований культурного наследия КР ИИАиЭ НАН КР

Арзыбаев Т.К. – канд. истор. наук, зав. отделом истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX в. ИИАиЭ НАН КР

Жапаров А.З. – д.и.н., зав. отделом этнологии ИИАиЭ НАН КР

Койчуманова Ч.У. – чл-корр. НАН КР, проф., директор Института истории и социально-правового образования им. Э.Ж.Маанаева КГУ им. И.Арабаева

Кубатова А.Э. – канд. истор. наук, зав. отделом истории Кыргызстана XX–XXI вв.

Мирзаханов В.С. (Россия) – д-р истор. наук, проф., директор Саратовского межрегионального ин-та общественных наук

Мокеев А.М. – д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой КТУ «Манас»

Плоских В.М. – академик НАН КР, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой КРСУ

Ташбаева К.И. – канд. истор. наук, зав. отделом археологии ИИАиЭ НАН КР

Чоротегин Т. – д-р истор. наук, проф. кафедры регионоведения и кыргызоведения КНУ им. Ж.Баласагына

История, археология и этнология / под ред. А.А. Асанканова.

– Бишкек: Из-во "Фаст-принт", 2024. – № 1. – 156 с. : **ISBN 1694-8637.**

Журнал предоставляет авторам возможность выйти со своими исследованиями на широкий круг профессионалов, а читателям – постоянно быть в курсе актуальных проблем истории, археологии и этнологии. Издание рассчитано на работников науки, культуры, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов. Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения Института истории, археологии и этнологии НАН КР, а также редакции журнала.

Журнал основан 16.01.2006 Выходит 4 раза в год	Журнал перерегистрирован в МЮ КР 27.06.2019 г. Свидетельство № 1141	720071, Бишкек, пр. Чуй, 265а ИИАиЭ НАН КР, к. 303, 317 Сайт: http://history.naskr.kg/ Тел: 0551-876775, 0556-130453
---	--	--

М А З М У Н У

КЫРГЫЗСТАН XX–XXI кк.

<i>Закирова А.С.</i> Кыргызстан менен Өзбекстандын эки тараптуу мамилелериндеги чек ара көйгөйлөрү.....	5–12
<i>Маджун Дж.С.</i> Жети-Суудагы 1916-жылдагы көтөрүлүштө провокациянын ролу жөнүндө.....	13–27
<i>Старусева Т.И.</i> Маданияттагы өз ара таасир көрсөтүү жана өз ара байытуу процесстери коомдогу толеранттуулуктун белгиси катары.....	28–33

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Батырбаева Ш.Д., Скрипкина С.М.</i> Кыргызстандагы Улуу Жибек жолунун түндүк аймагын изилдөөнүн негизги багыттары, проблемалары жана келечеги.....	34–55
<i>Сулайманова А.Т.</i> Байыркы түрк элдеринин Умай энеге табынуусу.....	55–62
<i>Султанов Э.К., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т.</i> Кыргыз Ала-Тоосунун Көк-Жар жайыгында жайгашкан археологиялык эстеликтер боюнча жаңы маалыматтар	62–69

ЭТНОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНИКАЛЫК МАСЕЛЕЛЕР

<i>Дүйшөнбиев С.У.</i> Чабыттай албаган учуу же таланттуу окумуштуунун аянычтуу тагдыры (белгилүү этнограф М.Т.Айтбаевдин 95-жылдыгына арналат).....	70–99
<i>Жеенкулова Л.Ж.</i> XX к. 20–30-жж. Кыргызстандагы этнография илиминин өнүгүшү.....	99–106

ТАРЫХНААМЕ

<i>Сабиров Р.К., Халматов Т.А.</i> Кыргыз-кытай байланыштарын изилдөөнүн тарыхнаамеси.....	107–114
--	---------

ДУНГАН ЖАНА КЫТАЙ ТААНУУ МАСЕЛЕЛЕРИ

<i>Шисыр И.С.</i> Дунган уламыштарындагы ыйык олуялар: Сайд ибн Абу Вақкас, Вайс ал-Карани жана Сайд ибн ал-Мусаиб.....	115–121
---	---------

ХРОНИКА

Тарых илимдеринин кандидаты, улук илимий кызматкер Жон Али Алиевичтин юбилейине карата.....	122–125
Филология илимдеринин доктору, КР УИА корр.-мүчөсү	
Имазов Мухаме Хусезовичтин юбилейине карата.....	125–128
Тарых илимдеринин кандидаты, алдыңкы илимий кызматкер	
Аманбаева Бакыт Элтиндиевнанын юбилейине.....	128–131

ТИРКЕМЕ

Э. Султановдун макалаларына тиешелүү сүрөттөр.....	132–143
Авторлорго эскертме.....	144
Макалаларды даярдоонун эрежелери.....	145–146

СОДЕРЖАНИЕ

КЫРГЫЗСТАН В XX–XXI вв.

<i>Закирова А.С.</i> Проблемы границ в двусторонних отношениях между Кыргызстаном и Узбекистаном.....	5–12
<i>Маджун Д.С.</i> О роли провокации в восстании 1916 г. в Семиречье.....	13–27
<i>Старусева Т.И.</i> Процессы взаимовлияния и взаимообогащения в культуре – атрибут толерантности общества.....	28–33

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Батырбаева Ш.Д., Скрипкина С.М.</i> Основные направления, проблемы и перспективы исследования северного участка Великого Шелкового пути в Кыргызстане.....	34–55
<i>Сулайманова А.Т.</i> Культ богини Умай у древнетюркских народов.....	55–62
<i>Султанов Э., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т.</i> Новые данные по памятникам археологии урочища Кок-Джар в Кыргызском Ала-Тоо (Чуйская область, по результатам работ 2017 г.).....	62–69

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

<i>Дюшенбиев С.У.</i> Прерванный полёт, трагическая судьба талантливого ученого (к 95-летию известного этнографа М.Т. Айтбаева).....	70–99
<i>Жеенкулова Л.Дж.</i> Развитие этнографической науки в Кыргызстане в 20–30 гг. XX в.....	99–106

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Сабиров Р.К., Халматов Т.А.</i> Историография кыргызско-китайских отношений.....	107–114
---	---------

ВОПРОСЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ И КИТАИСТИКИ

<i>Шисыр И.С.</i> Святые (аулийа) в дунганской агиологии: Сайд ибн Абу Ваккас, Вайс ал-Карани и Сайд ибн ал-Мусаиб.....	115–121
---	---------

ХРОНИКА

К юбилею старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Джона Али Алиевича.....	122–125
К юбилею члена-корреспондента НАН КР, доктора филологических наук Имазова Мухаме Хусезовича.....	125–128
К юбилею ведущего научного сотрудника, кандидата исторических наук Аманбаевой Бакыт Элтиндиевны.....	128–131

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунки к статье Э. Султанова.....	132–143
Сведения об авторах.....	144
Правила оформления статей.....	145–146

КЫРГЫЗСТАН В XX–XXI кк.

Закирова А.

Кыргызстан менен Өзбекстандын эки тараптуу мамилелериндеги чек ара көйгөйлөрү

Негизги сөздөр: мамлекет, Борбордук Азия, чек ара, проблема, эл аралык мамилелер, аймактык уюмдар, денонсация, делимитация, демаркация.

Аннотация. Макалада Кыргызстан менен Өзбекстандын ортосундагы чек ара маселелеринин чечилиши иликтөөгө алынган. Кыргыз-өзбек мамлекеттер аралык мамилелердеги чек ара көйгөйүнүн эки тараптуу байланыштарга тийгизген таасири, чек аралардын калыптануу процесси, андагы талаш-тартышты жаратып жаткан жерлелер, ал маселени чечүү жолдору каралган.

Проблемы границ в двусторонних отношениях между Кыргызстаном и Узбекистаном

Ключевые слова: государство, Центральная Азия, границы, проблема, международные отношения, региональные организации, денонсация, делимитация, демаркация.

Аннотация. В статье рассматривается урегулирование погранично-территориальных проблем между Кыргызстаном и Узбекистаном. Анализируется их влияние на двусторонние отношения. Особое внимание уделяется спорным участкам и анклавам.

Border problems in bilateral relations between Kyrgyzstan and Uzbekistan

Key words: state, Central Asia, borders, problem, international relations, regional organizations, denunciation, delimitation, demarcation.

Annotation. The article deals with the settlement of border-territorial problems between Kyrgyzstan and Uzbekistan. Their influence on bilateral relations is analyzed. Particular attention is paid to disputed areas and enclaves.

Белгилүү болгондой Түркстандын территориясы өз кезегинде бир мамлекеттердин курамында болуп, анда жашаган элдердин аныкталган, обочолонгон аймактары болгон эмес. Аймактын калкы бирдиктүү территориалдык бүтүндүккө баш ийишип, өздөрүнүн жашоо ареалдарын сактап келишкен.

Падышалык Россия Борбордук Азияны басып алгандан кийин анын саясий-административдик түзүлүшүндө кескин түрдө өзгөрүүлөр пайда болгон. Мисалы, 1867-ж. убактылуу жобого ылайык, Түркстан облусу, Ташкент району жана 1866-ж. Сыр-Дарыянын оң капталындагы жайгашкан жерлер, Семипалатинск облусунун бир бөлүгү Түркстан генерал-губернаторлугуна каратылып, Сырдарья жана Семиречинск облустарына бөлүнгөн. 1876-ж. баш ченинде Кокон хандыгынын жоюлушунан улам Самарканд жана Фергана облустары түзүлүп, жогоруда айтылган административдик түзүлүшкө кошулган [5].

Бирок иш жүзүндө жергиликтүү калктын кызыкчылыктарын, алардын социалдык-экономикалык өзгөчөлүктөрүн эске албай түзүлгөн мындай административдик бөлүүлөр өз кезегинде аймактагы абалдын кескин түрдө курчуп кетишине алып келген.

1924-ж. Түркстандагы совет өкмөтү тарабынан жүргүзүлгөн улуттук-территориялдык бөлүү саясаты жергиликтүү калктын мүдөөлөрүн, кызыкчылыктарын, өзгөчөлүктөрүн эске албай туруп ишке ашырылган. Большевиктер аймакты улуттук негизде аймактарга бөлүү советтик пландаштыруу жана уюштуруу иштерин жеңилдетүү максатында ишке ашырылып жаткандыгын далилдөөгө аракеттенишкен. Бирок батыш окумуштуулары бул саясатты Түркстан элинин биримдигин майтаруу, аларды бири-бирине каршы коюу жана кылымдар бою бирге, бир мамлекеттин курамында жашап келген мусулман калктардын ичинде араздашууну күчөтүүгө багытталгандыгын айтышат. Натыйжада, Борбордук Азияда бирдиктүү түрк тилдүү элдердин мамлекетин түзүү аракеттерине сокку урулган. 1924-ж. улуттук-территориялдык бөлүнүү саясаты Борбордук Азияны бөлүп-жаруу, түрк элдеринин пантүркчүлүк идеясы алдында биригүүсүнө каршы багытталган.

Совет бийлиги аталаган аймакты өз алдынча бөлүп-жаруу саясатынан соң эми анда социалдык-экономикалык, маданий багыттар боюнча максаттуу түрдө иштелип чыккан пландарды ишке ашырууга киришкен. Ал өз кезегинде улуттук республикалардагы азчылыкты түзгөн элдердин талаптарын канааттандыруу, аларга камкордук көргөзүү, 1917-ж. Октябрь революциясынын ураандары жүзөгө ашырылып жаткандыгын даңазалоо эле. Большевиктер Борбордук Азияда улуттук өзгөчөлүктөргө басым жасап, бирдиктүү билим берүү системасын киргизип, орус маданиятын таңуулап, улуттук аң-сезимди пайда кылып, көчмөн жана отурукташкан калктардын ортосундагы маданий өзгөчөлүктөрдү жоюуга аракеттенишкен [12].

Азыркы учурда Борбордук Азиянын туруктуулугуна чек ара аймактарындагы суу байлыктарын пайдалануу, мамлекеттик чек араларды делимитация жана демаркациялоо, социалдык-экономикалык кризистердин күч алышы, элдин жакырланышы ж.б. факторлор чоң коркунуч туудуруп жатат. Советтик мезгилде чечилбей калган чек ара, жер маселелери азыркы күндө күч алып, жалпы эле аймактагы коопсуздукка чоң таасир тийгизүүдө.

Совет мезгилинде союздук республикаларда, айрыкча Борбордук Азияда, так аныкталган чек ара сызыктары, жерлер конкреттүү түрдө бөлүнбөй, шарттуу мүнөзгө гана ээ болгон. Территориалдык бөлүү, негизинен, өлкөнүн чарбалык-экономикалык өнүгүү кызыкчылыктарына ылайык ишке ашырылган. Ал азыркы шартта саясий кризистердин курчушуна, мамлекеттер аралык араздашуулардын, жаңжалдардын пайда болушуна жана суу байлыктарына болгон маселелердин күчөшүн шарттаган.

1990-жж. аймактагы республикалардын көз карандысыздыкка жетиши мурунку тыгыз экономикалык, маданий байланыштардын бузулушуна алып келди жана эми чек аралык көзөмөлдөө иштери күчөтүлүп, калктын эркин жүрүшү жана товарларды ташуу иштери оорлошо баштаган. Аймактагы мамлекеттердин өздөрүнүн чек араларын жаап салуу, катуу көзөмөлдөө иштери тигил же бул республикадагы саясий, авторитардык режимдердин бекем орноп калышы, чек аралардын такталбагандыгы менен түшүндүрүлөт.

Аймакта этностордун конкреттүү жерлерде бир кылка жайгашпоосу, айрым жерлерде так чек аранын жоктугу, суу жана жер байлыктарынын таңкыстыгы, айрыкча, Фергана өрөөнүндө калктын жыш жайгашуусу жана айыл-чарба менен алектенүүсү ж.б. бир катар факторлор социалдык-экономикалык абалды курчутуп, саясий кризистерди пайда кылууда.

Башка мамлекеттерден айырмаланып Борбордук Азияда чек ара проблемалары спецификалык мүнөзгө ээ, ага мисал катары бир катар анклавдардын, ар бир республикада башка этникалык топтордун көп болуусу жана чарба жүргүзүү системаларынын бири-биринен көз каранды болуусун атаса болот.

1990-жж. аяк ченине чейин аймактагы республикалардын көпчүлүгүнүн чек ара маселелери толук такталбай кала берген жана ал анча курч мүнөзгө ээ болгон эмес. Бирок кырдаал 1999-ж. Ташкенттеги жардыруулардан, Өзбекстандык Ислам Кыймылы (ӨИК) деп аталган күжүрмөн топтордун кол салууларынан кийин кескин түрдө өзгөргөн. Натыйжада Өзбекстан өзүнө коңшулаш мамлекеттер

менен чек араларды тактабай туруп эле, айрыкча Фергана өрөөнүндө тосмолорду орнотуп, арык (чуңкурларды) казып, өз алдынча чек араны аныктоого киришкен. Расмий Ташкенттин мындай саясаты өз кезегинде чек ара аймактарында аскердик күчтөрдү кармап, өз алдынча тосмолорду орнотуу менен коштолгон.

Албетте, эл аралык эрежелерди бузуу, мамлекеттердин өз алдынчалыгын урматтабоо жана алардын укуктарын четке кагуу чек ара маселесин чечүү процессин бир топ басаңдаткан. Ага кошумча катары чек ара аймактарында мезгил-мезгили менен ок атышуулар, чек арадан мыйзамсыз өтүп кетүү фактылары көп каттала баштаган. Коңшу республиканын мындай саясатынан улам чек ара райондорунда көптөгөн адамдар окко учуп, мамлекеттер аралык мамилелерге доо кеткен [Караң. 3].

Кыргыз-өзбек мамилелериндеги терс абал Өзбекстанда 2017-жылы бийлик алмашканга чейин сакталып кала берген. Ошол жылдын октябрында эки өлкөнүн мамлекет башчылары чек аранын 1300 км (85%) аралыкты демаркациялоо боюнча келишимге кол коюшкан. Бирок калк жыш жайгашкан, өтө чаржайыт аймактар боюнча чек аранын 15% 200 километри такталбай, карама-каршылыктарды жаратууда. Мында негизги маселе Ош, Жалал-Абад, Баткен облустарындагы анклавдар жайгашкан 36 жер тилкесин аныктоо иштери курч мүнөзгө ээ болууда.

Өзбекстандын Сох, Шахмардан, Жангайл (Халмион) и Чоң-Кара-Галча райондору Кыргызстандын ичинде жайгашкандыктан алардын жашоочулары сыртка чыгуу үчүн биздин чек ара көзөмөл түйүндөрү аркылуу өтүүгө мажбур болушат. Аянты 350 километрди², ал эми калкы 50 миңден ашуун Сох анклавы өз ара карама-каршылыктын булагына айланган [6]. Акыркы учурда Сохтун тургундары менен Кыргызстандын чек араны көзөмөлдөө кызматкерлеринин ортосунда бир катар жанжалдар катталган. Алсак, 2010-жылдын майында Сохто кыргыздар менен өзбектердин ортосунда конфликт болуп өткөн. Натыйжада, Өзбекстан аталган анклавга өзүнүн аскердик күчтөрүн киргизген (ири аскердик техникалар менен коштолгон). Ал эми 2013-ж. январында да бул аймакта кагылышуу болуп өткөн. Маселенин баары өзбек тараптын өз жерине коридор алуу үчүн күч колдонуу аракети жана ал үчүн жергиликтүү элди провокацияга үндөөсү себеп болгон. Чек аралар такталбаган Чарбак менен Хушяр кыргыз, өзбек айылдары бири-бирине жанаша жайгашкан жана бири-бирине кошулуп кетет. Аталган

айылдарды белгилүү бир чекте бөлүп, так сызыкты жүргүзүү өтө оор маселе болуп саналат.

Жогоруда айтылган кагылышууга Чарбак айылынын чети аркылуу кыргыз тараптын узундугу 2,5 км электр мамыларын орнотулушу себеп болуп, өзбек тургундарынын нааразычылыгын пайда кылган. Бул окуяда Хушярдын жашоочулары мамыларды жыгытып, каршылык көргөзүшкөн Чарбак айылынын 30–40 тургундарын барымтага алышкан) [6]. Албетте, бул окуялар эки тараптуу мамлекеттик чек аралардын жабылышына, жарандардын өз ара каттамдарына тоскоол жаратып, эки тараптуу мамилелерге доо кетирген. Белгилүү болгондой, Өзбекстанда көп сандагы кыргыздар жашашат жана алар Кыргызстан менен өз ара тыгыз байланышта. Чек ара көйгөйлөрү, өз кезегинде алардын да жашоосун татаалданытып, карым-катнашты жүргүзүүгө кыйынчылыктарды жаратып келет. Чек ара маселеси жөн эле такталбаган жер маселесин жөнго салуу менен гана чектелбестен, ал өз ара саясий, социалдык-экономикалык, соода, маданий жана этникалык байланыштарга да түздөн-түз таасирин тийгизүүчү фактор болуп калууда. Анын ийгиликтүү чечилүүсүнөн аймакта жашаган түрдүү этникалык топтордун келечеги, өз ара мамилелери көз каранды.

2015-ж. Аравандагы Керкидан суу сактагычтын айланасындагы 400 гектардай жерди Өзбекстан тосуп алганы кабарланган. 2016-ж. баштап Өзбекстан чек араны тактоо иштерин кайрадан уланткан. Эки тараптуу расмий комиссия талаш-тартышты жаратып жаткан 55 жер тилкелерди изилдеп, атайын бүтүмгө кол коюшкан [1].

2017-ж. 12-сентябрында Кыргыз өкмөтү Ош облусунун Араван районундагы 407 гектар жерди коңшулаш Өзбекстан менен алмаштыруу боюнча келишимге кол койгон. Төө-Моюн айыл аймагына караштуу жердин ордуна Өзбекстан Кыргызстанга өзүнүн башка райондорунан жер бөлүп берүүгө убада кылган. Өзбекстанга өткөн жер Керкидан суу сактагычынын аймагында болгон жана ал стратегиялык мүнөзгө ээ эле. Тарыхый маалыматтарга караганда Кыргыз ССРинин Министрлер Советинин 1962-ж. 29-майындагы, 1964-ж. 14-сентябрындагы жана 1970-ж. 14-сентябрындагы токтомдору менен Ош облусунун Араван районунун 1041 гектар жерине Керкидан суу сактагычы курулган, бирок Өзбекстан ага компенсация катары 1041 гектар жерди биздин республикага башка аймактан берүүгө тийиш болгон. 1972-ж. Өзбекстан Араван районуна Фергана облусунун Кува районунан 628 гектар жер бөлүп берген [2].

2017-ж. мамлекеттик чек араны делимитациялоо жана демаркациялоо боюнча татаал, узакка созулган сүйлөшүүлөрдүн натыйжасында Өзбекстан калган 413 гектар жерди Кыргызстанга берген (Араван районундагы Полигон тилкесинен (304,3 гектар), Баткен районундагы Кайрак тилкесинен (74 гектар), Аксы районундагы Дерес тилкесинен (35 гектар жер) [10].

Жогоруда айтылгандай чек ара маселесинин чечилбөөсү жергиликтүү элдердин жашоо-турмушун оордотуп, карама-каршылыктардын күчөшүн шарттап турган. Мисалы, 2020-ж. майында Баткен облусунун Сох анклавынын чек арасында Өзбекстандын Чашма жана Кыргызстандын Чечме айылдарынын тургундарынын ортосунда конфликт катталган. Булак суусун талашуудан келип чыккан жаңжал акыр аягы таш атышуу, кагылышуу менен аяктап, натыйжада бир нече үйлөр өрттөнүп, көптөгөн адамдар жарат алышкан (187 киши өзбек тараптан, 25 киши кыргыз тараптан) [4, 11].

Эл аралык эксперттер белгилегендей аймактарга анклав, чек ара маселелерин чечүү жөн эле чек араларды тактоо, жер алмашуу процесси менен чектелбеши керек. Анткени аймакта, айрыкча Фергана өрөөнүндө калк жыш жайгашып, социалдык-экономикалык абал оор, андан сырткары жер талаштары этностор аралык мамилелердин курчушуна алып келүүдө. Мындай кырдаалдан чыгуу үчүн жерлерди алмашып, элдерди башка жерлерге көчүрүү, тосмолорду орнотуу ж.б. иш чаралар аздык кылат. Бул жагдайда аймактагы элдердин достугун, ынтымагын бекемдөөгө, алардын өз ара мамилелерин, социалдык абалдарын жакшыртууга аракеттенүү зарыл. Аймактагы түзүлгөн кырдаалды эске алып Өзбекстандын президенти.

Ш. Мирзиеев Сох районунун социалдык-экономикалык көйгөйлөрүн чечүү үчүн 10 млн. АКШ долл. бөлүү боюнча атайын жарлыкка кол койгон. Аталган долбоорго ылайык Сох-Риштан жолунун көйгөйлөрү менен кошо бир катар башка маселелерди чечүү иштери каралган. Андан сырткары 101 млрд. сум өлчөмүндөгү каражатка 73 долбоорду ишке ашыруу, 2020-ж. 4500 жаңы жумуш орундарын түзүү пландаштырылган [11]. Сох анклавнынын жаштары үчүн өлкөнүн жогорку окуу жайларына тапшыруу үчүн 500 орун бөлүнгөн.

Мамлекеттик деңгээлдеги мындай саясат өз кезегинде чек ара аймактарында жашаган элдердин ортосундагы чыңалууларды жеңилдетүүгө, ири жаңжалдардын алдын алууга шарт түзөт.

2020-ж. Кыргызстан менен Тажикстандын ортосундагы чек арада жети, Кыргызстан менен Өзбекстандын чек арасында үч жолу чыр чыккан. 2021-жылдын 5–6-ноябрында Ташкентте эки

республиканын тышкы иштер министрлери (А.Х. Камилов менен Р.А. Казакбаев) кыргыз-өзбек мамлекеттер аралык чек араларды демаркация жана делимитациялоо жараянын тез убакытта аягына чыгаруу маселесин талкууга алышкан [1].

Кыргызстандын мамлекеттик чек араларын тактоо процессине: совет мезгилинде чиеленип, чаржайыт бөлүнүп калган жерлердин көп болуусу жана экономикалык-чарбалык максатта коңшу республикалардын пайдасына ири жер тилкелеринин өтүп кетиши; республикадагы саясий туруксуздуктан улам перманенттүү мүнөзгө ээ болгон төңкөрүштөрдүн, бийлик алмашуулардын тез-тез болуп туруусу; узак убакытка созулган социалдык-экономикалык кризис; өлкөнүн аскердик-техникалык жактан начардыгы ж.б.

факторлор терс таасирин тийгизген. Жогоруда айтылгандардын ичинен республикадагы бийликтин тез-тез алмашуусу чек араларды тактоо процессин басандаткан. Анткени тигил же бул талаш жерлер боюнча жүргүзүлүп жаткан сүйлөшүүлөр, атайын түзүлгөн макулдашуулар кийинки бийлик тарабынан колдоого алынган эмес же бийликтегилер саясий түрдүү амалдар аркылуу өз пайдаларына жер маселесин чечүү аракеттерин жасашкандыктары эл ичинде айтылып келет. Албетте, мындай тарыхый мааниге ээ болгон маселелерди фактылык материалдардын негизинде изилдеп, белгилүү бир тыянактарды чыгаруу окумуштуулардын алдыдагы ири милдеттердин бири болуп саналат.

Өз кезегинде Фергана өрөөнү бир социалдык-экономикалык бөлүккө кирет жана анда жашаган калктарды түрдүү күндүмдүк экономикалык жана маданий-турмуштук байланыштар бириктирип турат. Түрдүү этностор аралаш жашашкан бул аймактагы чек араларды ачык кармоо алардын жашоо шартын камсыз кылуу менен түздөн-түз байланышкан. Ошондуктан жалпы эле Борбордук Азия республикалары үчүн ички чек араларды ачуу эң башкы орундарда турат жана андагы чек ара көзөмөл түйүндөрү өз ара каттамдарды көзөмөлдөө, террористтик күчтөрдүн кирип кетүүсүнөн сактоого гана багытталуусу зарыл. Мындай шартта аймакта биргеликте коопсуздук саясатын ишке ашыруу чоң мааниге ээ [7: 112].

Өзбекстанда саясий авторитардык бийлик орноп турган мезгилде чек араларды жабуу, элдердин ортосундагы тарыхый, маданий байланыштарды үзгүлтүккө учуратуудан карапайым калк гана жабыр тартты. Мындай абалдын азыркы глобалдашуу шартында, айрыкча бирдей тарыхка, маданиятка, динге, тилге ээ болгон элдерде болуусу акылга сыйбай турган көрүнүш.

Албетте, чек ара маселелери аймакта жашаган элдердин кызыкчылыктарын эске алуу менен жүргүзүлүүсү зарыл. Тигил же бул мамлекеттин күч колдонуу аркылуу чек араларды аныктоо саясаты өз кезегинде ири конфликттерге, кан төгүүлөргө алып келээри азыркы Кавказ аймагында болуп жаткан окуялар далилдеп турат. Ошондуктан терең тамыр алган жер маселелерин тынчтык жолу менен, өз ара компромисстин негизинде чечүү аркылуу бүтүндөй Борбордук Азиядагы туруктуулукту жана анда жашаган элдердин коопсуздугун камсыз кылууга жол ачылат.

Адабият:

1. «Азаттыктын» архиви: Кыргыз-өзбек чек ара сүйлөшүүлөрүнүн тарыхы, 5-сентябрь, 2017-ж.
2. *Акеров Т.* // «Жаңы Ордо». Режим доступа: Кыргыздар тажиктерге Каратегин чөлкөмүн берип, мамлекет куруп алууга мүмкүнчүлүк берген – Загл. с экрана // *Кыргызстан сегодня*. Пятница, 20 сентября 2019. 15:24.
3. *Алманов С.К.* Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // *Постсоветские исследования*. М., 2018. Т. 1. № 5. С. 451–460.
4. *Bishkek Times*. 6-июнь 2020 г.
5. *Галиева З.И., Молдоев Э.Э.* История государства и права Кыргызской Республики. Бишкек, 2011. 260 с.
6. *Дмитриева Е.Л.* Постсоветская Центральная Азия: Этнотерриториальные споры и пограничные конфликты (обзор) // Режим доступа: – Загл. с экрана.
7. *Койчубеков Т.* Мировая экономика и постсоветская Центральная Азия. Бишкек, **год?** 112-б.
8. *Матвеева А.* Центральная Азия. Стратегический подход к построению мира. Лондон, 2006.
9. Режим доступа: [kg.akipress.org- https://centrasia.org/news_A.php?st=1598676300](https://kg.akipress.org-https://centrasia.org/news_A.php?st=1598676300) – Загл. с экрана. 2020-ж. 29. 08. 2020.
10. Режим доступа: kg.kabar.kg > news > ky. Кыргызстан жана Өзбекстан мамлекеттик чек араны делимитациялоо жана демаркациялоо маселелерин талкуулашты. – Загл. с экрана.
11. *Uz* 6-июнь 2020-жыл.
12. *Чотаева Ч.* Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. Бишкек, 2005. 100 с.

О роли провокации в восстании 1916 г. в Семиречье

Ключевые слова: Семиречье, киргизское восстание, казаки, жандармы, имперская администрация.

Аннотация. Слабость контроля царской власти за деятельностью администрации Туркестанского края способствовала расцвету казнокрадства, беззакония и жестокой эксплуатации коренного населения, как со стороны имперской администрации, так и со стороны местных баев и волостных правителей. Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. о реквизиции инородческого населения на тыловые работы, использовавшееся местными властями для наживы на народных бедствиях, спровоцировало массовые протесты населения. Провоцирование массовых беспорядков коренного населения, с последующим его ограблением и уничтожением, было для власть имущих удобным способом отъема у местных народов земли, скота и опиума.

Жети-Суудагы 1916-жылдагы көтөрүлүштө провокациянын ролу жөнүндө

Негизги сөздөр: Жети-Суу, кыргыздардын көтөрүлүшү, казактар, жандармдар, императордук администрация.

Аннотация. Түркстан крайынын администрациясынын ишмердүүлүгүнө падыша өкмөтүнүн алсыз көзөмөлү императордук администрация тарабынан да, жергиликтүү булуңдар менен волосттук башкаруучулар тарабынан да уурдоолордун, мыйзамсыздыктын жана түпкү калкты ырайымсыз эксплуатациялоонун гүлдөшүнө шарт түзгөн. 1916-жылдын 25-июнундагы орус эмес калкты тыл иштерине реквизициялоо жөнүндөгү эң жогорку буйрукту жергиликтүү бийлик элдик кырсыктардан пайда табуу үчүн пайдаланган, калктын массалык нааразычылыгын жараткан. Түптүү калктын массалык баш аламандыктарын провокациялоо, андан кийин аны талап-тоноо жана жок кылуу бийликте тургандар үчүн жергиликтүү элдердин жерин, малын, апийимдерин тартып алуунун ыңгайлуу жолу болгон.

On the role of provocation in the 1916 uprising in Semirechye

Key words: Semirechye, Kyrgyz uprising, Cossacks, gendarmes, imperial administration.

Annotation. The weakness of the tsarist government's control over the activities of the administration of the Turkestan Region contributed to the flourishing of embezzlement, lawlessness and cruel exploitation of the indigenous population, both on the part of the imperial administration and on the part of local baiss and volost rulers. The supreme decree of June 25, 1916 on the requisition of the foreign population for rear works used by local authorities to profit from national disasters

provoked mass protests of the population. Provoking mass riots of the indigenous population, followed by its robbery and destruction, was a convenient way for those in power to take away land, livestock and opium from local peoples.

Национально-освободительные восстания 1916 г., прокатившиеся по Туркестанскому краю Российской империи, стали крупнейшим трагическим событием в колониальной истории народов региона, который ускорил процесс формирования их национального самосознания и национальной идентичности. Историография этого восстания была теснейшим образом связана с проводимой государственной политикой в регионе, поэтому интерпретация событий менялась в зависимости от политической обстановки и идеологических нужд правящих властей. В последние годы историками всего мира предпринимаются попытки объективного переосмысления восстания 1916 г. на основе имеющихся и вводимых в научный оборот новых архивных документов и сохранившихся воспоминаний участников тех трагических событий.

Наиболее ожесточенный характер восстание приняло в Семиреченской области, где конкуренция за землю и водные источники между русскими переселенцами и коренным населением достигла высокого накала. Благоприятные природно-климатические условия, плодородная почва и обилие водных ресурсов Пржевальского, Джаркентского и Пишпекского уездов Семиречья притягивали сюда нескончаемый поток российских переселенцев и разжигали аппетиты местного казачества. Речь шла о колоссальных площадях обработанной и обустроенной земли, на которой проживали и вели свое хозяйство сотни тысяч семейств коренного и пришлого населения. К тому же, накануне восстания 1916 г. на руках у местного населения было сосредоточено огромное состояние в виде земли, воды, многомиллионного поголовья скота и десятков тысяч тонн урожая опиума, который стал к тому времени международным платежным средством. В 1916 г. под посевами опийного мака в названных уездах было занято более 10 тыс. дес. (11 тыс. га) земли, урожай с которых должен был составить от 100 т (при расчете 24 фунта с 1 дес.) до 255 т (при расчете 1 пуд 20 фунтов с 1 дес.). В 1916 г. из Семиречья в казну было сдано всего 1350 пудов опиума (22,1 т). Мимо государственной казны, по самым скромным оценкам, прошло от 77 до 220 т опиума на сумму от 2,3 млн. руб. до 6,6 млн. руб. (при цене 30 руб. за 1 кг) [7: 66]. Таким образом, в государственную казну поступила лишь малая часть от выращенного урожая опиума. Остальной опиум стал «яблоком раздора» между корен-

ным населением, китайскими скупщиками, областным и уездным начальством, полицейскими, сотрудниками Оппийного комитета, военными, жандармами и дружинниками.

Генерал-губернатор Семиреченской области, он же наказной атаман Семиреченского казачьего войска М.А. Фольбаум еще до восстания 1916 г. практиковал изъятие земли у киргизов и казахов даже сверх тех земель, которые отбирало Переселенческое управление. В 1915 г. он изъял у 3500 семейств казахского оседлого населения их земли для пополнения соседнего надела казаков [1: 6], а также ходатайствовал перед министром Земледелия о дополнительном увеличении земельных наделов Семиреченского казачьего войска. Помимо местного казачества на эти земли претендовало и Военное министерство, планировавшее раздать их солдатам и офицерам, отличившимся на фронтах Первой мировой войны. Естественно, законным путем и мирным способом конфисковать сотни тысяч, и даже миллионы десятин земли у сотен тысяч инородцев и части русского крестьянства Семиречья, исправно платящих налоги и вносящих посильный вклад в обеспечение продовольствием и скотом воюющую армию, не представлялось возможным.

Удобный случай провести этот незаконный план в жизнь представился в день выхода Высочайшего повеления о призыве инородцев на тыловые работы, 25 июня 1916 года. Именно в этот день министр Земледелия А.Н. Наумов удовлетворил просьбу наказного атамана Семиреченской области М. Фольбаума «об увеличении земельных наделов 5 станиц Семиреченского казачьего войска путем смещения киргизов с занимаемых и обрабатываемых ими угодий» [12]. Не случайно, именно в этих уездах Семиречья трагические события 1916 г. приняли самый кровопролитный характер, и именно отсюда была вытеснена значительная часть коренного и русского населения.

Истинные цели администрации при провоцировании конфликта в 1916 г. выразил генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин после подавления восстания. Он отмечал: «Необходимо, чтобы туземное население усвоило, что пролитая русская кровь карается не только казнью виновников, но и отобранием земли у туземцев, оказавшихся недостойными владеть ею». Куропаткин разработал проект «конфискации земель в районах, где была пролита русская кровь» и создания там 5 казачьих станиц из выходцев уральского казачьего войска, карателей восстания 1916 г. Речь шла о тех землях, которые М. Фольбаум просил изъять у киргизов для увеличения наделов для Семиреченского казачьего войска задолго до восстания. Самые большие площади зем-

ли были конфискованы в Семиреченской области: весь Пржевальский уезд был освобожден от киргизского населения. По Пишпекскому, Пржевальскому и Джаркентскому уездам предполагалось сместить 37355 киргизских хозяйств с 2510366 дес. земли (почти 2,8 млн. га – М.Д.), а 2403 хозяйства Пишпекского уезда предполагалось сместить на земли других уездов. Куропаткин, отмечая, что «в Пржевальском уезде были случаи, что киргизов безжалостно убивали уже после их умирения, полагал, что при такой обстановке возвращение киргизов, изъявивших покорность, в места их прежнего жительства совместно и вперемешку с русскими, совершенно невозможно. Им нужно отводить земли, там, где нет русского населения» [11: 29].

Определив захватнические цели колониальных властей Семиречья и достигнутый результат в виде уничтожения и вытеснения отсюда коренного и части русского населения, рассмотрим, какие средства использовались властями для достижения поставленной задачи.

В Семиречье накануне восстания 1916 г. существовали две влиятельные силы, способные оказать воздействие на ход этих трагических событий. С одной стороны, это был военный губернатор Семиречья, генерал М. Фольбаум, опиравшийся на полицмейстера г. Верного Ф.И. Поротикова, занимавшегося незаконным обирательством и беспощадной эксплуатацией киргизского (до революции так называли кыргызов и казахов) населения. С другой стороны – заведующий розыскным пунктом, ротмистр Особого корпуса жандармов в г. Верном В.Ф. Железняков, который в одиночестве, никем не поддерживаемый, боролся со злоупотреблениями властей, предпринимая все от него зависящие меры по предотвращению мятежа коренного населения.

Как отмечал ротмистр В. Железняков в своем рапорте, после объявления Высочайшего повеления о призыве инородческого населения на тыловые работы, к нему отовсюду стали поступать тревожные сведения о намерении ряда волостей скрыться в горах или труднодоступных местах, и даже противодействовать призыву. В связи с этим, 9 июля Железняков разослал всем шести уездным начальникам и полицмейстеру г. Верного Поротикову спешный циркуляр, в котором просил их выяснить, возможно точно, как реагирует инородческое население на призывы их в дружины. В случае обнаружения лиц, агитирующих против призыва, их необходимо было задерживать, арестовывать в порядке охраны, а всю переписку немедленно препровождать Железнякову.

Уже на следующий день, 10 июля военный губернатор Семиреченской области генерал Фольбаум сообщил Железнякову: «Уездным

начальникам теперь некогда переписываться, и я прошу его, Ротмистра Железнякова, действовать помимо уездных начальников, донося обо всем только мне». Таким образом, Фольбаум постарался отстранить слишком усердного агента от расследования, лишив его возможности обмениваться последней информацией о происходящих событиях на местах с уездными начальниками, с целью предотвращения восстания коренного населения.

Получив это предписание, Железняков начал не только докладывать все получаемые им сведения агентурного и негласного характера, но доносить губернатору письменно, не утруждая уездных начальников дальнейшей перепиской, т.к. исполнительных чиновников в его распоряжении не было, а действовать помимо уездных начальников он не мог. Все, без исключения, поступающие сведения, Железняков, кроме губернатора, сообщал лично или письменно и прокурору Верненского окружного суда, а важнейшие доносил по телеграфу в департамент и район. Всего по делу о подготовке киргизами мятежа, Железняковым было составлено 47 агентурных записок, кроме того, он лично производил допросы свидетелей для выяснения всех обстоятельств мятежа. Железняков также организовал разведку и контрразведку, выяснив имена всех главарей восстания мятежников в Чуйской и Кочкорской долинах и прилегающих местностях оз. Иссык-Куль [15: ф.797, оп.1, д.36, л.75–105].

В первые годы колонизации края русские власти, в лице уездного начальства, не вмешивались в выборы волостных управителей, которые избирались коренным населением на сельском сходе из лиц, пользующихся доверием народа. После публикации указа от 25 июня 1916 г., многие манапы из волостных правителей, пожелав нажиться на почве мобилизации, а заодно свести счёты со своими врагами из противоборствующей партии, стали составлять списки рабочих, включив в них всех своих противников. Другие стали торговать списками, предлагая за деньги изменить возраст призываемых. Т. Рыскулов отмечал: «При наборе рабочих, волостные управители при поддержке баев и манапов сразу подняли вопрос о посылке на фронт, главным образом, рабочих из "пухары" (бедняков) и беднейших родов, что ещё больше стало волновать массы, создавая среди них недовольство, в первую очередь, против своей туземной администрации» [9: 82].

Просьбу киргизов об исправлении списков никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось к самосуду, повсеместно отбирая у волостных управителей списки. Народ требовал от волостных управителей справедливости

при составлении списков, а волостные доносили начальству, что население сопротивляется мобилизации и просили вызвать войска. Беспорядки прекращались по прибытии уездной администрации [16: ф. И-1, оп.1, д. 898, л. 45].

В ответ на протесты населения против своей туземной администрации, 7 июля вышел указ Николая II правительствующему Сенату, где Туркестанский военный округ объявлялся на военном положении с подчинением всего гражданского управления командующим войсками. Генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин был назначен Туркестанским генерал-губернатором [10: 2].

В первых числах июля, когда волости еще спокойно ожидали ответа правительства на свои просьбы об отсрочке призыва, не помышляя о противодействии властям, военный губернатор Семиреченской области Фольбаум разослал секретные приказы уездным начальникам. Он требовал сформировать вооруженные конные команды из казаков и добровольцев «для поддержания порядка в случае неприятных действий туземцев». К 14 июля 1916 г. в пределах еще мирной Семиреченской области уже располагались следующие части: в Верном – дружина ополчения, Семиреченская запасная сотня и местная команда. В Пишпекте – караульная команда и местная команда. В Джаркенте – дружина ополченцев и сборная Семиреченская сотня, то же самое было в Нарыне и Бахтах. Командующий войсками генерал Ерофеев отдал приказ всем начальникам гарнизонов: «Для подавления беспорядков вы имеете право пользоваться всеми перечисленными войсками самостоятельно. Предупреждаю: подкрепления не будет». В область до мятежа было подтянуто 3736 штыков и в казачьих сотнях не более 500 штыков [15: ф. 44, оп. 1, д. 20076, л. 1–15].

Вызванные отряды военных и казаков еще сильнее накаляли обстановку, наводя страх на мирное население, ожидавшее справедливого решения при составлении списков призываемых рабочих. Содержание этих конных отрядов легло новым бременем на плечи населения. Например, в Чингирлауской волости и по аулам было расквартировано 75 казаков, содержание которых в сутки обходилось киргизам в 25 баранов и 25 пудов овса. В Кустанайском уезде в пределах Аракарагайской волости было расквартировано 125 казаков и в пределах Кинаральской и Миндыгаринской еще 125 казаков [5: 60–61].

Воинские подразделения, которые были плохо обеспечены жильем и питанием, с введением военного положения в Туркестане и придания им карательных функций, еще до начала восстания стали мощным детонатором, провоцирующим коренное население к мятежу.

Не только военные, жандармы, казаки, добровольные дружинники, но даже простые крестьяне воспринимали введение военного положения в Туркестане как разрешение на открытый грабеж, притеснения и убийства – как войну против коренного населения. Так, участковый Грибановский, обследуя Беловодский участок Пишпекского уезда, писал, что «русское население питает недоверие ко всем киргизам, волнуется и угрожает истреблять всех киргиз. Населению объяснял, что убивать мирных киргиз жестоко, бесчеловечно и т.д., но они ничего не признают, уповая, раз военное положение, то должно бить всех. Русское население сильно возбуждено». 12 августа в с. Беловодском несколько десятков дружинников захватили по горам несколько сот мирных киргизов, которые были убиты собравшейся толпой русских крестьян. При подсчете убитых оказалось 517 человек [2: 22–23].

На отдаленных окраинах никто и ничто не могло помешать отрядам казаков и добровольным дружинам заниматься грабежами и насилием над мирным населением. Именно наглое, преступное поведение жандармов, казаков и местной администрации вызывало крайнее возмущение коренного населения. Получив в руки оружие, они начали промышленлять грабежами и насилием среди мирного населения, которое в отчетах, для оправдания своих действий, еще и обвинялось в мятеже. Так как контроль над этими отрядами и добровольными дружинами осуществить было невозможно, остановить чинимые ими беззакония стало невыполнимой задачей, которую, впрочем, никто серьезно и не ставил. Так, киргизы Иркештамского аульного общества жаловались, что им «жить положительно невозможно в своем ауле, так как начальник Иркештамского гарнизона вместе со своими казаками разъезжает по аулу, отнимает у киргиз масло, сено и баранов, а в случае отказа, наносит киргизам побои, причем жаловаться не разрешает, ссылаясь на военное положение». Начальник Ошского уезда Мельников в рапорте военному губернатору Ферганской области П.П. Иванову, сообщая об этих жалобах, добавлял, что «казаки распущены, и расправляются с киргизами по своему усмотрению» [4: 130–131].

Уже 10 июля в военные части было разослано распоряжение командования, гласившее: «Ввиду случаев употребления огнестрельного оружия против безоружных масс туземцев, предлагаю разъяснить войскам, что оружием нужно пользоваться в высшей степени осмотрительно, и только при явно враждебных выступлениях» [8: 1]. Таким образом, военные начали стрелять по безоружному коренному населению уже в первых числах июля, а коренное население Северного Кыргызстана стало нападать на русские селения только через месяц – в

начале августа. Это были ответные действия повстанцев на незаконные воинских подразделений, но они воспринимались мирными русскими крестьянами так, будто бы киргизы стали нападать первыми.

Не все военные и дружинники занимались грабежами и насилием над мирным населением. Ряд русских офицеров, чиновников и простых крестьян по мере своих сил противодействовал развязыванию противоправных действий в отношении коренного населения. Г. Бройдо приводит несколько примеров по этому поводу. Так, оставшийся в Пишпекте Путинцев был против восстания, и беспорядков не было в 12 волостях, окружающих Пишпек, несмотря на то, что киргизы этих волостей были в близких отношениях с киргизами, перебитыми в Беловодской волости. Некий Лукашин, обезоружил и выгнал двух вооруженных дружинников, которые в мирной киргизской волости отнимали имущество и угрожали смертью местному населению [1: 26].

18 июля Военный министр приказал Фольбауму доносить о настроении населения Семиречья 3 раза в сутки: в 6, 12 и 19 часов. Со всех концов Семиречья Фольбаум получает сообщения с мест о тревожном настроении населения и массовых откочевках в Китай. Так, начальник штаба 6-го ополченского корпуса писал А.Н. Куропаткину, что «неудовольствие киргиз не вылилось бы в форму восстания, если бы местной администрацией были приняты соответствующие меры, так как о брожении, происходящем среди киргиз, было заведомо известно администрации. Начальник Верненского охранного отделения ротмистр Железняков еще за месяц до начала восстания доносил о брожении киргиз в Петроград и об этом докладывалось губернатору» [15: ф.44, оп.2, д.16920, л.162–163]. Но, несмотря на все видимые признаки зреющего недовольства в среде коренного населения, Фольбаум три раза в сутки, весь июль и первую декаду августа отправляет в Ташкент сообщения о том, что в крае все спокойно, в основном, без перемен [15: ф.44, оп.1, д.16935, л.1–82]. Такие же сообщения посылались Фольбауму уездным начальником Пржевальского уезда полковником Ивановым вплоть до начала восстания в его уезде, так как вызванные слишком рано войска могли предотвратить возникновение конфликта, без которого невозможно было отобрать земли, скот и опиум у местного населения.

20 июля 1916 г. Фольбаум испрашивает приказа из Штаба округа, чтобы все сношения с гарнизонами Семиречья делать только через него. Свою просьбу он аргументировал тем, что «начальники малых гарнизонов делают распоряжения о реквизициях или охране селений, противные моему плану, чем усложняется работа и вносится ненужная

нервозность и даже тревога. Объединяя всю военную и гражданскую власть на месте, только один я могу планомерно начальствовать над местными силами, как гражданскими, так и военными. В области спокойно, даже откочевки в горы или пески не представляют чего-либо непоправимого». Командующий войсками генерал Ерофеев из Ташкента удовлетворил эту просьбу и приказал по всем вопросам обращаться непосредственно к губернатору Фольбауму [15: ф.44, оп.1, д. 20064, л. 9].

Сосредоточив в своих руках весь полицейско-административный ресурс и военные силы против неорганизованных туземцев, Фольбауму не составляло труда привести свой план к успешному исполнению. Конечным итогом всей операции стало ограбление и массовое истребление туземного населения и вытеснение его с территории проживания, причем, для достижения этой цели в жертву было принесено русское крестьянство. Так, нападению мятежников, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек, подверглись 94 русских селения, в которых было сожжено и разрушено 5373 двора [4: 415–416].

1 августа, когда население киргизских волостей уже составило списки и мирно дожидалось призыва рабочих, Фольбаум докладывал в Ташкент командующему войсками: «Для надобности войск в целях придачи карательным отрядам подвижности вынужден был разрешить реквизировать лошадей. За отсутствием денег лошади берутся у населения под квитанции» [15: ф. 44, оп. 1, д. 20064, л. 33].

Это был приказ, который фактически разрешал карательным отрядам производить откровенный грабеж еще мирно сидящих киргизских волостей. Реквизиция лошадей и транспорта у населения, по непосредственному приказу Фольбаума, производилась в течение нескольких месяцев, и продолжалась уже после прекращения беспорядков, во всех волостях Семиречья. Фактически, под предлогом борьбы с мятежниками военные, по указанию военного губернатора Семиречья, попросту грабили мирное население. Обеспокоенный создавшимся положением, при котором вооруженные отряды отбирали у мирного населения весь имеющийся транспорт и лошадей, заведующий Переселенческим делом в Семиреченском районе писал в докладной записке: «По Верненскому уезду под рабочих киргизов и на казенный транспорт взято более 2,5 тысяч лошадей и телег, что составляет почти все наличное количество работоспособного инвентаря сельского населения. Если потребуется доставка зерна в Ташкент, то доставлять будет нечем, т.к. все транспортные средства по селам исчерпаны. Если

не будет согласования деятельности по набору лошадей и подвод, то области грозит полное обнищание» [15: ф. 44, оп. 1, д. 20064, л. 130].

В Пржевальском уезде беспорядки начались только через неделю после этого приказа, который в немалой степени спровоцировал нападения киргизов на русских крестьян. Первоначально киргизы угоняли у крестьян только лошадей, чтобы продолжить бегство от карательных отрядов.

Высшая администрация в центре и на местах была хорошо осведомлена о недовольстве коренного населения, вызванном указом о реквизиции на тыловые работы и подготовки части населения к мятежу, но никаких мер не предпринимала, выжидая и активно способствуя развязыванию беспорядков. Об этом свидетельствуют многие документы, приведем лишь один. В протоколе допроса чиновника М. Мураталина читаем: «Я лично писал два донесения в Токмак к приставу и Уездному начальнику ещё 8 августа о предполагающемся мятеже, так как шайки уже собирались. В этих донесениях я просил о помощи, но меня с этими донесениями в Токмак не пропустили казаки, однако донесения от меня приняли, но доставили ли их по назначению, я не знаю» [14: ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 31].

Чаще всего, именно местные власти были распространителями тревожных слухов и инициаторами вооруженных нападений на мирные киргизские волости. Г.И. Бройдо отмечает, что слухи о готовящемся бунте киргизов усиленно распространялись администрацией, и русское население с этого момента начинает вооружаться. Такой же слух о том, что русские будут резать киргизов, столь же интенсивно разносился по степи [1: 2, 24].

В рапорте Николаю II от 22 февраля 1917 г. о восстании 1916 г. в Семиречье генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин писал: «В общем, чины администрации оказались не осведомлены, как отнесется население к призыву рабочих, в администрации были не осведомлены о действиях населения» [6: 12]. Это может говорить о том, что военному губернатору Семиреченской области М. Фольбауму удалось ввести в заблуждение краевое начальство своими ежедневными телеграммами о том, что в Семиречье все спокойно, в основном, без перемен.

На самом деле, в архивных документах сыскной полиции и самой администрации находятся доклады филёров, переводчиков, чинов администрации, в которых подробно описываются тревожные настроения и метания, происходящие в массе туземного населения, и подготовка части молодежи к вооруженному сопротивлению властям.

Депутаты Государственной Думы, приезжавшие в Семиречье для расследования причин восстания 1916 г., обвинили администрацию в том, что она не предпринимала никаких мер к разъяснению киргизам указа о реквизиции, а занималась вымогательством. Депутаты отмечали, что именно применяемая администрацией откупная система возбудила вражду между богачами и бедняками, почему и начались волнения [15: ф. 44, оп. 1, д. 72, л.189]. Ведь в тех волостях, где проводилась разъяснительная работа о том, что киргизы и казахи будут работать в тылу и получать за это деньги, население успокаивалось и соглашалось добровольно выполнить указ о мобилизации. Например, один из документов гласит: «Некоторые из загорных волостей не присоединились к восстанию, благодаря влиянию М. Дикомбаева Кокчинской волости и Худайбергена Раимбекова Сусамырской волости. Эти главари удержали киргиз от восстания» [3: 44]. Такое же положение было в ряде казахских аулов, где работали переводчики Чигиров, Джайнаков и Токсомбаев. Областная администрация командировала этих интеллигентных переводчиков в степь для разъяснения кочевникам действительного положения вещей, что им и удалось сделать, чем было предотвращено объединение казахов. Убийств русских в этом районе было очень мало и вообще, казахи действовали нерешительно. В других волостях (особенно экономически благополучных и богатых плодородной землей) «туземное» начальство, очевидно, с подачи представителей русской администрации, наоборот, подбивали население к мятежу [15: ф. 44, оп. 1, д. 19369, л. 45].

Вместе с Фольбаумом, огромную провокационную роль в разжигании кровавого конфликта в Семиречье, сыграл полицмейстер города Верного, штабс-ротмистр Поротиков, который организовал неофициальную систему сыска среди местных мусульман. Постепенно вокруг него сложилась мощная преступная группировка, которая занималась вымогательствами и грабежами среди туземного населения. Деятельность группировки поддерживалась и прикрывалась главой области и правоохранительными органами.

Злоба населения против целой сети жандармов стала одним из слагаемых в общей сумме народного недовольства в Семиречье. В союзе с администрацией и военными, они провоцировали население на агрессию и панику, чтобы затем иметь законные основания для открытого грабежа населения под предлогом подавления мятежа.

Рассмотрим на примере, как полицмейстер Поротиков вел дела политического сыска среди коренного населения Семиречья. Согласно показаниям околоточного надзирателя Верненской полиции Нургали

Джайнакова, 8 июля 1916 г. он был послан Поротиковым на урочище Ушконур, где должен был быть сход киргизов (казахов) Джаильмышевской волости. По словам Поротикова, там будут обсуждать вопрос: «Давать или не давать рабочих на тыловые работы?». Прибыв на Ушконур 9 июля, Джайнаков узнал, что сход уже состоялся накануне, и на нем решался только вопрос о сборе сведений, потребных для переписчиков скота. Но Поротиков от имени Джайнакова уже донес военному губернатору Семиреченской области, что на этом сходе Сят Ниязбеков склонял свою волость не давать рабочих по реквизиции. На основании этого ложного доноса один из самых заслуженных и всеми уважаемый казах Верненского уезда Сят Ниязбеков был арестован, провел в тюрьме 4 месяца и был освобожден только после 16 октября 1916 г. В феврале 1917 г. Временный суд г. Верного установил, что Сят Ниязбеков был оговорен агентом Джайнаковым под давлением Поротикова, сам же Ниязбеков население к бунту не подстрекал [15: ф.77, оп.1, д.818, л. 11].

Ротмистр Железняков, проведя расследование этого дела, выяснил, что 6 июля волостной управитель Джаильмышевской волости Бейсембай Чарбарджанов объявил своим сородичам, что правительство требует солдат. Сят Ниязбеков при народе говорил Бейсембаю, что он неправильно объявляет, что от киргиз требуют не солдат, а рабочих с платой. Бейсембай же ответил, что у него есть предписание от начальника о том, что берут именно в солдаты и нужно к 25 июля приготовить списки для отсылки уездному начальнику. Разъяснение Бейсембая подействовало угнетающе на казахов [15: ф. 797, оп. 1, д. 36, л. 190].

Выходит, волостной управитель Джаильмышевской волости, выполняя предписание администрации, распространял заведомо ложные сведения, вызывая недовольство казахов русскими властями, а Поротиков оговорил и арестовал Сята Ниязбекова, который пытался помешать подстрекательским действиям властей. Такая же картина наблюдалась и в Джаркентском уезде. Интересно, что, когда туда прибыла команда для ареста Узака Саурукова, занимавшегося агитацией против набора рабочих среди киргизов Пржевальского уезда, участковый начальник Подварков не разрешил его арестовывать, якобы из опасения вызвать недовольство местного киргизского населения [4: 354–355].

Подобные расправы с неугодными людьми раскрывали Поротикову и его агентам широкую дорогу для незаконных поборов, провокаций и прямого грабежа в степи. Киргизские волости в течение нескольких лет до восстания незаконно обирались агентами сыска Поли-

цмейстера. Местные жители поступали в агенты не из-за жалованья или почёта, а чтобы подчеркнуть свою благонадёжность и спастись от немилости агентуры. Народ стал смотреть на власть, как на особую организацию для поборов и вымогательства с населения, которые безнаказанно творили насилие и произвол. Инженер Тынышбаев показывал на следствии, что «перед самым волнением в Пржевальском уезде также "работали" агенты Поротикова во главе с Исабаевым. Везде, где побывали агенты Поротикова, затем начинались волнения» [14: ф. И-75, оп. 1, д. 46, л. 118].

Ротмистр Железняков, расследуя причины восстания (его отчет от 10 февраля 1917 г.), считал одной из главных провокационную деятельность административно-полицейского аппарата [14: ф. И-75, оп. 1, д. 46, л. 41–51]. Весной 1917 г., находясь на гауптвахте, он писал в докладной записке: «Я принял все зависящие от меня меры по предотвращению мятежа туземцев и последствий его по случаю набора рабочих от них, который считал и считаю, по его условию, провокацией сверху» [15: ф. 797, оп. 1, д. 50, л. 45]. В Постановлении Семиреченского областного киргизского комитета от 23 сентября 1917 г. по поводу содержания под стражей В. Железнякова отмечалось, что необходимо «выразить доверие Железнякову за его в высшей степени справедливое и гуманное отношение к киргизскому населению, которое проявлялось им с самого его прибытия на службу в Верный. С первых дней своей службы он начал бороться с порядками, введенными его предшественниками жандармскими офицерами Астраханцевым и Соколовым, а также полицмейстером г. Верного Поротиковым, занимавшихся обирательствами киргиз и провокацией, равно бороться вообще с незаконными действиями чинов административно-полицейской службы, беспощадно эксплуатировавшими киргизское население, пользуясь его темнотой и забитостью. Самая главная его заслуга – это борьба с провокацией темных личностей, стремившихся сначала вызвать беспорядки, а затем, когда таковые начались, разжечь вспыхнувший пожар» [15: ф. 797, оп. 1, д. 50, л. 79].

Восстание стало результатом противоправных действий центральной власти и администрации, при поддержке местных властей и военных, с целью захвата плодородной земли и грабежа коренного населения. Оно было искусственно создано, по меткому выражению Г. Бройдо, «взаимной паникой и вооружением друг против друга, разжигаемых действиями администрации и карательных отрядов» [1: 24]. После подавления восстания генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин объявил о намерении изъять 2,5 млн. десятин земли,

на которой была пролита русская кровь, с передачей ее в пользу военных и русского населения. После восстания в Пржевальском уезде киргизский скот, исчислявшийся к 1916 г. в 2327472 головы, считался весь погибшим. В остальных уездах убыль скота определялась в 30%. Вызванная восстанием убыль кочевого населения в области к январю 1917 г. приблизительно исчислялась в 38 тыс. кибиток с населением свыше 150 тыс. душ обоего пола [4: 415–416].

Провокация массовых беспорядков коренного населения, с последующим его ограблением и уничтожением, была для власть имущих удобным способом отъема земли, скота и имущества местных народов. Злоупотребления и хищения из государственной казны чинов администрации, тоже можно было списать на «бунтовщиков». Во избежание судебного преследования за содеянные злодеяния, коренное население разными способами вынуждалось к проявлению неповиновения, затем обвинялось в бунте, который потом жестоко подавлялся. А чтобы отвести от себя подозрения в причастности к развернувшимся трагическим событиям в Семиречье, виновными в случившейся трагедии Поротиков и Фольбаум называли немецких агентов и китайских анархистов, которые, якобы, подстрекали коренное население к восстанию. Ротмистр Железняков заявлял на это, что «немецкой пропаганды в крае не было, и если о ней кто-либо говорит, то это делается исключительно лишь для того, чтобы или оправдать свою близорукость или свою преступную бездеятельность» [15: ф.797, оп. 1, д. 36, л. 86/об.].

Во многих уездах области беспорядки явились следствием откровенной провокации администрации в лице полицейских, туземных жандармов и казаков, преследовавших цель отъема у коренного населения земли, скота и опиума. М. Фольбаум в телеграмме А. Куропаткину от 9 августа 1916 г. признавался, что «среди русских были злостные провокаторы, полагавшие, что бунт киргизов принесет выгоды русским, как при подавлении мятежа, так и после возможной конфискации земель» [15: ф. 44, оп. 2, ст. 2, д. 16921, л. 222].

Таким образом, главными режиссерами внутренних социально-экономических и политических процессов в Семиречье, на этой далекой окраине Российской империи, были представители колониальной администрации, озабоченные целью личного обогащения за счет грабежа и отъема земли у податного туземного населения. Их деятельность, противоречащая интересам Российского государства, подверглась судебному разбирательству и была осуждена центральными властями России.

Литература:

1. *Бройдо Г.* Восстание киргиз в 1916 г. М., 1925.
2. Восстание 1916 г. в Кыргызстане: сборник документов. Бишкек, 2011.
3. Восстание 1916 г. в Северной Киргизии: сб. док. / Сост.: М.Д. Рабинович, И.П. Лифшиц, В.И. Салий. Фрунзе, 1941.
4. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. М., 1960.
5. К истории восстания киргиз в 1916 г.: Документы, отражающие расстановку сил, причины, начало и ход восстания в 1916 г. в Тургайской и Семиреченской областях // Красный архив. 1926. № 3.
6. Куропаткин, ген. Рапорт Николаю II от 22.02.1917. о восстании 1916 г. Ташкент, 1917 / ФРРК НБ РК. Инв.69.
7. *Маджун Д.С.* Опиный фактор в трагических событиях 1916 г. в Семиречье // Воронежское востоковедение: сб. ст. Вып.1. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 63–78.
8. Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г. (его причины, течение и постепенная ликвидация) / Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК). Инв. 62.
9. *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 г. // Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926.
10. Туркестанские ведомости. 1916. № 157.
11. Характер восстания 1916 г. в Киргизии. Собрал С.К. Керимбаев в ЦГВИА РФ. 1952–1953 гг. / Рукописный фонд Института истории и литературы Национальной академии наук Кыргызской республики (РФ ИЯЛ НАН КР). Инв. 1503.
12. *Шварц В.* Документ № 52. Отношение Министра земледелия Военному министру о наделении казачьих станиц дополнительным земельным наделом за счет смещения киргиз / <http://daniyarov.kg>. Просмотрено 12.08.2018.
13. *Шварц В.* Генерал-губернатор Куропаткин: «Как могло случиться, что дети Шабдана стали во главе мятежа?» / <http://daniyarov.kg/2016/05/23/1916-god-rozhdenie-smert-i-yeksgumaciya-mif/> Просмотрено 12.08.2018.
14. Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан.
16. ЦГА Республики Узбекистан.

**Процессы взаимовлияния и взаимообогащения
в культуре – атрибут толерантности общества**

Ключевые слова: культура, толерантность, духовный ориентир, негативный фактор.

Аннотация. Культура советского народа эпохи социализма, в том числе и Кыргызстана, была важным элементом духовной общности, феноменальным экспериментом. Это закономерно способствовало формированию толерантности социалистического общества, развитию процесса взаимовлияния и взаимообогащения. На этапе демократических преобразований она подверглась жестким разрушительным негативам.

**Маданияттагы өз ара таасир көрсөтүү жана өз ара байытуу
процестери коомдун толеранттуулугунун белгиси катары**

Негизги сөздөр: маданият, толеранттуулук, руханий багыт, терс фактор.

Аннотация. Социализм доорундагы совет элинин, анын ичинде Кыргызстандын маданияты руханий жалпылыктын маанилүү бир бөлүгү болгон жана аны феноменалдуу эксперимент катары баалоого болот. Бул социалисттик коомдогу толеранттуулуктун мыйзам ченемдүү түрдө калыптанышына, маданиятка өз ара таасир тийгизүү жана аларды байытуу жараянынын өнүгүшүнө өбөлгө түзгөн. Демократиялык өзгөрүү шартында ал каттуу кыйроого учурап, терс көрүнүштөр менен коштолгон.

**Processes of mutual influence and mutual enrichment in culture –
an attribute of society's tolerance**

Key words: culture, tolerance, spiritual orientation, negative factor.

Annotation. The culture of the Soviet people of the era of socialism, including Kyrgyzstan, was an important element of spiritual community, a phenomenal experiment. This naturally contributed to the formation of tolerance of socialist society, the development of the process of mutual influence and mutual enrichment. At the stage of democratic transformations, it was subjected to cruel destructive negatives.

Распад СССР и объявление суверенитета вернули центрально-азиатский регион, в том числе и Кыргызстан, в исходную точку, обогатив общество элементом советской цивилизации – «социалистическим реализмом». С этим наследством новым странам предстояло войти в XXI век в качестве равноправных участников мировых культурных процессов.

Отвергнув идеологию коммунизма, провозгласив ориентацию на рынок, они стали создавать и укреплять основы своей государ-

ственности. Однако принципы советской культурной политики, подход к культуре, как к инструменту обслуживания власти, сохранились и в новых условиях. Метод социалистического реализма был единственной, замкнутой и хорошо разработанной идеологической стратегией, механизмы которой действовали более 70 лет. При этом необходимо признать, что, насаждая свои культурные стандарты, Советская власть, тем не менее, инициировала появление в Средней Азии культуры европейского типа [1: 4]. К тому же, несомненным завоеванием культуры эпохи социализма стал тот факт, что она была важным элементом духовной общности советского народа, проявляя себя не только цементирующей силой, но и фактором становления и развития самой личности.

В социалистическом обществе приобщение населения к культуре имело программный характер и решалось целенаправленно с мобилизацией всей системы идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы, являясь ответственным участком идеологической деятельности КПСС, то есть оно было поднято на уровень государственной политики. Духовная жизнедеятельность включала в себя и такое понятие как политическая культура (определенные знания, воззрения, убеждения, идеологические ценности), без которой невозможно было осуществить те гигантские общественно-политические, социально-экономические и культурные преобразования, достигнутые за столь короткий срок. Достаточно вспомнить, что из себя представляло общество досоветского периода и чего стоило консолидировать в ходе строительства социализма тот конгломерат этносов и наций с их грузом предрассудков, вековых привычек, эгоизма и агрессии. Это, несомненно, был мучительный процесс трансформации глубинных человеческих пластов, залегавших в различных формационных периодах, имеющих, к тому же, духовно ограниченное видение мира, стереотип мышления, социальную безответственность. Впрочем, подобную ситуацию можно наблюдать и сегодня, когда на обломках рухнувшего мира, уничтоженного до основания, сложилось нечто, состоящее из вандализма, манкуртизма, нигилизма, экстремизма, с его ярко выраженной агрессией, и других атрибутов современного постсоветского пространства.

Что касается центральноазиатского региона, в том числе и Кыргызстана, то, объявив себя суверенным, он встал перед необходимостью политико-культурной самоидентификации. Свое идеологическое строительство он начал с того же, что и Советская власть на этапе возникновения СССР, то есть монументальной пропаганды, основной за-

дачей которой является утверждение глубокой историчности государственных образований. Из анналов истории выискиваются наиболее подходящие для этого факты и персоналии, производится ревизия археологических и исторических изысканий, пересматриваются мифология и фольклор. В процессе выработки культурно-идентификационной модели понятия «суверенное» и «национальное» получают трактовку, основанную на приоритете титульных этносов, каждый из которых выискивает своего «отца нации», вставляемого в идеологическую нишу, образованную развенчанием культа В.И. Ленина. В Кыргызстане им стал национальный герой – Манас (Манас ордо), в Казахстане с джунгарским влиянием – Аблайхан, в Узбекистане – средневековый завоеватель – эмир Тимур (Темирлан), в Туркменистане – герой современности Туркменбаши, в Таджикистане – Исмаил Самани (основатель династии Саманидов).

Возникших из фольклора, легенд и преданий, часто объявляемых предками, представителей современной многочисленной элиты можно насчитывать десятками. Однако совершенно очевидно, что процессы поиска идентичности и корней, пышные лозунги возвращения к национальным традициям и возрождения духовности, театральные пафос утверждения древнейших основ государственности и незыблемости суверенитета, исследования и привлечение архаических и новых технологий – все эти грандиозные усилия и фальсификации направлены, в сущности, на персональные самоидентификации лидеров.

Культура Кыргызстана XX века – феноменальный эксперимент, так как вместе с другими национальными культурами СССР она оказалась в особом политическом, идеологическом и эстетическом режиме. Административно-командные методы руководства заменили естественный ход ее развития, нейтрализовав собственные пути развития национального искусства. Приоритеты культуры были отданы социалистическому образу жизни, который обслуживал не только профессиональное, но и народное творчество с его вековыми традициями. Вплоть до 80-х годов деятелей литературы и искусства Кыргызстана объединяли профессиональные творческие союзы, появились яркие, талантливые произведения, в которых причудливо сочетались конъюнктура, иллюзорная вера в коммунистические идеалы, честное служение своему народу. Возможно, впервые за всю мировую историю художественная культура искренне обслуживала интересы государственной власти, полагая, что именно это государство осуществит ту великую гуманистическую идею, которая всегда лежала в основе лю-

бого творчества. Данная часть творческой интеллигенции и определила ведущие тенденции художественного процесса. К тому же, искусство, помимо эстетической, выполняет еще целый ряд жизненно важных функций, в том числе политическую, социальную и культурно-просветительную, так как оно участвует в формировании мировоззрения, стимулируя или блокируя его динамику, культивируя одни нравственные ориентации и ограничивая другие [1: 5–6].

Следует отметить, что на всех этапах истории, в той или иной мере, но всегда, происходил международный культурный обмен. Мировая культура содержит множество примеров восприятия духовных ценностей одних народов другими, и этот процесс всегда способствовал прогрессу человечества.

К началу XX столетия в Кыргызстане в первозданном виде были сохранены древнейшие образцы народного искусства, но только в изустной форме. Уже с первых лет Советская власть проявляла постоянное внимание к культурному наследию кыргызского народа. В процессе реализации культурной революции была сохранена преемственность традиций народного творчества и принципов профессионального искусства.

Кыргызская художественная культура развивалась под непосредственным влиянием русской, интенсивно осваивая ее богатейший опыт. Ее лейтмотивом было осмысление проблем современности на высоком профессиональном уровне, что и позволило ей стать основной частью не только советской многонациональной культуры, но и мировой. Характерной ее чертой являлось то, что она функционировала в рамках единой интернациональной художественной культуры на основе социалистического реализма. Все процессы, происходившие в этой сфере, проходили под непосредственным руководством партийных органов во главе с КПСС, задачей которой было воспитание трудящихся в духе коммунистической убежденности, единства партии и народа, торжества ленинской национальной политики, героики борьбы за социализм. В произведениях прозаиков, поэтов и драматургов нашли воплощение темы труда и морального облика современника, патриотизма, дружбы и братства, что закономерно способствовало формированию толерантности социалистического общества.

Административно-командная система диктовала свой стиль управления культурным процессом, поэтому периодически издавались постановления, контролирующие его развитие. Правительства и партийные организации союзных республик занимались им в русле общесоюзного руководства сферой культуры, регулируя различные ас-

пекты ее функционирования. В них подчеркивалась необходимость творческого сотрудничества деятелей культуры для создания идейно и художественно полноценных произведений. Пьесы и спектакли должны были способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, особенно проявившегося в годы Великой Отечественной войны. К работе таких газет, как «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Советское искусство» и «Литературная газета» привлекались квалифицированные театральные и литературные критики для систематической публикации статей о новых произведениях писателей и драматургов. Редакции республиканских, краевых и областных газет постоянно освещали новые постановки местных театров.

Комитет по делам искусств принимал меры по переводу на языки народов СССР и включению в репертуар театров республик лучших произведений советской драматургии. Перед Академией художеств СССР, объединяющей в своих рядах лучших мастеров многонационального советского искусства, были поставлены ответственные задачи в борьбе за социалистический реализм, высокое художественное мастерство. Работники советской кинематографии должны были способствовать подъему идейного уровня киноискусства всех народов СССР. Обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик, Министерству культуры СССР предписывалось проведение в творческих союзах, учреждениях искусств соответствующей разъяснительной работы. Особо подчеркивалась важность художественного перевода, благодаря которому стал возможным обмен богатейшим опытом разных культур, использование достояния духовных ценностей мирового сообщества.

Значительный вклад в развитие духовности и художественной культуры кыргызстанского общества вносили культурно-просветительные учреждения. Атрибуты толерантности, вопросы патриотизма, интернационализма, дружбы народов были постоянно в центре их внимания. Именно они, вместе с коммунистической идеологией, в период так называемых демократических преобразований, были подвергнуты остракизму и нигилизму. В результате этих процессов мы имеем современные разрушительные негативы, которые становятся дестабилизирующими факторами на всем постсоветском пространстве.

Оказавшись в жестких тисках криминального капитализма, нынешнее общество закономерно проводит исторические параллели, обращаясь к опыту организации и функционирования многонациональ-

ного советского государства с его стремительным экономическим и культурным развитием, удивительной толерантностью союзов наций и народностей его составляющих. В художественной культуре народов СССР происходили закономерные процессы взаимовлияния и взаимообогащения, формировались прогрессивные этические и эстетические представления, постигался опыт многогранного мира и человека как его высшего земного проявления. На каждом этапе она развивалась в соответствии с закономерностями исторического развития, то подчиняясь им, то протестуя и выходя за общественные рамки, но в этом, видимо, и есть диалектика преобразования духовной сферы общества.

Литература:

1. *Старусева Т.И.* Культурные процессы в Кыргызстане (1917–2010 гг.). Проблемы культуры и общества. Бишкек: Алтын-Тамга, 2014.

АРХЕОЛОГИЯ

Батырбаева Ш., Скрипкина С.

Основные направления, проблемы и перспективы исследования северного участка Великого Шелкового пути в Кыргызстане

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, археологические исследования, северный участок, направления, проблемы.

Аннотация. В статье дана общая характеристика особенностей географического положения Кыргызстана, послуживших в древности разветвлению Великого Шелкового пути на три ветви – южную, ферганскую и северную. Причинами упадка северного участка ВШП, наряду с общеизвестными факторами, могли стать и природные, и социальные катаклизмы, в частности землетрясения, эпидемии чумы, уносившие жизни огромного количества людей, спровоцировавшие вынужденные безвозвратные миграции населения. В условиях цифровизации исторической науки с использованием ГИС-технологий, возможны и воссоздание целостной картины, охватывающей всю трассу ВШП с разделением на несколько исторических этапов, и создание многослойных электронных карт, содержащих разностороннюю информацию, и реконструкция наиболее значимых архитектурных памятников с применением 3D-моделирования.

Кыргызстандагы Улуу Жибек жолунун түндүк аймагын изилдөөнүн негизги багыттары, проблемалары жана келечеги

Негизги сөздөр: Улуу жибек жолу, археологиялык изилдөөлөр, түндүк бөлүгү, багыт, проблема.

Аннотация. Макалада Кыргызстандын географиялык абалынын өзгөчөлүгүнө жалпы мүнөздөмө берилет. Байыркы мезгилдерден баштап бул аймак аркылуу Улуу Жибек жолунун үч багыты – түштүк, фергана жана түндүк бутактары өткөн. УЖЖнун түндүк багытынын өз маанисин жоготушуна белгилүү факторлордон сырткары, табигый себептер, социалдык катаклизмдер, тагыраак айтканда көптөгөн адамдардын өмүрүн алып кеткен жер титирөөлөр, эпидемиялар (чума) чоң таасир тийгизген. Ал өз кезегинде элдердин аргасыз түрдө артка кайткыс миграциясын пайда кылган. Тарых илимин санариптештирүү шартында ГИС-технологияны пайдалануу аркылуу УЖЖнун бүт багыттарын толук калыбына келтирүү, алардын

этаптарын аныктоо, түрдүү маалыматтарды камтыган бир нече катмарлуу электрондук карталарды түзүү жана 3D-моделдештирүүнү колдонуу аркылуу белгилүү архитектуралык эстеликтерди калыбына келтирүүгө болот.

The main directions, problems and prospects for the study of the northern section of the Great Silk Road in Kyrgyzstan

Key words: The Great Silk Road, archaeological research, northern section, directions, problems.

Annotation. The article gives a general description of the features of the geographical position of Kyrgyzstan, which served in ancient times to branch the Great Silk Road into three branches - the southern, Ferghana and northern. The causes of the decline of the northern section of the HSE, along with well-known factors, could be both natural and social cataclysms, in particular earthquakes, plague epidemics, which claimed the lives of a huge number of people, provoked forced irrevocable migrations of the population. In the conditions of digitalization of historical science using GIS technologies, it is possible to recreate a complete picture covering the entire route of the HSE with division into several historical stages, and the creation of multilayer electronic maps containing versatile information, and the reconstruction of the most significant architectural monuments using 3D modeling.

Географическое положение Кыргызстана предопределило его важное место на Великом Шелковом пути. По территории нашей республики проходили три ветви Великого Шелкового пути – ферганская, южная и северная. Веками сложившаяся система караванных путей (ВШП) в Кыргызстане выступала как универсальная система обмена накопленными ценностями, созданная, развиваемая и поддерживаемая людьми разной этнической, языковой, религиозной принадлежности. Пути послужили объединяющим фактором различных регионов республики со странами Евразии – от Китая до Западной Европы. Изучение культурного наследия ВШП сформировалось как отдельное направление в гуманитарных науках Кыргызстана. При этом сегодня в Кыргызстане историческая география, как отдельное направление, еще не сложилась, хотя наша страна в силу своего геополитического положения с древности по настоящее время всегда находилась в центре всех евразийских значимых исторических процессов. Вследствие этого, и кыргызстанский участок Великого Шелкового пути, несмотря на свою роль и место в истории кыргызского народа и нашей страны, до сих пор не стал объектом специального исследования. Отдельные же вопросы главной магистрали, соединяющей в течение полутора столетий Восток и Запад, так или иначе, освещались в трудах историков Кыргызстана.

Проведенный обстоятельный обзор научной литературы, рассматривающей те или иные вопросы кыргызстанского участка ВШП, выявил, что сегодня исследование данной проблемы в основном проводится в рамках археологической науки. Исходя из вышеизложенного, исследование истории ВШП в отечественной науке условно разделим на 3 этапа.

1-й этап – XIX–начало XX вв. После присоединения Кыргызстана к России в контексте определения потенциала новых присоединенных земель стали целенаправленно изучать территорию и памятники, относящиеся к периоду функционирования ВШП.

2-й этап – советский период истории. В процессе строительства основ социализма, когда закладывались основы начального, среднего и высшего образования, началось планомерное исследование истории республики древнего и средневекового периода. В годы ВОВ, с эвакуацией научных учреждений и основанием киргизского филиала АН СССР, расширилось исследование историко-культурного наследия, главным образом, за счет целенаправленных разведывательных работ по изучению памятников, находящихся вдоль трассы ВШП. В конце 1950–80-х годов XX в. активизировались археологические исследования, вызванные строительством крупных промышленных объектов, в первую очередь, водохранилищ и гидроэлектростанций. Продолжались археологические работы, начатые по инициативе сотрудников АН Киргизской ССР и преподавателей кафедры археологии и этнологии Кыргызского государственного университета.

3-й этап – постсоветский период истории. В 1990–2005-е гг. с обретением независимости КР начинается целенаправленная работа по изучению памятников древности и средневековья в рамках проведения 1100-летия эпоса Манас, 3000-летия города Ош, 2200-летия кыргызской государственности, организовываются международные экспедиции, а также подключаются к исследовательской работе сотрудники новых международных вузов республики. С началом работы под эгидой ЮНЕСКО (2000-е годы) по изучению историко-культурного наследия, в процессе строительства новых инфраструктур страны продолжается археологическое изучение отдельных памятников ВШП. С вхождением в ЕАЭС и развитием промышленных предприятий, с началом реализации инициативы «Один пояс – один путь» активизируются исследования по всей трассе ВШП.

На первом этапе, с присоединением северного Кыргызстана к Российской империи в середине 50-х годов XIX в. по инициативе Императорского русского географического общества (ИРГО) были орга-

низованы регулярные экспедиции в Центральную Азию (П.П. Семенова-Тянь-Шанского, М.Н. Пржевальского, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, Н.А. Северцева, Г.Н. Потанина, М.В. Певцова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.А. Обручева и др.), маршруты которых в разной степени проходили по территории Кыргызстана. Труды этих ученых имеют большое значение в исследовании ВШП. В них излагались не только география и геология, метрология, геоморфология центральноазиатского региона, а также содержались сведения об истории и культуре края [13, 33, 34].

С учреждением Туркестанского отдела ИРГО 20 мая 1896 г. началось более конкретное изучение на севере Кыргызстана разветвлений торговых путей, раскрывающих свою специфику. Благодаря трудам членов ИРГО и ТОИРГО в научном обороте утвердилось обозначение этих путей как «Великий Шелковый путь». В этом плане краеведческая деятельность представителей администрации Туркестанского генерал-губернаторства также имела немаловажное значение. Уже к середине 70-х годов XIX в. было накоплено некоторое количество эмпирической информации о древностях северного Кыргызстана. Так, на IV археологическом съезде, проходившем в 1877 г. в Казани, были представлены сообщения от генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана о башне Бурана и от военного востоковеда и историка, генерал-лейтенанта М.А. Терентьева о самом городище Бурана [36].

Среди сотрудников краевой администрации особо выделялась деятельность Н.А. Аристова. Будучи в 1887–1889 гг. чиновником Туркестанского генерал-губернаторства, управляя отделением Семиреченской области, он углубленно изучал историю кыргызского народа. На основе научного анализа обширной, в том числе и иностранной литературы, используя материалы центральной и периодической печати, выявлял на территории Чуйской, Таласской долин, Прииссыккуля и Внутреннего Тянь-Шаня городища и поселения древности и средневековья. При уточнении кыргызстанского участка маршрутов ВШП ценным стало его видение о местонахождении зафиксированных поселений и определении расстояний между ними. Его выводы до сих пор актуальны [3].

Применительно к этому периоду следует обратить внимание на личность всемирно известного востоковеда В.В. Бартольда. Первая его научная поездка в Среднюю Азию состоялась в 1893 г. По его инициативе создан в 1895 г. Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), занимавшийся изучением исторических памятников Цен-

тральной Азии. Он, как профессионал-востоковед, представитель академической науки, вносит свои коррективы в исследование Н.А. Аристова, практически очень емко и содержательно дополняя и обосновывая материалами из восточных источников. Впервые на научной основе он описал торговый путь из Западной Азии в Китай через Семиречье, обозначил маршрут северной ветви ВШП. Для решения проблемных вопросов исследования торговых путей ВШП считал, что необходимо сравнительно-сопоставительный анализ всего комплекса источников, в том числе китайских [4].

На этом этапе завершается период первоначального накопления информации, введен в научный оборот большой массив источников, собраны в достаточном количестве материалы, свидетельствующие о том, что на протяжении тысячелетий по территории Кыргызстана проходило много торговых путей, являющихся частью существующей главной трассы, соединяющей Восток и Запад. Тем самым были заложены солидные основы для изучения средневековой исторической географии региона. Были выявлены разногласия в фиксации и уточнены координаты ранее известных поселений, разночтения их названий, а также противоречия в установлении разветвлений маршрутов северной ветви. В этом плане становится актуальной систематизация материалов и картографирование.

На втором этапе (период советской истории) начались целенаправленные разведывательные работы на памятниках, расположенных вдоль трассы ВШП, осуществляемые совместно со многими крупными научными центрами Москвы, Ленинграда, Ташкента. В 1920 – начале 1930-х гг. были организованы работы археологических экспедиций, проводились раскопки А.П. Ивановым, В.Д. Городецким, М.Е. Массоном, А.И. Тереножкиным и др., производилось картографирование археологических памятников в отдельных районах северного Кыргызстана. Дальнейшая работа в этом направлении была связана в основном с исследованиями Семиреченской археологической экспедиции, организованной ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук и Комитетом наук при Совнарком Киргизской ССР (1933–1953).

Под руководством А.Н. Бернштама в 1933–1940-е годы были организованы археологические работы в Чуйской и Таласской долинах, проведен ряд экспедиций – по надзору на строительстве Большого Чуйского канала (1941), Тянь-Шаньская (1944–1946, 1949), Южно-Казахстанская (1947–1949), Памиро-Алайская (1947–1948), Памиро-Ферганская (1950–1952). В конце 1930–1940-х гг. историческая схема

развития культуры края, предложенная В.В. Бартольдом еще в конце XIX в., усилиями А.Н. Бернштама иллюстрируется археологическими материалами, продолжается начатый еще В.В. Бартольдом процесс отождествления большинства известных городищ с известными по письменным источникам городами и селениями. Результаты археологических экспедиций под руководством А.Н. Бернштама позволили датировать основные памятники, установить этапы исторического развития исследуемых регионов, трассы древних торговых путей. Выполняя археологические разведки и раскопки, экспедиции в то же время являлись и школой для подготовки археологических кадров для республики. Но в целом, в аспекте исторической географии не было специального исследования существовавших торговых путей, соединяющих Восток и Запад, не ставилось научной проблемы об их роли и значении в развитии евразийской цивилизации.

В 50-е годы XX в. в процессе строительства крупных промышленных объектов, водохранилищ, гидроэлектростанций перед археологами республики ставились задачи получить данные о наличии культурных слоев и их хронологических рамках в разных пунктах поселений, а также о конструкции внешних оборонительных сооружений. Что примечательно, в это время археологическими исследованиями занимались преимущественно кыргызстанские специалисты – сотрудники АН Кирг. ССР и преподаватели кафедры археологии и этнологии Кыргызского государственного университета. Среди них следует выделить П.Н. Кожемяко [16; 17: 53–90; 18; 19], который в 1952–1954 гг. производил систематические разведки и фиксации поселений в Чуйской и Таласской долинах, под его руководством исследовано 62 средневековых города, в окрестностях которых обнаружены еще более 40 поселений. В Таласской долине из 57 известных городищ 35 были подвергнуты раскопочным работам. В зоне затопления Токтогульского водохранилища изучена топография около 20 поселений, в зоне затопления Орто-Сайского водохранилища в Кочкорской долине и в зоне строительства Кировского водохранилища также была изучена топография свыше 30-и средневековых поселений. Если даже напрямую не связывали эти обнаруженные и зафиксированные городища, поселения с функционированием ВШП, тем не менее, результаты исследования показали временно-пространственную связь между этими пунктами и поселениями разного масштаба вдоль одной дороги.

В республике к 70-м годам XX в. уменьшились объемы археологических полевых исследований, вызванные, с одной стороны, завершением крупных больших новостроечных работ. С другой стороны,

после смерти П.Н. Кожемяко изучение памятников несколько утрачивает свою актуальность, программность и целенаправленность. Снижается финансирование экспедиций, превалируют инициативные работы, обусловленные целью и задачами научных и образовательных учреждений. Тем не менее, его ученики – А. Абетеков [1], Д.Ф. Винник, И. Кожомбердиев, В.П. Мокрынин, В.М. Плоских, В.Д. Горячева продолжали работы. В это время проводились работы на городище Бурана (В.М. Массон, В.Д. Горячева [24; 9: 130–142; 10; 11: 68–77], архитектурно-археологическое изучение Таш-Рабата – каменного сооружения в высокогорном районе Тянь-Шаня (М.И. Москалев, М.Н. Федоров) [27; 28: 49–52; 29; 30; 37; 38], на Иссык-Куле (В.П. Мокрынин, Д.Ф. Винник) [7; 8; 32: 5–21], на городищах Тюлек и Беловодской Крепости [25: 592–593; 26]. В публикациях и отчетах археологов основное внимание уделено топографии и архитектурным памятникам городищ.

В целом, в рассматриваемый период историками, этнографами и археологами собран значительный материал и проанализированы культурные слои, но в условиях непростых отношений с КНР и СССР, привязать результаты этих обзоров к ВШП, как слои цивилизации вдоль масштабной международной трассы, не приветствовалось, в какой-то мере оно и запрещалось. Об этом писал С.Т. Табышалиев: «До недавнего времени Великий Шелковый путь в советской литературе мало изучался. В обобщающих трудах, энциклопедических словарях о нем говорилось очень кратко и отрывочно. Эта тема даже в какой-то степени относилась к запретной проблематике. Помню, несколько лет назад была попытка отдельных ученых, а также работников телевидения и радио республики совместно с представителями других стран изучить пути прохождения Шелкового пути на территории Киргизии, но строго осуждалась официальными органами» [15: 4].

История древности и средневековья исследовалась в советский период преимущественно в рамках археологии и по следующим направлениям: изучение средневековых поселений, выявление масштабов оседлости в средневековье и ее динамики по северным субрайонам республики (долинные – Чуй, Талас, Прииссыккулье, Внутренний Тянь-Шань), а также разработка общей типологии этого явления. Нарботанные именно на этом этапе эмпирические и научные материалы в последующем стали основой целенаправленного исследования территории Кыргызстана как одного из важных участков ВШП.

С конца 80-х годов XX в. впервые в отечественной науке история Великого шелкового пути стала объектом научного исследования.

Толчком для специального исследования ВШП в это время послужили внешние и внутренние факторы. С учетом мирового значения феномена ВШП в 1987 г. ЮНЕСКО приняло 10-летнюю международную программу «Комплексное изучение Шелкового пути – пути диалога», которая предусматривала проведение международных экспедиций, научных форумов, реставраций археологических и архитектурных памятников, и популяризации памятников ВШП. В то же время с началом политики перестройки и гласности в Советском Союзе снимается скрытый запрет о его исследовании, тема Шелкового пути начала приобретать не только научное, а еще и государственное значение. В марте 1989 г. Совет Министров Киргизской ССР принял специальное постановление «О реализации программы «Киргизия на Великом Шелковом пути», для его реализации утверждается Координационный совет и рабочая группа при Правительстве республики. В мае 1989 г. прошел I Всесоюзный научно-практический симпозиум по проблемам изучения ВШП.

На третьем этапе, в 1990-х годах, в связи с политическим и экономическим кризисом и последовавшей затем структурной перестройкой всех сфер, начатые работы по истории ВШП были сведены к минимуму. Важным поворотным пунктом стала презентация в сентябре 1998 г. Президентом Кыргызской Республики А.А. Акаевым доктрины «Дипломатия Шелкового пути». Он акцентировал внимание на то, что ВШП в течение столь длительного времени играл роль связующего моста между странами и цивилизациями, а Кыргызстан – неразрывная часть Великого Шелкового пути. К сожалению, основное усилие, направленное на возрождение ВШП, исходило из тогдашнего состояния республики. Внимание акцентировалось на потенциале экономического, политического и культурного развития в условиях глобализации мира.

В исторической науке активизируется исследование древности и средневековья, основное внимание обращено на восполнение пробелов. Вводятся в научный оборот ранее недоступные источники, даже намечается некоторое их форсирование, связанное преимущественно с интересами зарубежных исследователей. Но, как и раньше, история ВШП не стала объектом специального исследования. В то же время впервые под эгидой Министерства образования Кыргызской Республики и Института образования был разработан историко-культурный атлас Кыргызстана, где были указаны основные маршруты ВШП. Ценность данного издания заключается в том, что на научной основе была определена динамика ВШП на основных исторических этапах,

которая была непростой и во многом определялась политическими обстоятельствами, формировавшимися и часто меняющимися границами между странами, интенсивностью хозяйственных отношений и пр. [14: 176]. К сожалению, данный атлас активно не был вовлечен в научный оборот. С одной стороны, он является редким экземпляром, не всегда доступным исследователям, с другой – от того, что в республике не сформировалось направления исторической географии, материалы данного атласа не востребованы, критически не осмыслены.

Как и ранее, вопросы истории ВШП исследуются в рамках археологии. Работа ведется в субрегионах северного Кыргызстана, на тех городищах, которые были ранее разведаны, зафиксированы. В отличие от ранее проведенных исследований, при анализе результатов поисковых, разведывательных и раскопочных работ акцент смещается на раскрытие влияния ВШП на развитие тех или иных культурных пластов. Поскольку основные археологические исследования сегодня проводятся с реализацией включения ВШП в список наследия, идея которого была уже озвучена в 2002 г. в г. Сиань, Кыргызстан стал активным сторонником данной инициативы. Археологи начали активно проводить работы в этом направлении. В рамках международного десятилетия культур (2013–2022) ЮНЕСКО запустил уникальную Он-лайн-платформу под названием «Шелковый путь» и в 2014 г. включил в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО памятники Бурана, Красная Речка и Ак-Бешим. Сегодня продолжается целенаправленное изучение памятников ВШП Б. Аманбаевой, В. Кольченко, К.Ш. Табалдиевым, О.А. Солтобаевым и др. [2].

Следует отметить, что с вхождением Кыргызстана в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а также началом реализации КНР доктрины «Экономический пояс Шелкового пути» в республике активизируются строительные работы, требующие экспертных заключений археологов об имеющихся культурных пластах и их значении. Экспертные работы такого плана осуществляются, главным образом, в тех районах, где раньше не проводились разведывательные экспедиции. Ценность этих археологических исследований заключается в пополнении новыми данными о северном участке ВШП, что будет способствовать пространственному анализу пути с учетом особенностей его субрегионов.

Представляют интерес исследования Элемановой Р.Т., в которых она с 2005 г. изучает проблемы истории ВШП с применением ГИС-технологии. К сожалению, из-за слабой информатизации исторической науки ее работы в свое время не нашли поддержки, но предло-

женные идеи в изучении северного участка сегодня становятся актуальными [39–41]. Для изучения пространственного анализа поселений и их картографирования имеют значение палеосейсмогеологические исследования кыргызстанских ученых. Их результаты показали, что в XII–XIII вв. в Чуйской долине, Внутреннем Тянь-Шане и Прииссыккулье происходили сильные землетрясения, подтвердившие предположение о том, что запустение средневековых городов объяснялось и природными катастрофами [20–22].

На основе проведенного обзора следует, что, хотя термин «ВШП» активно вводится в научный оборот в конце 80-х годов, вопросы северного участка ВШП, так или иначе, были в различной степени освещены, главным образом, археологами. При этом пространственный анализ разветвлений северного участка ВШП на основных этапах развития центральноазиатского региона не был проведен, изучались культурные пласты применительно к определенным местностям.

В связи с этим, далее рассмотрим памятники субрегионов Чуйской и Таласской долин, Прииссыккулья и Внутреннего Тянь-Шаня.

Прежде чем давать характеристику северному участку ВШП в Кыргызстане, охарактеризуем, опираясь на исследования отечественных историков, этапы его формирования, поскольку динамика Великого Шелкового пути была более сложной и во многом определялась политическими обстоятельствами, формировавшимися и часто меняющимися границами между странами, интенсивностью хозяйственных отношений и пр.

Сегодня в исследовании истории ВШП, *Таласская долина* остается вне поля зрения. По мнению отдельных ученых, уже в древности существовали интенсивные связи ранних государственных образований Усунь и Кангюй с ханьским Китаем через Таласскую долину, а именно через проход Кара-Бууринского ущелья и перевал Талас.

В настоящее время необходимо провести разведывательные работы для локализации ранних поселений, которые упоминались в письменных источниках древних авторов. В раннее средневековье здесь появляются центры оседлой и городской культуры, в первую очередь, обусловленные наличием полезных ископаемых, также и удобных для земледелия дельтовых районов. Позитивно отразились на урбанизации региона и миграционные процессы из земледельческих южных, центральных и западных среднеазиатских земель, в частности, из Согда. К этому времени относятся ранние слои нескольких крупных городищ в верхне-таласской зоне. Об этом упоминается в трудах мусульманских авторов, а также кыргызстанский археолог П.Н. Кожемя-

ко в своей статье «Оседлые поселения Таласской долины» отмечает, что ему удалось обследовать более пятидесяти раннесредневековых поселений, расположенных в киргизской части долины. Большое количество поселений, из которых более тридцати впервые вводятся в научный оборот, позволило произвести их археолого-топографическую фиксацию и на ряде городищ – стратиграфические разрезы различных масштабов. Изучение носило характер стационарных раскопок на одном городище Ак-Тобе. К сожалению, его отчеты и топографические карты не сохранились. В этом плане представляют ценность исследования В.Д. Горячевой, которая на основе изучения источников, отрывочных отчетов, а также опираясь на исследования С.Г. Кляшторного, статью С.И. Волина «Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районов», составила перечень городищ с указанием размеров и датировки. Хотя с ней не все согласны, но для исследования северной ветви он имеет важное значение. В последующем Б. Аманбаева, В. Кольченко, А. Сулайманова эти поселения локализовали, указав современное название, и отметили, что они являются «и своеобразными маркерами Пути», проходившего здесь [2].

Исходя из вышеизложенного, при изучении северного участка Таласской долины, в первую очередь, следует стремиться произвести локализацию установленных П.И. Кожемяко поселений, изучить архивы Семиреченской и Таласской экспедиций, кроме этого, использовать письменные источники древности и средневековья, и занести в карты.

На территории Тянь-Шаня археологическими исследованиями были охвачены средневековые могильники, поселения, крепости и городища – более 20 городищ, отличающихся друг от друга, в силу суровости края, областей. Эти поселения возникали в караханидский период VI–X вв., так как здесь проходили краткие пути из Ферганы в Таласскую и Чуйскую долины, и Прииссыккулье, а также в Восточный Туркестан. Тюркская аристократическая среда региона, являясь крупным потребителем импортных товаров, осуществляла и поставку транспортных и вьючных животных, а также охрану торговых путей на своей территории. Эти поселения и караван-сарай дошли до нас в виде развалин и бугров.

Памятники Тянь-Шаня были изучены в основном А.Н. Бернштамом и П.И. Кожемяко. Основываясь на их исследованиях, приведем *краткую характеристику* памятников, известных под названиями Кочкор-Башы, Кошой-Коргон, Таш-Рабат, Манакельды, Шырдакбек.

Средневековый город *Кочкор-Башы* указан на карте мира Махмуда Кашгари (Барсхани). В письменных источниках город описывается как один из центров правителей из среды Караханидов на Внутреннем Тянь-Шане. Он был расположен юго-западнее с. Кум-Добо на территории Кочкорского района Нарынской области.

Городище Кошой-Коргон или Ат-Баш является одним из крупных крепостных городов на Внутреннем Тянь-Шане, находится в центре Ат-Башинского района Нарынской области. Крепость Кошой-Коргон возникла скорее, как «ордо» – укрепленная ставка правителя кочевников, а во время военной опасности в ней могли укрыться местные жители и их скот. По мнению А.Н. Бернштама, в окрестностях Кошой-Коргона, в предгорной зоне, зафиксировано еще три небольших поселения, датированных также X–XII вв. [27, 28, 29, 30].

Городище Шырдакбек находится к юго-западу от Ат-Башы, в Ак-Талинском районе Нарынской области, в долине реки Ала-Бука, на пути из Ферганы к Атбашу. Представляет собой своеобразный комплекс, образованный частью оседлого земледельческого и ремесленного населения Ферганы. Городище отождествляется с известным по письменным источникам средневековым городом Каджингарбаши (IX–XII вв.).

Караван-сарай Таш-Рабат расположен на территории Ат-Башинского района Нарынской области, был ключевым пунктом при переходе через Тянь-Шань по Великому Шелковому пути через Торугарт. Через караван-сарай торговцы направлялись в города Ферганской долины. По мнению А.Н. Бернштама, вверх по ущелью пролегла трудная, но проходима́я дорога, которая, в обход перевала в Атбашинском хребте, выводила к высокогорному озеру Чатыр-Куль, а от него уже напрямую к Кашгару. Этот отрезок пути мог использоваться еще и в зимнее время, так как в здешних горах меньше снега. Время функционирования с IX по XIII вв. [5: 359].

Караван-сарай Манакельды находится в Ак-Талинском районе Нарынской области. Стоял на маршруте из Ферганской долины в районы Внутреннего Тянь-Шаня и Прииссыккуля, далее в Восточный Туркестан. По мнению А.Н. Бернштама, объект датирован VII–IX вв. и выполнял оборонительные функции. Но в последующих исследованиях, как по архитектурным памятникам, строительным материалам и приемам возведения, так и по керамическим комплексам, полученным при раскопках, П.Н. Кожемяко датировал его X–XII вв. и считал, что главное его предназначение быть караван-сараем. Заслуживает внимание также и вывод П.Н. Кожемяко о том, что караван-сарай был поки-

нут и заброшен, а не погиб в результате природных катаклизмов или военных действий [18].

На основе пространственного анализа можно сделать вывод, что караванные дороги, проходившие по описываемому региону в средние века, были значимы, так как являлись кратким путем из Ферганы в Таласскую и Чуйскую долины и Прииссыккулье, а также в Восточный Туркестан. Описываемый регион так же, как и Прииссыккулье, и Талас, через различные ответвления Пути был связан с Ферганской долиной. В этом плане для уточнения северного участка ВШП в этом субрегионе имеют большое значение результаты обследования П.Н. Кожемяко в 1958 г. двух географических районов – долины Суусамыра и долины Джумгала, которые до сих пор еще широко неизвестны.

Суусамырское городище близ с. Тунук в Суусамырской долине впервые было обследовано в 1953–1954 гг. А.К. Кибировым. Когда был снят глазомерный план, выполнены два разведочных шурфа, вскрылись погребения, датированные IX–XII вв. П.Н. Кожемяко раскопал площадь 433 м². Девять усадеб свидетельствовали о широком распространении оседло-земледельческой жизни на территории Киргизии и даже в столь высокогорных местах, как долина Суусамыр.

Чаекское городище стоит над краем надпойменной террасы р. Джумгал в 0,5 км к югу от с. Каирма Чаекского района. По результатам раскопок возможно допущение существования оседло-земледельческой жизни в Джумгальской долине уже в VIII в.

Тугельсайский комплекс поселений, находящийся в районе впадения в р. Джумгал его правого притока Тугельсая, включает 5 городищ. По результатам раскопок П.Н. Кожемяко предположил, что это было обычное оседлое поселение. Выше тугельсайского, в бассейне р. Джумгал были зарегистрированы еще 3 городища. Результаты раскопок на *кызылтуйском комплексе городищ* (вблизи колхоза Кызыл-Туу) показали, что собранная подъемная керамика состоит в большинстве из фрагментов станковой посуды оседлого населения X–XII вв. Главное значение результатов исследований П.Н. Кожемяко в том, что в высокогорном районе Тянь-Шаня, на основе непосредственного изучения местности и собранных при раскопках артефактов им сделан вывод о существовании оседлой культуры на северном участке трассы ВШП.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что основная часть маршрутов ВШП, проходивших по территории нашей страны в древности и средневековье, была связана с Тянь-Шаньской горной системой. Они пролегали вдоль ущелий, а зачастую и через различные

хребты, входящие в северный, южный, центральный, внутренний и западный Тянь-Шань. Поэтому приоритетными для Кыргызстана являются именно эти ответвления магистрали, сыгравшие значительную роль в установлении и развитии многочисленных и разноплановых связей между странами, народами и культурами Востока и Запада на протяжении пятнадцати веков.

Субрегион – *Чуйская долина* в изучении истории ВШП – наиболее известный, поскольку три его памятника – Невакет (Красная Речка), Суяб (Ак-Бешим), Баласагун (Бурана) включены в Список Всемирного наследия. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на этих памятниках. Они расположены на важном транзитном ответвлении ВШП, основное время его активного функционирования – раннее и развитое средневековье (VI – начало XIII вв.). Для изучения истории северного участка ВШП неопределимое значение имеет работа П.Н. Кожемяко «Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины», изданная в 1959 г., но до настоящего времени являющаяся единственным научно обоснованным исследованием о расположении поселений Чуйской долины. Результаты исследования показывают, что уже в начале I тыс. н.э. в Чуйской долине остались следы оседло-земледельческой культуры – близ с. Луговое. В дальнейшем возникновение поселений было связано с переселением в Семиречье жителей Шаша и Согда.

Многочисленные наблюдения и исследования топографической структуры, оборонительных сооружений и других элементов сохранившихся городищ свидетельствуют о том, что в раннее средневековье поселения в Чуйской долине в отличие от поселений этого времени других регионов имели свои особенности. П.Н. Кожемяко разделил все поселения на три группы. К первой группе с длинными валами были отнесены 18 городищ – Ашпара, Краснореченское, Ак-Бешим, Шиш-Тюбе, Каиндинское, Сокулукское, Беловодская Крепость, Сре-тенское, Александровское, Ключевское, Ново-Покровское, Чумыш-ское I, II, Степнинское (Ак-Тюбе), Толекское, Кысымчи, Полтавское, Грозненское, Бураинское [16]. Используя результаты предыдущих исследований, а также проанализировав материалы разведывательных и раскопочных работ, он довольно широко охарактеризовал эти городища, локализовал места их расположения. Как выше отмечали, комплексное исследование было проведено в основном на трех городищах – Красной Речке, Ак-Бешиме, Буране. Использование остальных сведений, собранных и проанализированных П.Н. Кожемяко, позволит нагляднее показать отрезок северного ответвления ВШП, какую роль

он сыграл в качестве проводника в процессе диалога культур между Западом и Востоком.

Зарегистрированные П.Н. Кожемяко еще свыше сорока других поселений и укреплений разделены им на две группы: 1) поселения в долине, в округе городищ с длинными валами и 2) поселения при выходе из самых больших ущелий Киргизского Ала-Тоо в Чуйскую долину. Эти материалы позволяют провести пространственный анализ внутрирегионального разветвления северного участка ВШП [16]. По его данным, в зоне городищ с длинными валами зарегистрировано и обследовано 28 мелких поселений и укреплений, группирующихся в их ближайшей округе. Наибольшая группа из 5 развалин расположена севернее городища Ак-Бешим. С восточной стороны городища Шиш-Тобе находятся еще 4 городища. В окрестностях Чумышских развалин находятся также 4 укрепленных поселения. Вокруг Ново-Покровского городища на расстоянии 2 км расположены еще 4 городища. В ближайшей округе Беловодской Крепости зарегистрированы 3 городища. Два городища расположены с западной и восточной стороны Красно-реченских развалин; одно к северу-востоку от городища Кысымчи, по одному – близ Сокулукского и Ключевского городищ и два торткуля к северу-западу от городища Кара-Джигач. У городища Бурана, за вторым валом, отмечены небольшие усадьбы. Эти поселения, по мнению ученого, возникли как форпосты на подступах к большим поселениям. Как, например, в 2-х км к северу-западу от центральных развалин Ак-Бешимского городища обнаружены остатки небольшого поселения. На юго-западе Старо-Покровского находились два, а к юго-востоку одно. Опираясь на эти данные, возможно, картографировать поселения и уточнить не только маршруты северного участка, но и его внутренние разветвления.

В отличие от других субрегионов, здесь были обследованы поселения при выходе самых больших ущелий Киргизского Ала-Тоо. Он, критически изучив собранные материалы А.Н. Бернштама, усомнился в его высказывании о том, что оседло-земледельческие центры тяготели к средней части подгорья, где «затишают» горные потоки, уменьшается опасность селей и камнепадов. П.Н. Кожемяко установил наличие развалин поселений почти в каждом значительном ущелье Ала-Тоо, в большинстве случаев, у самого входа. Но есть случаи расположения их в глубине ущелий на 1–2 км (Ак-Су, Сокулук, Ала-Арча) или в долине, но недалеко от входа в ущелье (Кара-Балты, Аламедин, Исык-Ата). В ущелье Шамси 3 городища, Ала-Арча-1, Кегети-1, в ущелье Ак-Су – 2, в ущелье Кара-Балты – 1, там расположено ныне с. Соснов-

ка, на правом берегу Иссык-Ата – городище Санташ, у с. Кара-Джигач, торткуль близ с. Советского, торткуль у ущелья Тар-Су [18]. Возникали они, по-видимому, как укрепления, рассчитанные на предотвращение какой-нибудь опасности со стороны ущелий, не исключена и функция охраны поймы рек, как источников орошения, возможно, некоторые создавались жителями больших долинных поселений в летнее жаркое время для охраны скота. Это важная особенность в изучении географии северного участка в Чуйской долине. Сегодня, к сожалению, работа археологов ограничивается более углубленным изучением памятников – Красная Речка, Ак-Бешим и Бурана [6; 12; 23; 35].

Для полномасштабного изучения истории ВШП, как уникального феномена человеческой цивилизации, на основе собранных данных необходимо вести работы по установлению более детальных маршрутов в этом регионе. Поскольку поселения в Чуйской долине, как и другие, расположенные с меньшей плотностью западнее их, маркируют Путь к такому важному узловому пункту на ВШП, как Тараз. Вероятно, от городища Красная Речка шло ответвление на север в Илийскую долину. Также на север, к бродам через р. Чу в среднем ее течении, ветвь поворачивала вдоль реки Ак-Суу, начинавшейся от городища Беловодская Крепость. А от Ак-Бешима и Бураны на юг через перевал Шамси, Кочкорское городище, далее через Тянь-Шань в Кашгарию и Фергану уходил еще один путь. Последний участок Пути активно начал функционировать в X–XI веках [2: 47].

Субрегион северного участка ВШП – Прииссыккулье – функционировал с древности, здесь находилась ставка государства Усунь, имевшего торговые связи с ханьским Китаем. В IX–X вв. Прииссыккулье приобретает важное значение узлового пункта на ответвлении ВШП, проходящем через Чуйскую долину. Отсюда через Боомское ущелье, а, по мнению других авторов, через Кемин и перевал Тору-Айгыр, или через перевал Шамши и Кочкорскую долину караваны попадали в Иссык-Кульскую котловину. Здесь путь проходил чаще всего по южному берегу через города – Яр (у Рыбачьего), Тон (развалины Хан-Дюбе южнее с. Торт-Куль) и Верхний Барсхан. Из Верхнего Барсхана караваны шли по двум направлениям. Маршруты вдоль рек Барсхан, Тосор Джууку встречались возле караван-сарая Май-Тор (на территории золоторудного комбината Кумтор) и вели торговцев через перевал Бедель в Кашгар, Аксуу – северо-западные районы современного Китая. По второму направлению (который назывался «кыргызским путем») – из Верхнего Барсхана караваны шли через перевал и

караван-сарай Сан-Таш в Монголию и Сибирь, а также в Турфан и северо-восточные районы Китая.

Большинство поселений Прииссыккуля сосредоточено на южном побережье озера (около 130 поселений различных типов). В рассматриваемый период в Прииссыккуле функционировали крупные города – торговые, ремесленные и административные центры, большинство из них возникло в X–XI вв. Городами можно называть единицы из них. По мнению Д.Ф. Винника, «по топографии, размерам, типам оборонительных сооружений и местоположению городища Иссык-Кульской котловины делятся на три группы. Первую составляют городища с длинными валами, вторую – укрепленные поселения, караван-сарай, третью – сельские поселения» [7: 97]. Ко второй группе относятся небольшие средневековые городки или укрепленные поселения, расположенные как в долинных частях, так и ущельях. К третьей группе относятся усадьбы и небольшие неукрепленные селища, располагающиеся, как правило, в округе городищ первой группы.

К настоящему времени в той или иной степени исследованы Сан-Таш, Ала-Баш, Бар-Булак, Булан-Соготту, Чолок, Чычкан, Каджи-Сай-I и -II, Кан-Добе, Кара-Ой, Кароол-Добо, Кок-Сай, Коль-Тор, Курменту, Корумду, Кызыл-Кия, Михайловка, Орнок, Сары-Булан, Сары-Тологой, Шаты, Талды-Суу, Темир, Тогуз-Булак, Тосор-I и -II. Наиболее хорошо исследованы памятники, расположенные в юго-западной части Прииссыккуля. Сегодня из городищ первой группы юго-западного Прииссыккуля наиболее хорошо сохранилось городище Хан-Дюбе, расположенное в долине р. Тон, рядом с селом Туура-Суу. На подступах к городищу со стороны побережья зафиксированы мелкие поселения; имеются они и выше по ущелью, в направлении перевала Тон, тем самым, маркируя еще одно ответвление Пути, соединявшее Иссык-Куль с Внутренним Тянь-Шанем. Городище Барскоонское-II исполняло роль крепости, охранявшей вход и выход из ущелья и, соответственно, отрезок Пути, идущего через перевалы Барскоон и Бедель в район Аксу, просуществовало от раннего средневековья до XII в. включительно [7: 104]. Западнее городища Барскоонское-II расположено городище Тосор (на окраине села Тосор), игравшее роль укрепления или караван-сарая, охранявшего и обслуживавшего отрезок Пути между двумя крупными городами области – Барскооном и Тоном. Городище Каджи-Сай расположено на высокой обрывистой озерной террасе в километре к востоку от поселка Каджи-Сай. Городище Сары-Булун из третьей группы, служившее скорее караван-

сараем, находится в 9 км к югу от современного г. Балыкчи. Д.Ф. Винник интерпретировал его как «металлургический центр».

В изучении северного участка ВШП представляют интерес подводные исследования Иссык-Куля, поскольку из-за землетрясений на рубеже XV–XVI вв. были затоплены части городищ, а некоторые полностью остались под водой [22: 32–36]. Археологами, начиная с 60-х годов прошлого века, проводятся подводные исследования, обнаруживаются памятники, остатки уложенных каменных плит, просматриваются стены. Среди них можно назвать Сары-Булун, отождествляемый со столицей Усуньского государства Чигу на Великом Шелковом пути, остатки верхнего городища на берегу и нижнего под водой средневекового городища Тору-Айгыр, городище Койсары в Тюпском заливе, часть городища Каменское и др. [31]. Подводные исследования Иссык-Куля выявили обилие подводных городищ и курганов. Изыскания палеографии и геоморфологии Иссык-Куля позволяют идентифицировать древние подводные поселения с историческими названиями, упомянутыми в работах средневековых географов.

В настоящее время изучение истории ВШП, к сожалению, несмотря на определенные достижения в исследовании торговых путей, не получило должного внимания. Исходя из вышеизложенного, видно, что северная ветвь ВШП представлена участками разных ответвлений, которые хорошо выражены и маркированы различными памятниками истории и культуры, демонстрирующими три хронологические позиции: древность, раннее и развитое средневековье (II в. до н.э. – XVI в. н.э.).

В дореволюционный период исследование северного участка ВШП в основном проводилось в рамках изучения новых присоединенных территорий с целью их освоения. Результатом этого периода, хотя термин «ВШП» не был еще применен, впервые были обозначены на научной основе торговые пути и наиболее известные городища. В советский период до конца 80-х годов исследование истории ВШП осуществлялось археологами, проводившими работы, как инициативные, так и в составе специально образованных экспедиций, а также в ходе экспертных работ при строительстве промышленных объектов. Но хотя и давались в ходе археологических исследований краткие историко-географические характеристики субрегионов, в аспекте исторической географии целостная картина ВШП не была воссоздана, и не было оценки его роли, как пути диалога цивилизаций Востока и Запада, и в целом его влияния на развитие северного Кыргызстана.

С конца 80-х годов в отечественной науке начинают разрабатывать различные аспекты проблемы ВШП, при этом, как и в предыду-

щие годы, лидирующие позиции занимают археологи. ВШП, как собственно Путь, не стал объектом исследования, не были обоснованы основные маршруты всех трех разветвлений Пути, в том числе северной, с указанием внутрирегиональных их направлений. Данное состояние скорее стало следствием отсутствия в республике направления исторической географии, исторической картографии, исторической метрологии.

В настоящее время становится актуальным исследование ВШП в историко-географическом аспекте, так как осуществленный историко-географический обзор показал, что на северном участке было выявлено свыше 400 поселений различной категории, и сегодня вызывают вопросы их датировка и месторасположения. Для этого необходимо создавать большую базу данных, где были бы охвачены историко-географические сведения, характеристики поселений, а также артефакты, предварительно исключив разночтения. В частности, среди исследователей существуют различные мнения о том, что в древности и средневековые дороги через Боомское ущелье с Чуйской долины в Прииссыкулъе не существовало, а она проходила через Кемин, далее перевал Тору-Айгыр к северному побережью, и через перевал Шамши, Кочкорскую долину к юго-западному побережью. В связи с этим, необходимо провести разведывательные работы в Боомском ущелье, а также раскопочные работы для выявления наличия средневековых поселений и караван-сараев. Требуют уточнений и внутренние разветвления северного участка в Таласской долине, а также оценка их значения в отношении главной магистрали, внутренних региональных и местных направлений, уточнений маршрутов, связывающих свыше 20 поселений Внутреннего Тянь-Шаня – Суусамырские, Кочкорские, Акталинские, Атбашинские.

Решение данного вопроса традиционным путем невозможно, и в этом плане необходимо применять ГИС-технологии, создать информационную систему ВШП, включающую *начальный этап*, этап формирования прототипа ВШП, относящегося к сакоусуньскому периоду, *второй этап*, укладывающийся в хронологические рамки VI–XII вв. н.э., известного как тюркский этап, когда сложилась северная ветвь ВШП. *Третий этап* охватывает период с XII по XIV вв. н.э., когда меняются направления ВШП, а отдельные его участки пришли в запустение. Надо проводить 3D реконструкции обследованных поселений на главной трассе северного участка. Такой комплексный подход позволит охватить многогранные особенности, значимость северного

участка ВШП, специфичность его разветвлений в субрегионах на севере Кыргызстана.

Таким образом, необходимо обратить внимание на изучение причин упадка северного участка ВШП, где наряду с общеизвестными факторами следует учитывать природные, социальные катаклизмы, в частности, землетрясения, эпидемии чумы, унесшие жизни огромного количества людей, спровоцировавшие вынужденные безвозвратные миграции населения.

Литература:

1. *Абетеков А.К., Гаврюшенко П.П., Заурова Е.З., Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И.К., Юнусалиев М.Б.* Работы археологов Киргизии // Археологический отчет 1967 года. М., 1968.
2. *Аманбаева Б.Э., Кольченко В.А., Сулайманова А.Т.* Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. Бишкек, 2015. 115 с.
3. *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
4. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргосиздат, 1943.
5. *Бернштам А.Н.* Избранные труды. Бишкек, 1997.
6. *Ведутова Л.М., Куримото Ш.* Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек, 2014. 166 с.
7. *Винник Д.Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
8. *Винник Д.Ф.* Отчет о полевых исследованиях археологического отряда по изучению горнорудных промыслов Иссык-Кульской котловины в 1977 г. // Рукопись археологического архива ИИиКН НАН КР, инв. № 683. Фрунзе, 1978.
9. *Горячева В.Д.* О локализации города Баласагун // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1975.
10. *Горячева В.Д.* К исторической топографии Баласагуна // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана // Всесоюзн. конф. (Пенджикент, август 1977). Л: Наука, 1977.
11. *Горячева В.Д.* Раннесредневековые памятники Киргизии // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1983.
12. *Горячева В.Д.* Город Золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе: Илим, 1988. 117 с.
13. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Семенов-Тянь-Шанский как географ // П.П. Семенов-Тянь-Шанский, его жизнь, деятельность / под ред. А.А. Достоевского. Л., 1928.
14. Историко-культурный атлас. Institute of Asia Cartography, 2001.
15. Киргизия на Великом Шелковом пути. Бишкек: Кыргызстан, 1992.

16. *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
17. *Кожемяко П.Н.* Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
18. *Кожемяко П.Н.* Караван-сарай на р. Манакельды // ТФПИ. Вып. XXVI (архитектура и строительство). Фрунзе, 1968.
19. *Кожемяко П.Н.* Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. и Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989.
20. *Корженков А.М.* Сейсмогеология Тянь-Шаня (в пределах территории Кыргызстана и прилегающих районов). Бишкек: Илим, 2006.
21. *Корженков А.М., Кольченко В.А., Ротт Ф.Г., Абдиева В.С.* О сильном средневековом землетрясении в Чуйской впадине, Кыргызстан // researchgate.net/publication/295858389_ О_silnom_srednevekovom_zemletratsenii_v_Cujskoj_vpadine_
22. *Корженков А.М., Мамыров Э. Поволоцкая И.Э., Табалдиев К., Эрроусман Р.* Сейсмический генезис разрушений Каменской средневековой крепости, северное Прииссыккулье // Известия вузов. 2004. № 6.
23. *Кошевара В.Г.* К определению раннесредневековых портретных монет, найденных на городище Ак-Бешим (Чуйская долина) // Нумизматика (Медали. Фалеристика. Бонистика). М., 2008. № 16.
24. *Массон М.Е., Горячева В.Д.* Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе: Илим, 1985. 100 с.
25. *Мокрынин В.П., Заурова Е.З.* Исследование городища Беловодская Крепость // АО 1978 года. М., 1979.
26. *Мокрынин В.П., Заурова Е.З., Шер Я.А.* Работы отряда по составлению археологической карты Чуйской долины // АО 1975 года. М., 1976.
27. *Москалев М.И.* Раскопки городища Кошой-Коргон // Памятники Кыргызстана. Фрунзе, 1978.
28. *Москалев М.И.* Городище Кошой-Коргон // Памятники Кыргызстана: Научно-популярный сборник. Вып. V. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
29. *Москалев М.И.* Ат-Баш – столица тюркских владетелей внутреннего Тянь-Шаня // Манас университета. Коомдук илимдер журналы. Бишкек, 2002.
30. *Москалев М.И., Солтобаев О.А., Омурбеков Т.Н.* Кошой-Коргон – древний город Атбаш. Бишкек, 2007.
31. *Плоских В.В.* Атлантида Центральной Азии – тайна Великого Шелкового пути // ww.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=364%3A – Загл. с экрана.
32. *Плоских В.М.* Памятники древней цивилизации на дне Иссык-Куля // Наследие материальной и духовной культуры Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005.
33. *Северцев Н.А.* Орографический очерк Памирской горной системы // Записки РГО по общей географии. Т. 13. СПб., 1886.

34. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. М., 1946. Т. 1–2.
35. Торгоев А.И., Кольченко В.А. К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии: Матер. междунар. конф., посвящ. 100-летию А.Н. Бернштама. СПб., 2010.
36. Труды IV археологического съезда в России. Казань с 31 июля по 14 августа 1977. Т.1. Казань, 1884. С. LXIV.
37. Федоров М.Н. Крепостная стена Кошой Коргона // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1987.
38. Федоров М.Н. Археологическое изучение средневекового Атбаша // Актуальные вопросы этнографии и археологии Киргизии. Фрунзе, 1989.
39. Элеманова Р.Т. Что такое ГИС-технология и нужна ли она историкам // Вопросы истории Кыргызстана. 2007. № 4.
40. Элеманова Р.Т. Проблемно-ориентированный подход в создании электронного атласа // Вестник КРСУ. 2008. Т.8. № 7.
41. Элеманова Р.Т., Зайнулин Р.Ш. Источниковедческие проблемы изучения истории Великого Шелкового пути: вопросы применения ГИС-технологий // Территория науки. Россия–Воронеж. 2008. № 8(9).

Сулайманова А.Т.

Байыркы түрк элдеринин Умай-энеге табынуусу

Негизги сөздөр: Борбордук Азия, археологиялык эстеликтер, Умай, дин, коло доору, байыркы конуштар, күнүмдүк турмуш, неолит, петроглифтер, маданият, матриархат.

Аннотация. Бул макалада байыркы түрк тилдүү элдердин Умай энеге табынуу проблемасы археологиялык жана этнографиялык өңүттө изилдөөгө алынат. Автор Борбордук Азиянын байыркы түрк элдериндеги Умай феноменинин генезисин жана маңызын талдоого аракет кылган. Башка элдердин диний ишенимдери менен салыштыруулар жүргүзүлгөн. Андан сырткары Умай эне чагылдырылган айрым эстеликтер изилденип, каралып жаткан проблема боюнча түрдүү авторлордун эмгектери талдоого алынган.

Культ богини Умай у древнетюркских народов

Ключевые слова: Центральная Азия, археологические памятники, Умай, религия, эпоха бронзы, городища, быт, неолит, петроглифы, культура, матриархат.

Аннотация. В статье рассматривается проблема Умай с археологической и этнографической точек зрения. Автор попытался проанализировать генезис и сущность феномена Умай у древних тюркоязычных народов Центральной Азии. Проведены параллели и сопоставления с другими культурами. Исследуются отдельные памятники с изображением богини Умай.

Анализируются и оцениваются работы различных авторов по исследуемой проблеме.

The cult of the goddess Umai among the ancient Turkic peoples

Key words: Central Asia, archaeological sites, Umai, religion, Bronze Age, ancient settlements, everyday life, Neolithic, petroglyphs, culture, matriarchy.

Annotation. The article deals with the problem of Umai from the archaeological and ethnographic points of view. The author tried to analyze the genesis and essence of the Umai phenomenon among the ancient Turkic-speaking peoples of Central Asia. Parallels and comparisons with other cults are made. Individual monuments depicting the goddess Umai are being investigated. The works of various authors on the problem under study are analyzed and evaluated.

Борбордук Азия аймагын адамдар эң байыркы мезгилден баштап эле мекендеп келишкен. Палеолиттик мезгилге таандык Бухтарма турак жайы жана Түштүк Ыртыштагы неолиттик эстеликтер, коло дооруна тиешелүү күмүштү жана калайды өндүрүүчү жана иштетүүчү жайлардын калдыктары, сугат арыктары, бир катар турак жайлардын урандылары, түрдүү мезгилдерге таандык кабырстандар, байыркы чопо буюмдарынын калдыктары, петроглифтер ж.б. Борбордук Азияны мекендеген байыркы адамдар жөнүндө кабар берип турат.

Коло доорунда (б.з.ч. II миң. – б.з. VIII к. баш чени) аймакта көчмөн мал чарбачылык калыптанып, энелик (матриархат) бийлик өз таасирин жоготот. Бул мезгилде Евразиянын бир катар аймактарында табынуунун алгачкы формалары (асманга, күнгө, отко ж.б.) пайда болот. Андан сырткары маркумга аза күтүү салттары, курмандык чалуу жөрөлгөлөрү калыптанат. Ошол мезгилде жашаган элдер өздөрүнүн уруулук сыйынуучу жайларын ачык асман астында курушкан.

Окумуштуулардын пикиринде, Евразия талааларында диний жөрөлгөлөрдү алып баруучу кызматкерлер жана шаманчылык коло доорунда, кээ бир маалыматтарда эрте темир доорунда пайда болгон. Скиф, кийинчерээк байыркы түрк доорунда шамандык табынуу кеңири мүнөзгө ээ болот, ал өз кезегинде аска таштардагы сүрөттөрдө, мүрзөлөрдөгү скульптуралык эстеликтерде, көмүү салттарында кеңири чагылдырылган.

Тарыхый булактарга караганда байыркы түрктөрдө политеизм үстөмдүк кылган. Аларда жер-сууга, тоо-таштарга, арбактарга сыйынуу күчтүү болгон. Түрктөр эң жогорку кудай катары Теңирди түшүнүшкөн (асман – Көк). Байыркы элдердин дүйнө таанымына ылайык «Теңир» ааламдардын жаратуучусу жана башкаруучусу

болуп, бүт процесстерди көзөмөлгө алган. Байыркы түрктөр Теңирге арнап түрдүү диний жөрөлгөлөрдү ишке ашырып турушкан [12: 265].

Байыркы түрктөр Теңирден башка түшүмдүүлүктүн жана жаралуунун (төрөлүү, көбөйүү процессин көзөмөлдөп турган) кудайы деп эсептелген Умайга да сыйынышкан. Ошондуктан алар Умайды аялдардын колдоочусу деп эсептеп, анын кудрети менен төрөлүү жараяны ишке ашырылаарына ишенишкен. Байыркы элдердин түшүнүгүндө кандай гана кудай болбосун белгилүү бир күчкө ээ болуп, эгерде туура эмес иш аракеттер жасалса анда алар адамдарды сөзсүз түрдө жазалашат деп эсептешкен. Мында жер-суу болобу, тоо-ташпы же асманбы, баары белгилүү бир жазалоочу, кыйратуучу күчкө ээ болушкан. *Мындай ишенимдер өз кезегинде адамдарды табияттын ажырагыс бөлүгү экендигин түшүнүүгө жана алар аны менен шайкеш жашоосун камсыз кылууга түрткөн.* Эгерде абал тескерисинче болсо анда табият, мында кудайлар сөзсүз түрдө өч алыша тургандыгына ишенишкен жана алардан коркушкан. Теңир жогорку асманда турган кудай болсо, Умай ортоңку дүйнөдө – жер менен, ал эми алдыңкы дүйнө Жер-Суу («Йер-Суб») менен байланышкан. Демек байыркы түрктөрдүн диний ишениминде аалам үч катмардан туруп, аны Теңир, Умай жана Жер-Суу көзөмөлдөп турат. Мында Жер-Суу да өзүнчө бир күчкө ээ болуп, жогорку баскычтагы кудайлар сыяктуу эле жазалоочу күчкө ээ болгон. Орхон-Энесай эстеликтериндеги Тонукөккө арналган жазмаларда жогоруда айтылган кудайлардын жазалоочу ролу айтылган [13: 214]. Белгилүү этнограф С.Абрамзон өзүнүн кыргыздар жөнүндөгү изилдөөлөрүндө Теңир, Умай жана Жер-Сууга сыйынуу жөрөлгөлөрү акыркы мезгилдерде да Борбордук Азия жана Саян-Алтай элдеринин ишенимдеринде сакталып калгандыгын белгилеген [2: 212].

Байыркы түрктөр өздөрүнүн бүт жашоо процессин, анын ичинде согуштук жортуулдарын, жеңиштерин түздөн-түз жогоруда айтылган кудайлардын кийлигишүүсү менен ишке ашып жаткандыгына ишенишкен. Бул кудайлар дайыма аларга колдоо көргөзүп, жеңиштерге жетишүүгө түрткү болушкан.

Байыркы түрктөр өз ишенимдерин, жашоо-турмушун тоо-таштардагы сүрөттөрдө чагылдырып кетишкен. Алардын ичинен Сулек жазуусу окумуштуулардын чоң кызыгуусун туудурат. Мында бир топ жаныбарлар менен катар «үч мүйүздүү» адам келбетиндеги кудайлар: Теңир менен Умай эне чагылдырылган сүрөттөр ошол элдердин өз кудайларын кандай элестетишкендиктеринен кабар берет [10: 68].

Жогоруда айтылгандай ааламдардын кудайы Теңир болсо, анын жубайы Умай эсептелген. Демек, байыркы элдер жер бетинде жашаган адамдар сыяктуу эле кудай да жалгыз эмес деп түшүнүшкөн. Ушул көз караштын негизинде асманда Теңир менен Умай болсо, жерде каган менен анын жубайы болот, тагыраак айтканда, алардын бийлиги кудайдан болуп, ыйык мүнөзгө ээ, башкача айтканда, алар кудайлардын жердеги өкүлдөрү.

Байыркы алтай, түрк элдери Умай энени наристелердин төрөлүшүн ишке ашырып, аларды кийин колдоп, үй-бүлөнүн сактоочусу катары кабылдашкан. Ошондуктан Борбордук Азияны жердешкен байыркы түрктөрдүн материалдык маданиятын чагылдырган эстеликтерде Умай аялдын келбетинде, жогорку күчкө ээ катары сыпатталат.

«Үч мүйүздүү» баш кийимдер байыркы түрк элдериндеги белгилүү бир катмардагы аялдарга таандык көрүнүш экендигин Чулышман (Чыгыш Алтай) дарыясынын төмөнкү агымындагы Кудырге капчыгайындагы адамдардын тизе бүгүп олтурган жагдайын чагылдырган сүрөт айгинелеп турат.

Таштын бетинде сүрдүү түрдө турушкан аял жана жаш баланын өздөрүнүн алдында көлөмү боюнча алардан кичине болуп тартылган үч шашылып жатышкан атчан адамдардын кулдук уруп, сыйынып, алардан жардам сурап турганы чагылдырылган. Сүрөттө аял жана бала узун, кооздолгон, оймо салынган халат кийимде турушат. Ал эми алардын кулактарында сөйкө, аялдын башында конус түрүндө, шиш тумшук баш кийими бар.

Ташка чегилген мындай чөгөлөп туруу көрүнүшүн Л.П. Потапов, А.А. Гаврилова ошол мезгилдеги коомдогу уруулар аралык байланыштын – бир урууну экинчисине баш ийдирүү процесси менен байланыштырышат. Ал эми Л.Р. Кызласов болсо аны баланы жерге берүү аземине арналган шамандык каада-салт катары чечмелеп, сүрдүү мүнөздө, «үч мүйүздүү» баш кийимчен аял – бул жалпымтүрктөр табынган Умай эненин өзү деп эсептейт. Анын пикиринде бул сүрөттө баш кийимге өзгөчө көңүл буруу зарыл. Анткени «үч мүйүздүү» баш кийим кудайлардын, дин кызматчыларынын, башкача айтканда дин кызматкерлеринин ажырагыс бир белгиси (атрибуту) катары каралат.

Байыркы түрктөр өз кудайларын башка адамдардан обочолонтуп беришкен, ошондуктан «үч мүйүздүү», өзгөчө кийимдерде берилген мындай сүрөттөлүштөр, албетте, өз кезегинде алар сыйынган кудайларды гана чагылдырган.

Нур чачыраган же шуштугуй (көбүнчө үчөө) баш кийимдер тартылган сүрөттөр Сибир жана Борбордук Азияны мекендеген элдерде неолит доорунан бери учурайт. Мүйүздүү баш кийимчен адам түспөлүндөгү сүрөттөр Ока дарыясынын жээгинен табылган жазууларда (Ангардын оң куймасы), Чыгыш Сибир аймактарында жүргүзгөн экспедициялар (А.П. Окладников тарабынан) учурунда көптөгөн сүрөттөр табылган.

Бул эстеликтердеги сүрөттөр толук түрдө аялзаты, тагыраак айтканда алардын колдоочусу Умай менен түздөн-түз байланышкан [9: 49–52]. Кээ бир изилдөөчүлөр «үч мүйүздүү» баш кийимчен Умай эне эмес, диний жөрөлгөлөрдүн жетекчиси (дин башчылары), белгилүү бир бийликке ээ адамдар деп эсептешкен. И.Л.Кызласовдун пикиринде мындай сүрөттөр өз кезегинде Теңирди да, Умай энени да туюнтуп турат. Сулек эстелигинде чагылдырылган эки аялдын келбети өз мезгилинде табынуу максатында тартылган [3: 67].

Байыркы кыргыздар да Умай энеге сыйынышып, түрдүү ырым-жырымдарды аткарышкан. Белгилүү болгондой элдик табыптар, бакшылар оорулуу адамдарды сакайтуу процессинде Умай энеден жардам сурашып, анын колдоосун тилешкен.

Умай энеге сыйынуу жөрөлгөлөрү менен байланышкан эстеликтерди Чүй, Ысык-Көл жана Нарын облустарында да (Соң-Көл аймагында) кезиктирүүгө болот. Жогоруда аталган аймактарда бир топ мезгилдер аралыгында жүргүзүлгөн экспедициялык иш чаралардын натыйжасында «үч мүйүздүү» баш кийимчен аялдардын элеси түшүрүлгөн сегиз таш балбал табылган. Алардын көпчүлүгүндө адамдардын колу, кийимдери даана *көрсөтүлгөн эмес, бирок таштардагы чегилген сүрөттөрдө адамдардын сырткы кийими жеңи жок «үч мүйүздүү» таажы мантия-кабы түрүндө берилген.* Аялдардын мындай сырткы кийимин Согд жана Тохаристан райондорунан табылган бүт сүрөттөрдөн кезиктирүүгө болот [3: 68]. В.П. Мокрыниндин пикиринде Жети-Суу өрөөнүндө табылган балбал таштардагы «үч-мүйүздүү» сүрөттөрдө өзгөчө бир кийимдерди кийген аялдар чагылдырылган. Мында талаш маселе келип чыгат. Кээ бир окумуштуулар таш балбалдардагы тартылган сүрөттөр Умай эненин элесин чагылдырат деп эсептешсе, башкалары мындай сүрөттөр аймакка жанаша турган перс тилдүү элдерде колдонулган таажы, өзгөчө кийим кийген падышалардын жубайлары катары карашат.

Белгилүү окумуштуулар Л.П. Потапов, С.Г. Кляшторный байыркы түрктөрдүн Умай энеге табынуусун алгачкылардан болуп изилдешкен. Кээ бир изилдөөлөрдө Умай эне өзүнчө кудай катары каралса,

башкаларда ал Теңирдин жары катары, ал эми дагы бир гипотезаларда Умай Күн кудайы менен байланыштырылса, айрымдары перс мифологиясындагы Хумай (Зымырык) кушу менен бирдей каралат.

Адегенде Умай эң жогорку аял кудайдын функцияларын аткарып, өзүнө Эне-Кудайдын бардык белгилерин айкалыштырган: асман менен жер астындагы дүйнөнү, жаштык жана карылыкты, төрөлүү жана өлүмдү. Кийинчерээк ал төрөлүү жараянын ишке ашырган кудайдын ролун аткарып, балдардын, аялдардын колдоочусу катары кабылдана баштаган [13].

Окумуштуулардын пикиринде Умай энеге сыйынуу жөрөлгөсү байыркы мезгилдерде күн кудайына табынган адамдардын ырым-жырымы менен түздөн-түз байланышкан. Күн кудайы ааламда жашоо, жарыктык менен тыгыз байланышкан, ошондуктан Умай энеге табынуу да жашоо, жаралуу процессин өзүнө камтып турат. Умай энеге сыйынуу байыркы элдердин отко табынуусу менен түздөн-түз байланышкан. Төмөндөгү мисалдар бул айтылган ойлорду бекемдеп турат.

Байыркы элдердин түшүнүгүндө от жөн эле күйүп турган нерсе эмес, тирүү жандык, «оттун ээси болгон аял» катары кабылдашкан. Кээ бир божомолдоолорго ылайык, Европа жана Азиянын ориньяк дооруна таандык турак жайларынан табылган кийими жок аялдардын скульптуралык статуэткалары (буттары) үйдүн коломтолорунун жанынан табылган жана алар оттун ээси болгон аялдарды чагылдырып турат. Оттун ээси деп эсептелген аялдардын статуэткалары алеут жана эскимостордо да белгилүү болгон. Ал эми коряктарда оттун өзүн пайда кылуучу курал «от-аял» деп аталган. С.А. Токаревдин пикири боюнча, сибир элдеринин «от эне» жөнүндө түшүнүктөрү – жогорку палеолит дооруна, үйдүн коломтосун чагылдырыган аялдарга (энелерге) сыйынуу доорунун башталуу мезгилине барып такалат [15: 13].

Сибир элдеринде «от кемпир» (удехе, нивхилер), «от эне» (нанайлар), «от ээси» (алтайлыктар) ж.б. табынуу күчтүү болгон. Бул элдер ар бир үйдүн коломтосунда кызыл кийимчен от ээси олтура тургандыгына ишенишкен. Мансылар отту «най» – «улуу аял» деп аташкан [15: 16]. Түрк, моңгол элдеринин Умай энеге табынуусу да байыркы элдердин оттун, үйдүн коломтосунун ээси болуп саналган аялдарга сыйынуу процесси менен байланыштуу.

Жаратылыштын кубулуштарына сыйынуу, мисалы: «обо» – асман, көктүн, жердин, таштын, бардык нерселердин ээси бар деп эсептөөнү дагы исламга чейинки диний ишенимдердин өзүнчө бир көрүнүшү катары кароого болот [11: 240]. «Манас» эпосунда да бала-

бакыраны колдоочу Умай энеге табынуу боюнча бир топ маалыматтар айтылат. Борбордук Азияда жана Түштүк Сибирди байырлаган моңгол-түрк элдеринде да Умай-эне – балдардын колдоочусу катары берилет [11: 240].

Мезгилдин өтүшү менен байыркы ишенимдер жана ырым-жырымдар өздөрүнүн алгачкы формасында сакталып калган эмес, алар Борбордук Азияга келген башка этникалык топтордун жана башка диндердин таасири астында өзгөрүүгө учураган. Тарыхый булактарда белгиленбеген бул процесстер элдик ишенимдерде өз издерин калтырган. Байыркы элдердин Умай энеге табынуусун археологиялык жана этнографиялык жактан изилдөө аркылуу көптөгөн кылымдар аралыгында сакталып, элдердин диний жашоосунда атакарылып келген ырым-жырымдардын өз ара байланышын, элдик ишенимдердин түпкүрүн аныктоого мүмкүндүк түзүлөт. Ал өз кезегинде элдердин ишенимдеринин генезисин ачып берүүгө, алардын маанисин жана ордун тактоого шарт түзөт. Мындай изилдөөлөр байыркы элдердин идеологиясын түшүнүүгө, кийинки мезгилдерде пайда болгон жана башка диндердер системасына кирип калган идеяларды жана ырым-жырымдарды түшүнүүгө мүмкүндүк берет.

Байыркы элдердин Умай энеге табынуу диний жөрөлгөлөрү илимий эмгектерде үстүртөн берилип келген. Аталган макаланын негизги максаты каралып жаткан проблема боюнча ак тактарды толтуруу эсептелет. Изилдөө процессинде байыркы элдердин диний ишенимдеринин кээ бир багыттарынын мүнөзүн гана ачып бербестен, анын түпкүрүндөгү идеялардын системасын, анын уюткусун таап чыгууга аракет жасалды. Бирок колдо бар материалдар аркылуу бул маселени толук ачып берүү татаал процесс. Анткени Умай эне боюнча бизге чейин жетип келген материалдар (материалдык же руханий маданияттын элементтери) бурмаланган жана фрагментардык мүнөзгө ээ. Ошондуктар бул маселени ар тараптан изилдөө өтө кылдаттыкты жана тактыкты талап кылат. Аны кеңири чагылдыруу келечекте жасала турган негизги иштерден болуп саналат.

Адабият:

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
2. *Абрамзон С.М.* Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1999.
3. *Ахинжанов С.М.* Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья / С.М. Ахинжанов // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

4. *Баялиева Т.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.
5. *Бисенбаев А.К.* Мифы древних тюрков. Алматы, 2008.
6. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.: Наука, 1965.
7. *Дыренкова Н.П.* Культ огня у алтайцев и телеут// Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. VI.
8. *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
9. *Кызласов Л.Р.* К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. XXIX. С. 49–52.
10. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
11. *Осмонов О.Ж.* Кыргызстан тарыхы (Байыркы доордон азыркы мезгилге чейин). Бишкек, 2014.
12. *Потапов Л.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных// Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
13. *Салимова Айтен.* Богиня – Мать Умай // International Social Mentality and Researcher Thinkers Journal, (Issn:2630-631X) 5(25): 1662–1670.
14. *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. М.: Наука, 1972.
15. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1964.
16. *Шахнович М.И.* Первобытная мифология и философия. Л., 1971.
17. *Худяков Ю.С.* Шаманизм и мировые религии у киргизов в эпоху средневековья// Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1987.
18. *Умаралиев Э.С.* Верования древнетюркских народов в Умай эне. HISTORICALSCIENCES / «Colloquium-journal» 5(57). 2020.

Султанов Э.К., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т.

**Новые данные по памятникам археологии
урочища Кок-Джар в Кыргызском Ала-Тоо
(Чуйская область, по результатам работ 2017 г.)**

Ключевые слова: урочище Кок-Джар, археология, памятники, могильник, археологические находки, курган, каменные изваяния, сакский период.
Аннотация. В 2017 г. Кыргызстанско-Российская археологическая экспедиция провела ряд рекогносцировочных работ на территории Чуйского и Кеминского районов Чуйской области. В ходе разведочных работ были исследованы и задокументированы ранее выявленные и вновь открытые памятники археологии. В ущелье Джель-Арык был выявлен ряд усадеб караханидского времени и могильников переходного периода от эпохи бронзы к ран-

нему железному веку. В урочище Көк-Джар были открыты могильники эпохи бронзы, раннего железного века, кроме того были выявлены каменные изваяния, один из которых передан в Национальный исторический музей Кыргызской Республики.

Кыргыз Ала-Тоосунун Көк-Жар жайыгында жайгашкан археологиялык эстеликтер боюнча жаңы маалыматтар

(2017-ж. Чүй областындагы изилдөөлөрдүн жыйынтыгынын негизинде)

Негизги сөздөр: Көк-Жар жайыгы, археология, эстеликтер, көрүстөн, археологиялык табылгалар, коргон, таш айкелдер, сак доору.

Аннотация. 2017-ж. Кыргыз-Россия археологиялык экспедициясы Чүй областынын Кемин жана Чүй райондорунда археологиялык чалгындоо иштерин жүргүзүп, изилдөөлөр учурунда алгач изилденген объектилерден жаңы эстеликтерди таап, аларды изилдеп, документтештирген. Жел-Арык капчыгайында караханийлер мезгилине таандык таш менен коргондолгон турак жайлар жана коло доорунан эрте темир дооруна өткөн мезгилдеги коргондор табылган. Көк-Жар жайыгында коло, эрте темир доорлоруна таандык көрүстөндөр ачылып, таш балбалдар табылган, алардын бирөөсү Кыргыз Республикасынын Мамлекеттик тарых музейине тапшырылган.

New data on the archeology monuments of the Kok-Zhar tract in Kyrgyz Ala-Too (Chui oblast, according to the results of 2017)

Key words: Kok-Zhar tract, archeology, monuments, burial ground, archaeological finds, mound, stone statues, Saka period.

Annotation. In 2017, the Kyrgyz-Russian archaeological expedition conducted a number of reconnaissance works on the territory of the Chui and Keminsky districts of the Chui region. During the exploration work, previously identified and newly discovered archaeological sites were investigated and documented. A number of manors of the Karakhanid period and burial grounds of the transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age were identified in the Djel-Aryk gorge. Burial grounds of the Bronze Age and Early Iron Age were discovered in the Kok-Jar tract, in addition, stone sculptures were identified, one of which was transferred to the National Historical Museum of the Kyrgyz Republic.

Для Кыргызстанско-Российской (тянь-шаньской) археологической экспедиции 2017 год выдался довольно разнообразным. Одной из задач экспедиции стало исследование памятников высокогорного урочища Кок-Джар. Ранее в этой местности археологических работ не проводилось. Кроме того, отсутствовали какие-либо документы, сообщавшие о наличии здесь исторических памятников. Поводом для разведки послужила информация о недавно обнаруженных в Кок-Джаре бронзовых предметах. Сотрудникам экспедиции удалось осмотреть эти находки, хранящиеся у одного из жителей г. Токмак.

Все вещи оказались типологически разными и относились к различным хронологическим периодам – сакскому времени и средневековью.

Единственная автомобильная грунтовая дорога, связывающая урочище Кок-Джар с Чуйской долиной, проходит по ущелью Кызыл-Суу и находится в крайне плохом состоянии из-за постоянного разрушения паводками. В верховьях р. Кызыл-Суу дорога у моста раздваивается. Поворот налево ведет к серпантину в местность Чары-Арча, где находится заброшенная метеостанция. В этом районе археологических объектов не было выявлено. Далее на восток дорога приводит к урочищу Кок-Джар.

Территория урочища представляет собой относительно небольшую межгорную впадину, расположенную на высоте 2300–2260 м над уровнем моря. По административному делению здешние земли принадлежат сельсовету «Прогресс» Чуйского района Чуйской области. Издавна местное население использовало урочище как летнее пастбище – джайлоо. Ныне часть фермеров проживает в долине круглогодично, выпасая скот из восточной части Чуйской долины.

Джайлоо размещено на относительно ровном треугольном плато, плавно спускающемся в северном направлении. На востоке плато представляет собой мысовидную террасу, образованную слиянием рек Кок-Джар и Кок-Сай (на картах Кок-Джар-Су). С юго-востока плато ограничено довольно глубоким саем (балкой) речки Кок-Сай, с севера – саем, промытым водами Кок-Джара. С юго-запада плато упирается в горы.

Памятники долины концентрируются на левом берегу Кок-Сая [рис. 1]¹. Всего удалось зафиксировать три одновременных могильника.

Могильник Кок-Джар-I занимает верхнюю часть долины. Он состоит из 7 курганов, вытянутых цепочкой по оси С-Ю с отклонением к востоку [рис. 2]. Из цепочки выбивается небольшой курган-8, расположенный северо-западнее крайнего кургана-7. Все объекты имеют приблизительно одинаковые размеры – диаметр 20–22 м и высота до 1 м.

Могильник Кок-Джар-II располагается в восточной части долины и отстоит на 600 м к северо-востоку от могильника Кок-Джар-I. 36 погребально-поминальных сооружений могильника разбросаны по второй террасе реки Кок-Сай, а также частично к западу от нее за неглубоким и длинным саем. Условно можно выделить три цепочки курганов, вытянутых вдоль пологого склона террасы с небольшим отклонением по линии С-Ю. Остальные объекты – курганы и оградки раз-

¹ См.: рисунки в Приложении журнала. С.113–124.

мещаются вокруг них. При этом оградки группируются преимущественно вдоль восточного края террасы.

Могильник Кок-Джар-III находится в 75–80 м северо-восточнее могильника Кок-Джар-II и занимает террасу, образованную речками Кок-Джар и Кок-Сай. Основу могильника составляют четыре курганных цепочки, вытянутых по оси С-Ю с некоторым отклонением. Два мелких сая, расположенных меридионально, делят их на несколько групп. В одну из групп (западную) входят курганы диаметром 15–22 м и высотой до 1 м. В другой (восточной) – три больших кургана, ориентированных по линии ЮЗ-СВ. Следующая группа состоит из четырех небольших курганов диаметрами не более 8 м.

Между крупными насыпями располагается цепочка малых курганов или округлых каменных выкладок, полы которых иногда сливаются друг с другом. Крайний юго-восточный объект этой цепочки, представляет собой развалившуюся выкладку диаметром 3,5 м и высотой 0,2 м [рис. 3]. В ее восточной части было обнаружено каменное изваяние, частично сползшее в задернованную западину грабительского перекопа.

Изваяние представляет собой вытянутый валун, на одном из концов которого неглубокой выбивкой выполнена личина. Рисунок предельно схематичный. Брови показаны сросшимися, от них отходит прямой нос. Глаза обозначены точками. Две дополнительные точки нанесены над бровями. Утрированно изображены усы с опущенными вниз концами, овальная борода и прямоугольный рот [рис. 4].

Другое изваяние² было найдено в 9 м от восточного окончания цепочки малых курганов. Второе изваяние типологически соответствует первому. На остром конце валуна удлинненно-треугольной формы, покрытом лишайниками, неглубокой выбивкой нанесена личина [рис. 5]. Это изображение более схематично, чем первое. Прерывистой линией показан контур лица. К нему примыкают дуговидные, соединенные друг с другом брови. Глаза намечены точками. Растительность на лице обозначена овалом, внутри которого черточкой выполнен рот.

Судя по крайне условным изображениям и неглубокой выбивке, оба изваяния являются позднейшими образцами данного типа памятников на Тянь-Шане, датирующихся в рамках X–XII вв. Вызывает интерес, что они имеют мало общего с классическими древнетюркскими изваяниями. Пожалуй, эти монументы ближе всего к так называемой

² Изваяние №2 передано в Национальный исторический музей Кыргызской Республики.

кипчакской группе, соответствующей ряду памятников Сары-Арки [1, с. 31, табл. 19].

Между могильниками Кок-Джар-I и Кок-Джар-II находится одиночный курган (координаты N 42°33'397" E 75°36'311"). Объект представляет собой округлую в плане каменно-земляную насыпь диаметром 12 м, высотой 0,6 м. В ее центре размещается достаточно глубокая воронка диаметром 4 м. Курган опоясывает неглубокий и сильно оплывший подквадратный ровик со сторонами 30 м, располагающийся на расстоянии 3–4 м от подошвы насыпи. Нынешняя ширина ровика около 1 м.

В 2017 г. на этом кургане было произведено георадарное исследование. Оно показало, что под насыпью может находиться сложное могильное сооружение, вероятней всего, в виде камеры-катакомбы со входной ямой как будто треугольных очертаний, подходящей к камере с юго-востока [рис. 7: 2]. Георадарная съемка выявила и контуры ровика, шириной около 2 м, глубина его может превышать 1,5 м [рис. 7: 1].

Курганы такого типа характерны для ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня. Эти памятники обычно относят к рубежу эр, хотя доказательств для такой датировки явно недостаточно, поскольку исследовано незначительное число объектов, причем все ограбленные.

В ходе разведки было решено провести археологические раскопки одного из курганов могильника Кок-Джар-I. Выбор пал на курган-6 – сильно задернованный округлый каменно-земляной холм, несколько уплощенный в центральной части. На момент начала раскопок южная часть кургана оказалась поврежденной. Здесь отсутствовало значительное количество камней. Очевидно, они были использованы для возведения соседнего кургана-7, чья насыпь перекрыла юго-западный сектор кольца кургана-6.

Исследования показали, что мощность гумусированного слоя на объекте составляет 0,20–0,25 м, ниже этого слоя залегает погребенная почва. До возведения курганной насыпи площадь под нее специально не подготавливалась, то есть не выравнивалась, а дерн, если и удалялся, то не повсеместно. Поэтому курган находился на склоне, спускающемся под углом около 20° в северном направлении. Насыпь имела диаметр 13 м, высоту около 1,5 м. Ее окружало кольцо диаметром 15–15,5 м, достигавшее в ширину 0,6–0,7 м. Кольцо состояло из двух рядов валунов, уложенных на подсыпку из гальки и колотого галечника мощностью 0,05–0,1 м и шириной 1,3 м [рис. 8–9]. Материал для подсыпки мог быть добыт из обрыва у реки, так как слой галечника, в том числе колотого, входит в геологическое строение межгорной долины.

В восточной и западной частях кольца имелись разрывы (вход-выход). Восточный разрыв имел ширину 0,9 м, западный – 1,0 м [рис. 9–10].

В процессе раскопок удалось выяснить, что курган сооружался поэтапно. Сначала, скорее всего, было сложено кольцо, внутри которого выкопали могильную яму и совершили погребение. Затем над могилой возвели округлую каменную постройку – цисту и обложили ее валунами, сформировав первичную насыпь диаметром около 7,5–8 м. При этом верхняя часть намогильного памятника возвышалась над насыпью (не менее чем на 0,5 м). Заключительным действием стала засыпка первичной насыпи колотыми валунами и крупной галькой попеременно с грунтом (мощность слоя 0,2–0,3 м). Грунт представлял собой желто-серый суглинок с вкраплениями мелких камней (материковый слой), вероятно, извлеченный при рытье могильной ямы, и землю темно-коричневого цвета (гумус). В результате курганная насыпь из каменной превратилась в каменно-земляную с преобладанием камней.

Постройка-циста диаметром около 2,5 м и высотой около 1,5 м была возведена из скальных обломков и валунов [рис. 10–11]. Сверху она имела уплощение, вероятно, из-за просадки конструкции. Некоторые камни монумента имели подложку из дерна, то есть они оказались на сооружении уже после дернования объекта, что указывает на деятельность грабителей или разрушителей кургана. В западной части намогильного памятника отсутствовал массивный камень, входивший в основание конструкции. Видимо, именно здесь был сделан грабительский лаз.

Постройка располагалась непосредственно на перекрытии могилы, состоявшем из плоских скальных обломков, уложенных горизонтально, вероятно, в два слоя. При разборке сооружения оказалось, что перекрытие просело в могилу под углом почти 45° [рис. 10–11]. Могильная яма имела овальную форму и достигала в длину 1,86 м и ширину 0,9 м. Ее дно находилось на глубине 1,25 м от погребенной почвы [рис. 12–13]. Заполнение могилы представляло собой грунт темно-коричневого цвета. В заполнении на разных уровнях находились фрагмент черепа и отдельные кости человека, а также обломок железного стержня.

При расчистке насыпи кургана в ее юго-восточной части в 1 м от бровки С-Ю и 5 м от центра на глубине 0,25 м от дневной поверхности был обнаружен фрагмент стенки лепного керамического сосуда с кольчатым орнаментом, оттиснутым трубочкой. В западной части в 0,65 м от бровки В-3 и в 0,6 м от кольца на глубине 0,2 м от дневной поверхности был найден фрагмент другого лепного сосуда без орна-

мента. В восточной части кургана в 6 м от бровки В-3 и в 11 м от бровки С-Ю на глубине 0,15 м от дневной поверхности зафиксировано скопление мелких фрагментов керамического сосуда, сделанного на гончарном круге, явно относящегося к эпохе средневековья. Приблизительно в центре юго-восточного сектора кольца между двух рядов камней на глубине 0,19 м от дневной поверхности был расчищен уголь, но прокаленный грунт не зафиксирован. Другое скопление угля обнаружилось в разрыве кольца на глубине 0,23 м от дневной поверхности, но также без следов прокаленной почвы.

Геофизическое исследование не показало каких-либо аномалий под насыпью, кроме центрального погребения. Поэтому в связи с неблагоприятными погодными условиями и нехваткой времени было решено не разбирать курганную насыпь до основания. По окончании работ раскопанная площадь была полностью рекультивирована.

Датировка исследованного кургана затруднена по причине его полного разграбления. Однако характерная конструктивная особенность – наличие в кольце-ограде двух противоположных разрывов – позволяет сделать предварительное заключение. Как известно, у курганных памятников Тянь-Шаня такая деталь встречается сравнительно редко. Тем не менее, она была встречена на ряде объектов. Так, сходные кольца из двух рядов камней с разрывами, ориентированными аналогично кургану-6 по линии З-В, отмечены у больших курганов могильника Жапырык в Центральном Тянь-Шане [4, *рис.* 16–18]. Правда, этот элитный погребально-поминальный комплекс не раскапывался. Зато был исследован курган-2 могильника Катартобе, конструктивно близкий объекту могильника Кок-Джар-I, который дал керамический материал, относящийся к III–II вв. до н.э. [5: 124, *рис.* 2]. Более того, в кургане-15, входящем в погребально-поминальный комплекс Каркыра, очевидно, тоже имелась ограда со «входом» и «выходом» с востока и запада [3, *рис.* 8]. Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в этом кургане, скорее всего, датируется в пределах двух последних веков до н. э. [2: 175, *рис.* 1, 2].

Сделанные наблюдения позволяют предположить, что сооружение кургана-6 могильника Кок-Джар-I происходило в сакское время, причем не в ранний период.

Литература:

1. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004.
2. *Маслов В.Е.* К вопросу о происхождении М-образных нашивных бляшек // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы конференции, посвященной 70-летию Б.А. Раева. Ростов-на-Дону, 2016. С. 172–177.
3. *Онгар А., Киясбек Г., Чотбаев А., Кожжахметов Б., Рахманкулов Е., Бесетаев Б., Толгенов Е., Айткали А.* Предварительные итоги исследования погребально-поминального комплекса Каркара // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. I. Астана, 2012. С. 49–53.
4. *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек, 2011.
5. *Чотбаев А., Онгар А., Киясбек Г., Жунисханов А., Рахманкулов Е., Кожжахметов Б., Бесетаев Б.* Начало исследования на Катартобе // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. I. Астана, 2012. С. 118–124.

ЭТНОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНИКАЛЫК МАСЕЛЕЛЕР ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Дүйшөнбиев С.У.

**Чабыттай албаган учуу, же таланттуу окумуштуунун
аянычтуу тагдыры (белгилүү этнограф М.Т. Айтбаевдин
туулгандыгынын 95-жылдыгына арналат)**

Негизги сөздөр: М.Т. Айтбаев, этнография, өздүк иши, этнография сектору, Бежковичтин кол жазмасы, Айтбаевдин кылыгы, илимпоздун тагдыры.

Аннотация. Макалада Кыргызстандын илиминде терең из калтырып, аны өнүктүрүүдө татыктуу салымын кошкон белгилүү этнограф – М.Т. Айтбаевдин татаал тагдыры жөнүндө сөз болот. Ал жөндөмдүү, таланттуу жана келечектен көптү үмүттөндүргөн этнограф-окумуштуу эле. Бирок, тилекке каршы, көрө албастыктын, ичи тардыктын, акыйкатсыздыктын, адамдын тагдырына жасалган тоң моюн мамиленин кесепетинен улам, ал Кудай ыроологон илимге болгон талантын, шыгын, жөндөмүн толук кандуу ачып иштей алган эмес. Анын себептерин коомчулук, өзгөчө илим чөйрөсүндө эмгектенген адамдарыбыздын дээрлик көпчүлүгү деле биле бербейт. Макалада бүт өмүрүн илимге арнаган маркум илимпозду эскерип, анын дарегине акыйкат сөзүбүздү айтып, колдон келсе атын жаманаттыдан арылтканга аракет жасайбыз.

***Прерванный полёт, трагическая судьба талантливого ученого (к
95-летию известного этнографа М.Т. Айтбаева)***

Ключевые слова: М.Т. Айтбаев, этнография, личное дело, сектор этнографии, рукопись Бежковича, поступок Айтбаева, судьба ученого этнографа.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается жизнь и деятельность известного этнографа Кыргызстана – М.Т. Айтбаева, оставившего заметный след в науке, но прожившего сложную, трагическую жизнь. Он был талантливым и перспективным ученым-этнографом. К сожалению, субъективного характера сложности, трудности помешали ему проявить себя, раскрыть в полной мере щедро отпущенный Богом ему талант и способности. Общественность, прежде всего, научная, к сожалению, не знает все тонкости, нюансы нелицеприятной истории: давления, травлю и расправу. В данной

статье предпринята попытка вспомнить о хорошем ученом, внесшего определенный вклад в кыргызскую этнографическую науку, чтобы реабилитировать доброе имя ученого, посвятившего себя служению науке.

Interrupted flight, the tragic fate of a talented scientist (to the 95th anniversary of the famous ethnographer M.T. Aitbayev)

Keywords: M.T. Aitbayev, ethnography, personal file, sector of ethnography, Bezhkovich's manuscript, Aitbayev's act, the fate of the scientist ethnographer.

Annotation. This article examines the life and work of the famous ethnographer of Kyrgyzstan – M.T. Aitbayev, who left a noticeable mark in science, but lived a difficult, tragic life. He was a talented and promising scientist-ethnographer. Unfortunately, the subjective nature of the complexity, the difficulties prevented him from manifesting himself, to reveal to the full the talent and abilities generously granted by God to him. The public, first of all, scientific, unfortunately, does not know all subtleties, nuances of impartial history: pressure, persecution and punishment. This article attempts to recall a good scientist who made a certain contribution to the Kyrgyz ethnographic science in order to rehabilitate the good name of a scientist who devoted himself to the service of science.

Өмүр бизден өткөн сон, эл эмгектен эскерсин.

(А. Токомбаев)

Содрогаюсь, рассказывая (латинская поговорка)

Кыргызстандагы этнография илиминин өнүгүшүнө ири салым кошкон окумуштуулардын арасында тарых илимдеринин кандидаты, Кыргыз ССРинин Илимдер академиясынын Тарых институтунун «Археология жана этнография» бөлүмүнүн башчысы (1956–1959-жж.), ага илимий кызматкер болуп иштеген Мукаш Токтокожоевич Айтбаев өзгөчө орунду ээлейт. Ал 1924-жылдын 24-августунда Ыссык-Көл облусунун Жети-Өгүз районунун Барскоон айылында колхозчунун үй-бүлөсүндө туулган. Анын жаштыгы каргашалуу экинчи дүйнөлүк согуш мезгилине дал келип, эр жигиттик милдетин өтөө үчүн фронтко аттанат. 1942–1944-жж. Ашхабад шаарындагы жөө аскерлер полкунда курсант болуп кызмат өтөп, 1944-

ж. баштап II Белорусь фронтунда согушуп, Берлинге чейин жетип, согуштагы көрсөткөн эрдиктери үчүн «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией 1941–1945 гг.» сыяктуу көптөгөн орден, медалдар менен сыйланган. Согуштан кичи мекенине аман-эсен кайтып келип, 1945-ж. Ташкенттеги юридикалык институтка тапшырып, аны 1948-ж. ийгиликтүү аяктагандан кийин кесиби боюнча Кыргыз ССРинин Фрунзе облусунун юстиция башкармалыгынын жетекчиси болуп иштейт. Кыргыз ССР КП(б) БКнин чечими менен М.Т. Айтбаев 1949-ж. Кыргыз ССР Ички иштер министрлиги менен мамлекеттик коопсуздукту сактоо министрлигинин улук тергөөчүсү болуп дайындалат. Бирок, ал ден-соолугуна байланыштуу бул кызматтан кетүүгө мажбур болот. М. Айтбаев 1950-ж. Фрунзе облусунун аткаруу комитетинин бөлүм башчысы болуп иштеп жүрүп, 1951-ж. коммунисттик партиянын катарына өтөт, Кыргыз мамлекеттик педагогикалык институтун экстерн аркылуу аяктаган соң, Кыргыз ССР агартуу министрлигине бөлүм башчылык кызматына которулат. М.Т. Айтбаев бул кызматта да аз эле убакыт иштейт, себеби, илимге болгон кызыгуусу аны Кыргыз ССР Илимдер академиясына алып келет. Ал 1951-ж. июль айында СССР Илимдер академиясынын Кыргыз филиалынын Тил, адабият жана тарых институтунун жетекчилигине өтүнүч кат менен кайрылат. Улуттук академиянын архивинде сакталып турган катында М.Т. Айтбаев: «... юридикалык жана педагогикалык билим алгандан кийин өмүрүмдү илим изилдөө ишине арнасам деген ой-тилек, максат пайда болду. Акыркы убакта СССРдин Совет мезгилиндеги тарыхын бардык дитимди коюп окуп, өздөштүрүп жатам, бирок, министрликтин аппаратындагы ишим өз алдынча көбүрөөк убакыт бөлүп иштөөгө жана окумуштуулардан кеңеш алууга таптакыр мүмкүнчүлүк бербеди. Ошол себептен, иштеген кызматымдан бошонуп жатам, мени тарых бөлүмүнө илимий кызматкер катары ишке алуунузду өтүнөм. Сизди, бүткүл күч аракетимди жана жөндөмүмдү мени абдан дегдетип кызыктырган илимий иштерди аткарууга арнайым деп ишендирип кетем» – деп жазат [6: 1–2].

Бул орус тилинде сулуу кол жазма менен кынапталып чын пейилден сабаттуу жазылган, окуган кишини кайдыгер калтырбаган катты КирФАНдын Тил, адабият жана тарых институтунун директору А.Д. Давлеткелдиев жетекчилерине жолдойт, ал эми Президиумдун төрагасынын орун басары акад. Н.И. Захарьев катка өзүнүн кол тамгасы менен минтип жазат: «тарых бөлүмүнө бир айлык сыноо

мөөнөтү менен кенже илимий кызматкер кылып ишке алууга макулдугумду берем» [6: 1–2].

Ошентип, илимге өтө кызыгып, бүт өмүрүн ага кызмат кылууга арнайм деп министрликтеги жылуу ордун, жогорку кызматын таштаган кыялкеч М.Т. Айтбаевдин илимдеги тушоосу 1952-ж. 26-июнда кесилген. Өзүнүн билим деңгээлин, илимге карата болгон жөндөмдүүлүгүн, тири карактыгын кыска мөөнөттө көрсөтө алган М.Т. Айтбаевди ошол эле жылы СССР Илимдер академиясынын Н.Н. Миклухо-Маклай атындагы этнография институтунун аспирантурасына тапшырууга Москва шаарына жиберилет. Ал эки сабактан «5», бир сабактан «4» алып кирүү экзамендерин ийгиликтүү тапшырып, аспирантурага өтөт. Алыскы Кыргызстандан келген фронтовик аспиранттын билим деңгээлин текшерип мындай жогорку бааларды өтө абройлуу, кесипкөй адис этнографтардан турган комиссия, төрагасы СССР Илимдер академиясынын этнография институтунун директорунун орун басары т.и.д., проф. Л.П. Потапов, Африка элдеринин этнографиясы бөлүмүнүн башчысы т.и.д., проф., кийинчерээк СССР Илимдер академиясынын мүчө-корреспонденти болгон Д.А. Ольдородге, Орто Азия элдеринин этнографиясы бөлүмүнүн башчысынын орун басары т.и.д., проф. Н.А. Кисляковдор баалап коюшкан.

Өндүрүштөн ажыратылган аспирантурада М.Т. Айтбаевдин «Орус-кыргыз тарыхый байланыштары жана анын Ысык-Көл кыргыздарына тийгизген таасири» аттуу кандидаттык диссертациясынын темасы бекитилип, илимий жетекчиси болуп белгилүү окумуштуу т.и.д. проф. Л.П. Потапов дайындалат [6: 19]. Аспирант М.Т. Айтбаевдин өздүк баракчасына 1955-ж. 8-апрелинде Л.П. Потапов: «Аспирант М.Т. Айтбаев аспирантураны аяктаганга 6 ай калганда мөөнөтүнөн мурда кандидаттык диссертациясын жазып бүтүрүп «Алдыңкы жана Орто Азия элдеринин этнографиясы» бөлүмүнө талкууга койду. Бөлүм анын ишин эки жолку отурумунда талкуулап, сын-пикирден өткөрүп жактырышып, жактоого уруксат берди. М.Т. Айтбаев өзүн илимий изилдөө жана илимий-уюштуруу иштерине карата болгон жөндөмдүүлүгүн айкын далилдей алды» – деп жазган экен [6: 36].

М.Т. Айтбаев 1955-ж. 15-ноябрда кандидаттык диссертациясын ийгиликтүү коргойт, бирок, эмнегедир коргоо оор өтөт, атайын илимий кеңештин 18 мүчөсүнүн 12-си коргоого катышып, анын 7-сү колдойт, 5-өө каршы добушун берет [6: 40] Андан соң М.Т. Айтбаев кичи мекенине кайтып келип Кыргыз ССР Илимдер академиясынын

Тарых институнда ишин улантат. 1956-ж. 15-октябрда «Археология жана этнография» бөлүмүнүн башчысынын милдетин аткаруучу болуп дайындалып, бул кызматта 1959-ж. чейин иштейт. 1959-ж. 21-майда бөлүм башчылык кызматына жаңы мөөнөткө конкурс аркылуу өтүп, бекитилип иштеп баштайт. Бөлүм башчылыкка конкурстан өтүүгө аттанган М.Т. Айтбаевге Тарых институтунун директору К.К. Орозалиев менен окумуштуу катчысы Ш. Ширияздановдор кол койгон мүнөздөмөдө: «Жолдош М.Т. Айтбаев 1952-ж. октябрынан 1955-ж. ноябрына чейин СССР Илимдер академиясынын Этнография институтундагы аспирантурада окуп, аны мөөнөтүнөн мурда кандидаттык диссертациясын ийгиликтүү жактоо менен аяктагандан кийин, 1956-ж. октябрь айынан бери «Археология жана этнография» бөлүмүнүн башчысы болуп иштеди. 1957-ж. «Кыргыз жана орус элдеринин тарыхый-маданий байланыштары» аттуу көлөмү 12 б.т. монографиялык эмгегин басмадан чыгарды, 1959-ж. ноябрь айына «Кыргыздардын XIX жана XX к. башындагы эл чарбасынын тарыхынын очерктери» аттуу көлөмү 20 б.т. илимий монографияны басууга даярдады. Анын кыргыз этнографиясынын ар кыл маселелерине арналган макалалары Институттун «Эмгектеринде» байма-бай үзгүлтүксүз жарыяланууда, ошондой эле республикадагы жана чет өлкөлөрдөгү илимий сессияларга, иш-чараларга катышып доклад менен чыгып турат. Жолдош М.Т. Айтбаев «Түндүк Кыргызстандын тарыхый-этнографиялык очерктери» аттуу докторлук диссертацияны жазуунун үстүндө иштеп, кыска мөөнөттө керектүү көп талаа материалдарын топтой алды жана айрым баптарын жазып үлгүрдү. «Ал дайыма өзүнүн идеялык-теориялык деңгээлин өстүрүүгө аракет кылат, тартиптүү, тапшырмаларды өз убагында аткарат, институттун жамаатынын ичинде сый-урматка ээ» – деп жазышып М.Т. Айтбаевдин ишине калыс жана жогору баасын беришиптир [6: 51].

Чындыгында 1959-ж. М.Т. Айтбаев үчүн абдан эле ийгиликтүү жылдардан болуптур, мисалы, жогоруда белгиленгендей, ал бөлүм башчы болуп жаңы мөөнөткө шайланды, ошондой эле 1959-ж. 15-октябрда Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президенти И.К. Ахунбаевдин жетекчилиги астында Президиумдун отуруму болуп, ал жерде 1960-ж. Москвада өтүүчү XXV – Бүткүл дүйнөлүк чыгыш таануучулардын конгрессине даярдык көрүү маселеси талкууланат. Бул конгрессти уюштуруп жана өткөрүүгө жардам берүү үчүн Кыргыз ССР тарабынан түзүлгөн комиссиянын докладдын анын төрагасы К.К. Орозалиев жасайт. Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президиуму

бул маселе боюнча токтом кабыл алат. Ал токтомго ылайык конгресстин Орто Азиянын тарыхы секциясында Кыргыз Совет Республикасынын окумуштууларынын атынан «Кыргызстандын Азиянын айрым бир чет өлкөлөрү менен болгон тарыхый-маданий байланыштарын жаңы ачылган археологиялык табылгалардын негизинде чагылдыруу» аттуу коллективдүү доклад даярдалып окулмай болот. Ал коллективдүү докладды даярдоонун авторлугуна атайын топ түзүлүп, ага тарыхчы академик Б. Жамгырчинов (төрагасы), мүчөлөрү болуп этнограф т.и.к. М.Т. Айтбаев, археолог илимий кызматкерлер – П.Н. Кожемяко, И.К. Кожомбердиев жана Д.Ф. Винниктер бекитилет [5: 238–239]. Ошол эле токтом менен Бүткүл дүйнөлүк чыгыш таануучулардын конгрессинин катышуучуларынын назарына коюу жана тааныштыруу үчүн Кыргызстандан алып барып, көргөзмөгө коюуга 15 илимий монография да такталып, тизмеси бекитилет. Бул чоң конгресске атайын басылып чыгарылуучу 15 монографиянын арасына М.Т. Айтбаевдин 2 эмгеги: «Кыргыздардын XIX–XX кк. башындагы эл чарбасынын тарыхынын очерктери» аттуу көлөмү 20 б.т. жана «Кыргыз айылдарынын XIX–XX кк. башындагы социалдык-экономикалык мамилелери» деген көлөмү 10 б.т. монографиялары да кирет [5: 214].

Жогоруда жазылгандардан байкасаңыздар М.Т. Айтбаевдин «күнү туулуп, ити чөп жеп, ташы өйдө кулап, зоболосу оголе көтөрүлүп» тургандай сезилет. Не дегенде, кыска убакытта зор ийгиликтерди жаратып жатпайбы: базалык тарыхый жогорку билими жок туруп, кандидаттыгын мөөнөтүнөн мурда жактаса, болгондо да Москвада, 4–5 жыл аралыгында 3 монография даярдап, бирөөсүн чыгарганга үлгүрсө, докторлук диссертациясына зарыл болгон этнографиялык талаа материалдарын топтоп, илимий эмгектерди анализдеп эле койбостон, текстин да жазып жибергени буга далил болуп жатпайбы? Андан да 1960-ж. Москвада өтүүчү дүйнөлүк конгресске алып барып көрсөтүүгө эки эмгегин басып чыгаруу сунушталып, коллективдүү докладды даярдаган белгилүү, белдүү окумуштуулардын арасына кирип жатса, мындай ийгиликтерге окумуштуулардын баары эле кол чаап кубанып, биринин да ичи тарыбайт, көз артпайт деп ким кепилдик бере алат? Же кыргыздарга көрө албастык мүнөздүү эмеспи, жат нерсеби? Эмне Совет мезгилинде окумуштуулар урууларга, улуттарга, жер-жерлерге бөлүнүүчү эмес беле? Институттун жетекчилери ордумду тыныраак, жигердүү башка жаш окумуштуулар ээлеп алат деп да тынчсызданчу эмес беле?

Буларды автор неге жазып саймедиреп жатат деп ойлогондурсун урматтуу окурман, анын да себеби бар, эмесе сөз ирети менен болсун.

Ушул жерден учкай калыстык үчүн баса белгилей кетсек, эгер М.Т. Айтбаевдин кылган иши адилет бааланса, анда анын жетишкендиктери белгиленип, мамлекеттик сыйлыкка көрсөтүлүшү керек эле. Тилекке каршы, тескерисинче ошол эле 1959-ж. аягында М.Т. Айтбаевдин үстүн кара туман каптап, абалы оорлой баштайт. Ал иштермандыгы, активдүүлүгү, жетишкендиктери, келечекке болгон потенциалы менен өзүнө жаза өкүмүн чыгарып алгандай туюлат? «Ит күлүгүн түлкү сүйбөйт» эмеспи. Кийинки окуялардын жүрүшү, же М.Т. Айтбаевди каралоо, ишине бут тозуу, аны жүдөтүп «төө бастыга» алуу, академиянын, тарых институтунун жетекчилеринин адамдын, тың чыкма кесипкөй окумуштуу адистин тагдырына балта чапкан кайдыгерлиги, тоң моюндугу, таш боорлугу, аны менен чогуу иштеген жамааттагы кесиптеш, замандаш илимпоздордун табалап көңүлкош сырттан ырахатка батып карап турушунун акыры, кесепети жаман аяктагандыгын бул окуялардын кийинки өнүгүшү айгинеледи. Өзүн абдан жакшы көрсөтө алган, келечегинен көптү үмүттөндүргөн жаш окумуштуу чүнчүдү, басынды, сынды, тагдырдын таш боорлугуна баш ийди, илимден алагды болду, алыстады, ал эми кыргыз илими, өзгөчө этнография илими чоң жоготууга учурады.

Эми сөз кезегин, М.Т. Айтбаевди сындырып, басынтып жок кылуу процесси эмнеден башталып, от алды, кандайча жүрдү, кандай жыйынтык менен аяктады, кесепети кандай болду, мына ошолорго берсек. М.Т. Айтбаевдин башына үйүлгөн «балээнин» себеби, тагыраак айтканда «шылтоосу» Ленинград шаарында жайгашкан СССР элдеринин этнографиялык музейинин кызматкери А.С. Бежковичтин (1892–1977-жж.) Кыргыз ССР Илимдер академиясынын жетекчилигине жазган арызы болду. Ал арызында М.Т. Айтбаев «Историко-культурные связи киргизского и русского народов» аттуу 1957-ж. жарык көргөн эмгегинде «плагиат» кемчилигин кетирген, же менин эмгегимди шилтеме келтирбей пайдаланды деп айыптап, ага каршы чара көрүүнү суранган. Маалымат катары айтсак, А.С. Бежкович 1928-ж. С.И. Руденко жетекчилик кылган этнографиялык экспедициянын курамында Кыргызстанга келип, кыргыздардын жер иштетүүсүн, дыйканчылык маселелерин изилдеген. Анын экспедиция учурунда чогулткан материалдары «Киргизское бытовое земледелие» деген аталыш менен Кыргыз ССР Илимдер академиясынын кол жазмалар фондунда сакталып турат [10: 26].

М.Т. Айтбаевге байланышкан бул «чырлуу ишке» тиешеси бар материалдар менен таанышып, анализдеп көрүп, А.С. Бежковичтин арызын, анын дооматын Тарых институтунун жетекчилиги менен институттун Окумуштуулар кеңешинин эле деңгээлинде карап, талкуулап, бир жыйынтыкка келип, тиешелүү чечим кабыл алып койсо туура болмок, ага толук негиз бар эле деп ойлойбуз. Атаганат, андай болбоду, учкай калыстык үчүн айта кетишибиз абзел, бул маселени Тарых институтунун окумуштуулар Кеңешинде карашты, талкуулашты, бирок тыянак жасап, чечим чыгара алышпады, себеби М.Т. Айтбаев аны эки чайнап бир жутсам деген көптөгөн таасирлүү адамдардын бутасына айланган экен, илимге гана тиешеси бар, ал жаш кезинде, илимде биринчи кадамдарды жасап жатканда кетирген болоор-болбос алешемдикти, кемчиликти чоң саясатка айландырышып тез жана түз эле Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президиумунун атайын отурумуна талкууга алып чыгышат. Тарых институтунун бул жоругу «Тоо чычкан тууду» (Гора родиламышь) деген макалды элестетет. Окуянын мындай өнүгүшүнүн башкы себептеринин бири ошол кездеги борбордон бүжүрөп коркуу, жагынуу фактору болду го деп да ойлойбуз. Москва, Ленинград десе эле кокуй бирдеме болуп кетпесин деп жергиликтүү органдар, кызматкерлер жалбырактары дирилдеген көрүнүш совет мезгилине мүнөздүү нерсе эле. Ошондой эле кыргызстандык окумуштууга доо-арызын жазган ленинграддык музей кызматкеринин жарандык-этникалык өзгөчөлүгүн да белгилүү бир таасир берүүчү субъективдүү өңүттөгү факторго кошууга болот. М.Т. Айтбаев өзүнүн жазган түшүнүк катында (объяснительное) Бежковичке идея, ой кошуп, дем берип, түрткүлөгөндөр бар деп жазат. Бежковичтин артына туруп алып дирижер болгон конкреттүү адамдын ысымын да атайт, ал баарыбызга белгилүү – С.М. Абрамзон. Бул этнография илиминдеги белгилүү эки инсан окумуштуу – С.М. Абрамзон менен М.Т. Айтбаевдин мамилелери кандай болгон, ортосун качан кантип карамышык аралаганын кийинчерээк жазабыз.

Эми сөз кезегин Илимдер академиясынын Президиумунун жыйынына бурабыз, жыйынга Президиумдун мүчөлөрү – Президент И.К. Ахунбаев, А.А. Волкова, И.Г. Дружинин, академиянын кызматкерлери – В.В. Ильин, К.К. Орозалиев, Б.Ж. Жамгырчинов, М.А. Алиев, И. Никулин, И.М. Найдич, Н.И. Исаев, М.Т. Айтбаев, Н.В. Диколенко, П.Н. Кожемяко, Д. Уметов, А.Т. Токтомаатов, сырттан илимий жана саясий билимдерди жайылтуу коомунан – С.Т. Табышалиев, А.В. Аблоу, А.Э. Измайлов, М.М. Малкин, П.П. Тетеин,

А.Д. Букова, И.П. Мужиков, А.Е. Панкратов, Б.Б. Байбулатовдор чакырылып катышат. Президиумдун жыйынынын токтомуна серп салсак, талкуу курч мүнөздө өтүп, эки жактуу кайчы пикирлер айтылыптыр.

Арийне, акыйкаттык үчүн баса белгилеп айтсак, маселенин оң же терс жагына чечилиши толугу менен Илимдер академиясынын Президентинин пикири менен позициясына толук көз каранды болуптур. «Көзү өтүп кеткен адамдардын дарегине жаман айтпайт» – дейт эмеспи. Ошентсе да, М.Т. Айтбаев менен учурунда замандаш, үзөңгүлөш, кесиптеш болуп чогуу иштеген көптөгөн маркумдардын ысымын атоого, даректерине сын-пикир айтууга туура келет. Муну туура кабыл алып, түшүнөсүздөр деп ойлойбуз. Себеби, кыргыздын бир тың чыкма, келечектүү этнограф окумуштуусун туш тараптан талап, аны илимден алыстатып, жолтоо болуп, керек болсо моралдык жактан жок кылууга аракет жасап, салымын кошкон адамдар тууралуу, бул окуянын күнгөй-тескейин изилдеп чыркыраган чындыкка, аныгына жетүүгө, анын объективдүү жана субъективдүү мүнөздөгү себептерине, өбөлгөлөрүнө токтолууга, ачып берүүгө биз милдеттүүбүз. Мындай окуялар биздин коомдо азыраак болушу, керек болсо келечекте кайталанбашы абзел.

Эмесе, Президиумдун жыйынынын жүрүшүнө кайтып келсек, ал жерде эксперт катары бийик абройлуу, кыргыздын белгилүү тарыхчы окумуштуусу академик Б. Жамгырчиновго сөз берилет. Ал сөзүндө: «Бежковичтин арызы «стаканда толкун жараткандай» түр көрсөтөт, ал арзыбаган нерсе үчүн чуу чыгарып жаткандай, себеби ар бир илимий кызматкер тарыхый булактарды пайдаланганга укугу бар, ишинин аягында, же тиешелүү жерде гана тигил же бул материалды колдондум деп шилтеме бериши керек. Менин Айтпаевди коргойун деген деле ниетим жок, тек гана айтайын дегеним мындай «оору», же катачылык, кемчилик илимий изилдөө ишине жаңыдан бет алган жаш окумуштууларга мүнөздүү көрүнүш болуп саналат, бирок мындай нерсеге каршы күрөшүшүбүз жана жазалашыбыз керек.

Тарых институтунун Окумуштуулар кеңешинде Айтбаевдин кетирген каталарын, кемчилигин тыкыр карап, аны аябай эле сындап, күнөөлөдүк. Бирок, кадыресе калыптанып калган илимий кызматкердин тагдыры чечилип жатканда, бул маселеге жок нерселерди кошуп көбүртүп-жабыртпай, же такыр эле жокко чыгарып салбай объективдүү негизде, калыс карашыбыз абзел. Мен Айтбаевдин эмгеги менен Бежковичтин кол жазмасын салыштырып, абдан кунт коюп карап көрдүм. Айыл чарбада колдонулуучу

шаймандардын жазылышы жана сүрөттөлүшү Бежкович жазгандай эмес, окшоштуктар, көчүрүп алып жазуу жокко эсе. Кээ бир жерлерде, 2–3 жерде толук көчүрүп алынган гана сүйлөмдөр бар. Ал эми маселеге карата айтылган жалпы ойдун схемасынын ырааттуулугунда, сүйлөмдөрдү куроодо анча-мынча окшоштуктар бар. Айтбаев муну жашырбай эле китебинде көрсөтүп жазып жатат. Бирок, менин жеке оюмда, Айтбаев булакты пайдалануунун усулдарын (методологияны) колдонуу жаатында ката кетирген, ал кол жазмадан алынган сүйлөмдөрдү ар бир учурда тырмакчага алып, шилтеме бериши керек эле» – деп өзүнүн дасыккан окумуштуу жана даанышман аксакал катары адилет, калыс пикирин айтат [5: 261].

Жыйындын катышуучуларынын бири (анын аты-жөнү токтолбогондо көрсөтүлбөптүр – С.Д.) академик Б. Жамгырчиновго суроо узатат: «Айтбаевдин жасаган иши, кетирген кемчилиги плагиатпы, же плагиатка жакын нерсе болуп саналабы?». Ага жооп кылып Б. Жамгырчинов айтат: «пикиримде, плагиат деп эсептебейм, себеби ким плагиат менен алектенсе, же ага жол берсе ал пайдаланган булактарын жашырганга аракет кылат. Ал эми Айтбаев болсо андай кылган эмес. Ал өзүнүн монографиясынын «Дыйканчылыкка» арналган бөлүгүндө жана пайдаланылган булактар менен адабияттардын тизмесинде Бежковичтин кол жазмасын атап, аны пайдалангандыгын билдирип шилтеме келтирген. Аны (Айтбаевди) тек гана булакты пайдалануу усулу боюнча кемчилик, ката кетирген деп бааласак жана күнөөлөсөк болот» [5: 261].

Жыйындын жүрүшү, кабыл алынган чечим урматтуу кесипкөй тарыхчы академиктин келтирген жүйөөлүү, олуттуу аргументтери унуткарылып, эске алынбагандыгын көрсөтөт.

Жыйынга катышып отурган академик И.Г. Дружининдин³: «Мен Иса Коноевич тааныштырган документтерди, М.Т. Айтбаевдин, Б.Ж. Жамгырчиновдун сүйлөгөн сөздөрүн кунт коюу менен уктум жана токтолгон текстине көз жүгүрттүм. Эми менин оюм мындай, көчүрүлүп алынган материалдардын дээрлик көпчүлүк бөлүгү айрым бир айыл чарба шаймандарынын сүрөттөлүшүнө гана тиешеси бар экен. Ал эми серп салып, талдоо жана тыянак жасоо жагы таптакыр башкача, же автордун өзүнүкү тура. Демек, ал илимий жалпылоо, тыянак жасоо жагынан туура иш кылган, бул жагдай анын күнөөсүн кыйла эле жеңилдетет. Тарых институту Айтбаевди бөлүм

³ Дружинин И.Г. (1904–1988), х.и.д, проф., академик, 1954–1959-жж. Кыргыз ССРинин Илимдер академиясынын Табигый-техникалык илимдер Бөлүмүнүн академик-секретары болуп иштеген.

башчылыктан алып салып жазалоону сунуштаптыр. Менимче бул туура эмес, өтө эле катаал жаза экен, тек гана ал мындан кийин ушуга окшогон кемчилик, каталарды кайталабашы үчүн ага катуу сөгүш берүү (строгий выговор – С.Д.) менен эле жазалап, чектелсек деп ойлойм» [4: 16–17; 5: 261].

Медицина илимдеринин доктору М.А. Алиев чыгып сүйлөп: «Менин баамымда, Айтбаев өзүнүн күнөөсүн сезип, мойнуна алганы анын күнөөсүн кыйла эле жеңилдетет. Бирок, аны бөлүм башчылык кызматынан алып, ордуна Кожемякону дайындоону туура эмес чечим деп эсептейм, башкача айтканда жаза менен күнөөнүн салыштырма салмагы дал келбейт» – деген пикирин билдириптир [5: 261].

Аттигиниң ай дегенден башка эмне айтабыз, бакыйган эки академик – Б. Жамгырчинов менен И. Дружининдин, илимдин доктору М. Алиев сыяктуу аттуу-баштуу кишилердин жүйөлүү, орундуу ой-пикирлерин жыйын, жыйынды алып барып жаткан адамдар уккан да, эске алган да жок. Демек, бул жыйындын негизги максаты, формалдуу болсо да талкуу өткөрүмүш болуп туруп М.Т. Айтбаевди кандай гана болбосун баш көтөргүс кылып талкалоо экени ачык-айкын эле байкалып турат.

Ал эми бул жыйында тарыхчылар өзүн кандай алып жүрүштү ошого назар салсак. Тарых институтунун директору К.К. Орозалиевдин жыйында сүйлөгөн сөзүнөн кыйын абалга кептелип, жетекчисинин, кесиптештеринин калыс сөзүнө, жардамына муктаж болуп турган М. Айтбаевди эч колдобой тургандыгын байкоого болот. Ал өз сөзүндө: «Биз Айтбаевдин «жоругун» Окумуштуулар кеңешинде карадык. Талкуу абдан катуу болду, көптөгөн сын-пикирлер айтылды жана тиешелүү сунушту кабыл алдык. Биз Айтбаевди бөлүм башчы катары талкуулап караган жокпуз. Ал бул кызматын жакшы эле аткарып жүргөн. Биз конкреттүү фактыларды карап талкууладык жана ошол жөнүндө сөз кылдык. Анын бул «кылыгына» байланыштуу бөлүмдүн башчысы катары калтырууга болбойт деп чечтик. Мен ушуну гана айткым келди. Бирок, ал бөлүм башчылык кызматын абдан жакшы аткарып жатты, ал маселе боюнча ага биздин жаман пикирибиз жок» – деп айтты [5: 262].

Баарына белгилүү, мындай чатак иш болгондо жетекчилерден көп нерсе көз каранды болот эмеспи. Арийне, «багы жокко дагы жок» демекчи, М. Айтбаевдин жетекчиден жолу болбоду. Тарых институтунун директору К. Орозалиевдин жогорудагы сөзүнө серп салып талдап көрсөк, анын таламайга, «төө бастыга» кабылган М.Т. Айтбаевди колдогон түрү көрүнбөйт, эки анжы, бири-бирине карама-

каршы келген пикирин да айтты көрүнөт. К. Орозалиев Окумуштуулар кеңешинде биз М.Т. Айтбаевди бөлүм башчы катары караган жокпуз, ал жетекчи катары жакшы эле иштеп жатат дейт дагы, бирок Президиумга көтөрүп келген Окумуштуулар кеңешинин токтомунда жана институттун директору катары өзү жана окумуштуу катчы Ш. Шириязданов экөө кол койгон И. Ахунбаевдин дарегине жазылган катында аны бөлүм башчылыктан алуу керек, анын ордуна бөлүмдүн башчысы кылып П.Н. Кожемякону, ал эми М. Айтбаевди ага илимий кызматкер кылып бекитип бериңиз деген сунушун алдын ала эле берип жатат. Ал эми Президиумдун жыйынында болсо улам саймедиреп кайталап Айтбаевди жакшы бөлүм башчы эле дейт. Муну кандайча түшүнүүгө болот? Ниети ак болсо түз эле айтпайбы: «Жолдош Президент Иса Коноевич, М. Айтбаев илимий иште биринчи кадамын таштап жатып, диссертациясында 1953-ж. Бежковичтин кол жазмасын туура эмес пайдаланып кемчилик кетирип коюптур, ал эми 1957-ж. чыккан китеби болсо ошол диссертациянын эле негизинде жарык көрдү. Кетирген катасын эмнегедир оңдобоптур, эми анын бул күнөөсүн жаштыгына шылтап кечирели, Сизден суранабыз Тарых институтунун атынан, бир жолку ачууңузду бериңиз? Аны бул күнөөсү үчүн Тарых институтунун Окумуштуулар кеңешинде аябай эле сындап, ой-боорубузча тепкиледик. Эми минтип академиянын Президиумунда да жанчтык. Менимче мунун баары ага чоң сабак болду окшойт. Келечектүү адисти илим үчүн сактап калалы. Катую сөгүш менен эле чектелип бөлүм башчылык кызматтан албай эле коёлу».

Ал эми иш жүзүндө кандай болду? К. Орозалиев калп да болсо ооз учунан мактап жакшы эле бөлүм башчы болчу дегени менен ал жерде М.Т. Айтбаевди сындырып, басынтып, жүдөтөлү деген эле сыр, максат катылып жатпайбы? Убагында интрига жаатында абдан такшалып «гроссмейстер» болуп калган адамдан баарын күтүүгө болот эмеспи. Коомчулук убагында К. Орозалиев Кыргыз ССР КП(б) БК идеология боюнча бөлүм башчы, кийин секретары (1946–1952) болуп иштеп турганда далай кыргыз интеллигенциясынын өкүлдөрүнүн убалына калганын жакшы билишет. Мисалы, белгилүү элдик оозеки чыгармачылыкты (фольклор) изилдөөчү М. Мамыров, Кыргызстандагы тарыхчы жана адабиятчыларды аёосуз куугунтукка алуу жана саясий айыптарды тагуу иши Кыргыз КП БКнын бөлүм башчысы К. Орозалиевдин «Очередные задачи в развитии исторической науки и литературоведении в Киргизии» деген макаласы «Кызыл Кыргызстан» (1947.12.10) жана «Советская Киргизия»

(1947.14.10) гезиттерине жарыялангандан кийин башталды жана өзгөчө күч алды деп белгилейт. Негизсиз сынга, куугунтукка А. Токомбаевдин «Кандуу жылдар» ыр түрүндө жазылган романы, К. Маликовдун «Балбай» поэмасы алынып, басып чыгарууга тыюу салынды деп жазат [9].

Белгилүү адабиятчы Зияш Бектенов репрессиянын курмандыгы болгон досу, кесиптеши Ташым Байжиевге арналган эскерүүсүндө А. Ждановдун докладынан, жазуучу А. Фадеевдин СССР Жазуучулар союзунун пленумунда кыргыз адабиятчысы Т. Саманчиндин революцияга чейин жашап өткөн жазгыч-акын Молдо Кылычтын чыгармачылыгына арналган эмгектеринде улутчулдуктун белгилери байкалат деп айткандан кийин Кыргызстанда чыгармачыл интеллигенцияга карата «чоң казат» башталды деп жазат. Ошондон кийин эле Кыргыз КП БКнын идеология боюнча секретары К. Орозалиев ушакчылардан жана жолу болбогон адамдардан (Самаганов, Нуров, Балтин, Бакеев, Бердибековдерден) турган топту түзүп алып, аларды КирФАНдын окумуштууларына каршы тукурат. Бул топтун курмандыгына – кыргыздын тил жана адабият илими боюнча тунгуч кандидаты Т. Саманчин, эпосторду изилдөөчүлөр Т.Байжиев, З. Бектеновдор чалынат, аларга жалган жалаа менен «улутчул», «космополиттер», «бай-манаптардын тукумдары» деген айыптар тагылып, он жылдан эркинен ажыратылышып, сүргүнгө айдалышат. Т. Байжиев Караганды шаарында сүргүндө (лагерде) жүрүп каза болот, сөөгү ошол жакка коюлат. Ж. Шүкүров, К.Карасаев, К. Юдахин ж.б. көп сандаган адамдар куугунтукка алынып, запкы жешет [7, 8].

Кыргыз Эл жазуучусу, драматург жана башка көп кырдуу таланттын ээси М.Т. Байжиев XX к. 50-жж. репрессияга кабылып, жалган, жасалма айып тагылып, курулай жалаа менен он жылдык мөөнөт менен түрмөгө кесилип, лагерге сүргүнгө айдалып, ошол жакта каза болгон атасы Т. Байжиевге арналган эскерүү, рекевием китебинде өз мезгилинде кыргыздын чыгармачыл интеллигенциясынын көптөгөн өкүлдөрү кандай ыкма, жол менен, же технология аркылуу жок кылынгандыктарын сүрөттөп жазган. Мисалы, партиялык жетекчилер шек алдырбай байкамаксан болуп, сырттан туруп алып эле бирөөлөрдүн колу, чагымчыл аракетин менен адамдарды бири-бирине тукуруп, каршы коюп, кайраштырып, чабыштырып, керек болсо жакпаган адамдарды жок кылып, жакшы атын өчүрүү сыяктуу айла-амалдарды колдонушканын белгилейт. Репрессияга, же куугунтукка өзгөчө кимдин өзүнүн жеке пикири болсо, чырдашууну, доолашууну

жактырбаса, жагынып, кошомат кылганды сүйбөсө, бирөөлөргө каршы, же үстүнөн доо, жалган арыз жазбаса, ушундай сапатка, касиетке ээ таза, принципиалдуу адамдар биринчи кезекте кабылганын жана аларды тиришумдуктуудай ыкма, жолдор менен көзүн тазалап жок кылышканын жазат. Мындай учурларда, же бирөөнү жок кылгылары келсе, сөзсүз ал адамдын каршылашын, «душманын», же ага көз арткан, жаман көргөн адамды табышып, ага доону, арызды кандай жазуу керектигин, эл алдында эмненин сүйлөп, кантип уяткарып, коомдук пикир түзүүнү үйрөтүшкөнүнүн айтат. 30-ж. ушундай ыкма, жол менен эки белгилүү жазуучулар – К. Тыныстанов менен А. Токомбаевди бири-бирине тукуруп, каршы коюп, кайраштырып, чабыштырып, акыры тирешүү К. Тыныстановдун өлүмү менен аяктаганын, 50-жж. Раззаковдун убагында Т. Саманчинге каршы Ж. Самагановду, Т. Байжиевге каршы Т. Абдумомуновду кайраштырып, каршы коюшуп, биринчилеринин түбүнө жеткендигин мисал келтирет. Репрессиянын экинчи этабында К. Орозалиев көрүнүктүү роль ойногонун да баса белгилейт [7: 304].

Бул келтирилген мисалдар К. Орозалиевдин адамгерчилик сапаттары менен жетекчи катары кандай тарыхый шартта калыптанганын жана жогорку кызматтарды ээлеп тургандагы ишмердүүлүгүнөн, же анын кандай тип, стилдеги жетекчи болгондугунан кабар берет. «О времена, о нравы», «Көнгөн адат калабы, уйга жүгөн салабы?»», же «Бүкүрдү мүрзө түзөйт» – дегендей, кийин деле, ал киши өзгөрүп башкача болуп кетпегенин М.Т. Айтбаевге жасалган мамиле көзгө сайып көрсөтүп жатпайбы.

Жыйында М.Т. Айтбаевди өч душманындай жайлаган, «өгүз өлтүрөөр балтанын» ролун аткарып, кескин терс пикир жараткан В.В. Ильин деген киши болуптур (ушундай фамилиядагы тарыхчы, этнографты билбейбиз, анын кимдигин, илимдин кайсы тармагынын адиси экенин, ээлеген кызматын тактай албадык – *С.Д.*), эмесе анын сөзүнө кулак салалы: «Сиз (Айтбаевге карата – *С.Д.*) өзүңүздүн түшүнүк катыңызда Бежковичтин кол жазмасы иштетилбеген, пайдаланууга, басууга жараксыз деген ж.б. сөздөрдү айтыптырсыз. Эгерде мен ал ишти сындап, начар деп таап, айтсам, анда кандайча ал ишти диссертацияма көчүрүп алам? ...Тарых институту Айтбаевдин «кылыгын» катуу талкуулап, сындап абдан туура иш кылган. ...Менин оюмча, ушул жыйындын токтомунун текстин кайра редакциялап, кыйла күчөтүшүбүз зарыл. Ошондой эле токтомдун чечимине: «мындай нерсе илимий кызматкерлерге сабак болсун үчүн академиянын бардык институттарына, бөлүмдөрүнө жиберилип,

жамааттарда талкуулансын» деген дагы бир пунктту киргизишибиз керек. Айтбаевди бөлүм башчылык ээлеген кызматынан бошотуп Тарых институту туура иш кылган» – деген «жалындуу», ошол жерде отурган айрым адамдардын чырагына май тамызган «жагымдуу» сөзүн сүйлөптүр [5: 262–263].

Бул кишинин сөзүн кандай интерпретация кылсак, же чечмелесек? Эгерде мени улутчул деп ойлобосоңор бир «крамольный» ой айткым келип турат. Улут, урук, уруу арасында деле «корпоративность», же бири-бирин колдоо, ынтымакташуу бар экенин баарыбыз билебиз. С. Абрамзон, А. Бежкович, В. Ильин деген фамилиялар көп нерсени билдирет. Себеби, кайдагы бир Кыргызстандагы катардагы окумуштуу «кудай сүйгөн элдин» өкүлүнө ушундай мамиле кылып жатса, карап туруш керекпи? Тарыхчы, этнограф болбосоң да сөзсүз процесске аралашып, андай тың чыкма немени кандай гана ыкма, принцип менен болсо дагы торойто чаап, талкалаш керек. Эми калганын биз айтпасак деле түшүнүктүү го деп ойлойбуз.

Президиумдун жыйынында чыгып сүйлөгөндөрдүн баардыгынын сөздөрүн угуп жана эң биринчи кезекте М.Т. Айтбаевге аркасын салып, тагдырына кайдыгер караган Тарых институтунун Окумуштуулар кеңешинин токтомуна, директорунун маалыматына таянып туруп Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президенти, жыйынды алып барып жаткан И.К. Ахунбаев жыйындын жыйынтыгын чыгарып төмөнкүдөй сөздөрүн айтты: «Жалпысынан айтканда жаман окуя болду. Жолдош Айтбаев, Сиз ишиңизде толук ойлонуштурулбаган катачылыкты, кемчиликти кетирдиңиз. Сиздин монографияңыз 170 беттен турат экен. Ал эми алынган ойлор 14 баракта кезигет, эгер Сиз аларды алып салсаңыз, мындан китебиңиз эч нерсе жоготмок эмес. Неге бул жолго түштүңүз? Андан дагы кол жазманы жамандаганыңыз туура эмес. Трагедиянын баары ушунда болуп жатпайбы. Сиз, илимдин жол-жобосун билип туруп, башка бирөөнүн материалын пайдаланып жатып плагиатка үндөшкөн оркойгон ката кетирдиңиз. Сиздин жасаган ишиңиз айыптоого татыктуу. Мени Бежковичтен коркот деп ойлобоңуз. Эгерде биз тиешелүү чечим кабыл албасак, таарынып калган неме тынчыбайт. Ошол себептен бул ишке жоопкерчиликтүү мамиле кылышыбыз керек. Айтбаевдин жасаганын советтик илимий кызматкердин бийик наамына шек келтирген жорук деп баалап, жаш окумуштууларга сабак болушу үчүн Тарых институтунун Окумуштуулар кеңешинин жана

ушул жыйындын аны кызматынан алуу жөнүндөгү сунуш, чечимдерин туура деп эсептейм» [5: 263–264].

Ошентип, Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президиуму М.Т. Айтбаевдин ишин талкуулап жыйынтыгында 1959-ж. 12-ноябрда №81 токтомду кабыл алышат. Аталган токтомдо жазышат: «М.Т. Айтбаев китебин жазганда сөз болуп жаткан Бежковичтин кол жазмасын пайдаланганы анык. Тагыраак айтканда, мындай факты М.Т. Айтбаевдин китебинин «Дыйканчылыкка» арналган бөлүгүндөгү 14 баракта кездешет. М.Т. Айтбаев Бежковичтин кол жазмасын пайдалангандыгы тууралуу китебинин дыйканчылыкка арналган бөлүгүндө жана колдонулган булактар менен адабияттардын тизмесинде белгилеп, шилтеме жасайт, демек, М.Т. Айтбаев пайдаланган булактардан алынган материалдарын жашырайын, көмүскөдө калтырайын деген ниети болгон эмес.

М.Т. Айтбаев Бежковичтин кол жазмасын пайдаландым деп туура белгилеп жазганы менен ал материал алынган ар бир учурда, тигил же бул сүйлөмдү алганда, пайдаланганда шилтеме берген эмес.

Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президиуму М.Т. Айтбаевдин бул «жоругун» айыптап төмөнкүдөй токтом кабыл алат:

1. М.Т. Айтбаев «Археология жана этнография» бөлүмүнүн башчысы кызмат ордунан бошотулуп, илимий кызматкер болуп дайындалсын;
2. «Археология жана этнография» бөлүмүнүн башчылык кызматын убактылуу аткаруучу болуп тарых институтунун илимий кызматкери П.Н. Кожемяко дайындалсын.

Бул токтомду Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президенти академик И.К. Ахунбаев менен академик-секретарь В.Г. Яковлевдер кол коюп бекитишет [6: 54].

Президент И.К. Ахунбаев Президиумдун жыйынынын жогорудагы токтомун окуп бүтөөр замат жаңы эле бөлүм башчы болуп дайындалып жаткан археолог П.Н. Кожемяко сөз сурап төмөнкүлөрдү: «Мен Айтбаевге карата көрүлгөн жазаны өтө эле катаал, оор деп эсептейм. Токтомдун чечими менен бөлүм башчылык милдетти аткарууну мага жүктөдүңөр. Бирок, мен этнограф эмесмин. Бөлүмдө чоң, оор жана жооптуу иштер жасалып жатат. А мен болсо этнография менен эч убакта алектенген эмесмин. Мен бул кызматта көп деле пайда алып келбейм. Анын үстүнө ден соолугум да жайында эмес, ушул себептерден улам бөлүм башчылык кызматка башка эле талапкерди дайындоону Президиумдан өтүнөм» – деп айтты.

Президент И. Ахунбаев: «Ошон үчүн Сизге бөлүм башчылык кызматты убактылуу аткаруучу кылып дайындап жатабыз. Ойлобоңуз

Айтбаев этнография иштеринен оолактап, иштебей калат» – деп жооп кайтарды [5: 264–265].

Бул жерде, Тарых институтунун директору К. Орозалиев Айтбаевдин ордуна бөлүм башчылыкка П.Н. Кожемякону дайындоо сунушун бергенде, аны менен кеңешпегени, маалымат бербегени даана эле көрүнүп турат. Ошондой эле П.Н. Кожемяконун Тарых институтунун, Президиумдун Айтбаевге чыгарган чечими менен макул эместиги, кандайдыр бир денгээлде Айтбаевди сыйлаганы, аяганы, ага боор тартканы да сезилип турат.

Ушул жерден учкай мындай тыянак жасоого болот: жыйындын токтомуна ылайык Президент И.К. Ахунбаевге чейин жети киши чыгып сүйлөдү, анын экөөсү академиктер, бир илимдин доктору, бир илимдин кандидаты, бешөөнүн үчөө М. Айтбаевди сындаган, бирок сындырбаган, адилеттүү калыс ой-пикирлерин, сунуштарын айтышты, экөөсү ортоңку, же мелүүн позицияны карманды, ал эми бирөө гана каршы чыгып, адамдын тагдыры менен эсептешпеген, талкалаган катаал позицияны ээлеп, сунушун айтты. Көпчүлүктүн ой-пикирин, сунуштарын эске албаган мындай жыйынды, демократиянын принциптери сакталып өткөрүлбөгөн, адамдын укугу тебеленген отурумду кандай баалоого болот? Совет мезгилинде деле «демократический централизм», же «азчылык көпчүлүккө баш ийет» деген принцип бар эле го? Эми, мындай окумуштуулардын жыйыны, же Президиумдун жыйыны эмей эле сот процессине шекил, окшоштуруп өткөрүлгөн отурум кабыл алган чечимди мыйзамдуу деп айтып, баа бергенге негиз барбы?

Президиумдун жыйынында даале болсо жакшылыктан, акыйкаттыктан күдөрүн үзбөгөн М.Т. Айтбаев сөз алып Илимдер академиясынын жетекчилигине, жыйындын катышуучуларына кайрылат: «Урматтуу Президиумдун мүчөлөрү, жыйындын катышуучулары! А.С. Бежковичтин арызын ар тараптан толук, калыс жана адилет кароо үчүн эксперттик комиссия түзүүнүздөрдү сурайм. Тарых институту менин ишимди карап чыгып, сүйлөмдөр менен абзацтардын окшоштугу кайсы беттеринде кездешээрин тактап чыгышты. Бирок, мен дагы аталган проблема боюнча жеке этнографиялык талаа изилдөөлөрүн жүргүзүп талаа дептериме көптөгөн жаңы материал, фактыларды, информаторлорду таап, ошондой эле Октябрь революциясына чейинки авторлордун эмгектерин, көптөгөн адабияттарды илимий айлампага киргиздим, эксперттик комиссия ушулардын баарын карап салыштырып көрүп Бежковичтин кол жазмасы (рукопись – С.Д.) кол жазма эмей эле

иштетилбеген, анализи, тыянагы жок, басууга жараксыз жазуулардын жыйындысы (сырая запись – С.Д.) деген чечимге келээрине толук ишенем. Эксперттик комиссияга Б.Ж. Жамгырчинов, С.И. Ильясов сыяктуу бул маселени түшүнгөн жана билген тажрыйбалуу, билимдүү тарыхчылар кирсе жана анын курамына институттун коомдук уюмдарынын өкүлдөрү да киришсе жакшы болот эле» – деп өтүнөт [5: 270, 273].

Тилекке каршы, М.Т. Айтбаевдин өтүнүчүн *канааттандырышпады*, анткени анын тагдыры жыйынга чейин эле жең алдынан, тымызын чечилип калган эле. Себеби, М.Т. Айтбаев «ажыдаардын куйругун басып» жана «жыландардын уюгун» козгоп койгон эле. Ажыдаарыбыз Бежковичтин артындагы Абрамзон болсо, жылаандарыбыз «калгагын алып кел десе башын кошо кесе келген» кошоматчы, ичи тар, бирөөнүн ийгилигин көрө албаган жергиликтүү кокуй кадрлар, окумуштуулар болуп саналат. Албетте, И. Ахунбаев айткандай Бежковичтен коркпосо болот, ал эми аны кыймылга келтирип, дем берип жаткан Абрамзонду тоготпой коюуга болбойт эле. Анын үстүнө доочулардын экөөсү тең Ленинграддан болуп жатпайбы? Таскагы катуу чыгып, керек болсо өзүнөн озуп чыга келе жаткан М. Айтбаевдин тизгинин кагып, ага каршы (интрига, заговор) уюштурган С. Абрамзон, Кыргызстандан өзүнө тилектеш, тарапташтарын, ал эми М. Айтбаевдин каршылаштарын оңой эле тапты.

Биз М.Т. Айтбаевге байланыштуу материалдар менен таанышып, анализдеп жатканда бир нерсени байкадык. А. Бежковичтин арызы Кыргыз ССР Илимдер академиясына 1959-ж. май-июнь айларында келип түшөт. Биз муну М.Т. Айтбаевдин ал арызга жооп кылып түшүнүк катын 1959-ж. 6-июнда жазганына таянып айта алабыз. Ал эми Бежковичтин арызын Президиумдун жыйынында 1959-ж. 12-ноябрда, же арадан жарым жылдан ашуун убакыт өткөндө карап жатышат, эмне үчүн, буга эмне себеп болду – деген суроолор туулат? Эмгек өргүү маалы жолтоо болдубу, же атайын «убагы болгондо, сааты келгенде» карайбыз деп кармап туруштубу? Же, адегенде болбогон эле нерсе экен деп анча деле көңүл бурушкан жокпу? Мүмкүн бул маселенин оң чечилишине М.Т. Айтбаевдин ушул жарым жылдын алкагында аябагандай активдүүлүгү менен элдин көзүнө чектен тыш көбүрөөк көрүнүп койгону жолтоо, бөгөт болуп жүрбөсүн? 1959-ж. май-ноябрь айларынын ортосунда М.Т. Айтбаев тарабынан аткарылган иштер жана анын хронологиясы: 1) М.Т. Айтбаев 1959-ж. 21-майда Тарых институтунун «Археология жана

этнография» бөлүмүнүн башчылык кызматына жаңы мөөнөткө конкурс аркылуу өтүп шайланды; 2) Тарых институтунун жетекчилигине эки монографиясынын, бирөөсү – 10 б.т., экинчиси – 20 б.т. басып чыгарууга даярдыгын билдирет; 3) 1959-ж. аягында, 1960-ж. башында докторлук диссертациясы жактоого даяр болоорун да айтат; 4) 1959-ж. 15-октябрда Илимдер академиясынын Президиумунун отуруму М.Т. Айтбаевди 1960-ж. Москвада өтүүчү XXV – Бүткүл дүйнөлүк чыгыш таануучулардын конгрессине Кыргыз ССРнин атынан окулуучу илимий докладдын тарых жана этнография бөлүгүн жазууга авторлош катары бекитилиши; 5) ошол эле конгресске алып барып, катышуучуларга тааныштыруу, көргөзмөгө коюу үчүн тандалып алынып, басып чыгаруу үчүн бекитилген 15 илимий эмгектердин арасына М.Т. Айтбаевдин эки монографиясынын кириши сыяктуу жасалган иштерди санап кетүүгө болот. Мындай жетишкендиктерди кесиптештеринин баары эле чекеси жарылып кубануу менен кабыл алып М. Айтбаев менен тең бөлүштү деп айта алабызбы? Эмне үчүн конгрессте жасалуучу докладды даярдоого акад. Б. Жамгырчиновго кошулуп абройлуу этнографтар – С.М. Абрамзон, К.И. Антипина, Д.О. Айтмамбетов, тарыхчылар – С.И. Ильясов, К.У. Усенбаев, К.И. Петров ж.б. кирген жок? Эмне үчүн басылып чыгарылуучу 15 илимий эмгектин тизмесине Б. Жамгырчинов, С. Ильясов сыяктуу аттуу-баштуу академиктердин, К. Усенбаев, К. Петров сыяктуу тарыхчылардын бирден эле китептери кирген? Эмне үчүн С.М. Абрамзондун бир дагы эмгеги кирген эмес?

Бул суроолорду биз неге коюп жатабыз? Жогоруда жазылгандардан мындай тыянактар келип чыгат: биринчиден, М.Т. Айтбаевдин активдүүлүгү, мээнеткеч, иштермандыгы кашкайып көрүнүп турат; экинчиден, илимий-уюштуруучулук жөндөмдү талап кылган жооптуу, масштабдуу иш-чараларга, мисалы, Бүткүл дүйнөлүк конгресске доклад даярдоого катышып жана ал жакка коюлуучу китептердин тизмесине М.Т. Айтбаевдин эки монографиясынын кириши, анын илимий чөйрөдө, Илимдер академиясынын тарых институтунун жамаатынын ичинде абройунун бийиктигин, өзүнүн татыктуу орду бардыгын, теориялык-методологиялык даярдыгынын кыйла эле жогору экендигин айгинелейт; үчүнчүдөн, А. Бежковичтин арызы 1959-ж. май айында келип түшүп, бирок ноябрь айында каралышы М.Т. Айтбаевге каршы жең алдынан жашыруун кутум (заговор) уюштурулуп, аны чөгөлөтүп, басынтып, адистик-моралдык жактан жок кылууга багытталган бузукулук ишти ар улуттан, ар кайсы союздук республикалардын жаран, окумуштууларынан турган

интернационалдык кутум топ ишке ашыргандыгын далилдейт. Мүмкүн, Илимдер академиясынын жетекчилиги өзүлөрү байкабай, билбей эле кутумга кошулуп, бирөөлөргө курал болуп бериши да ыктымал деп ойлойбуз.

Эми, жогоруда сөз болгон Президиумдун жыйынынын жыйынтыгына кайрылсак, Улуу Ата Мекендик согуштун ардагери, коммунисттик партиянын мүчөсү, таланттуу, келечегинен көптү күттүргөн жаш окумуштуу т.и.к. М.Т. Айтбаев өзү эмгектенген Тарых институтунан дагы, андан соң Илимдер академиясынын жетекчилиги тарабынан да колдоого ээ боло алган жок. Эмне үчүн мындай болду, ага карата жасалган катаал мамиленин көпчүлүк билбеген, аңдабаган дагы кандай себептери бар? Жогоруда макаланын айрым бир тиешелүү жерлеринде ушул сыяктуу көпчүлүктү түпөйүл кылган суроолорго жооп бергенге аракет кылдык. Ошону менен бирге, бул суроолорго кошумча жооп кылып, же айрым бир көмүскө факты, фактор, себептерди анализдөөдөн жаралган жеке ой-пикирлерибизди окурманга сунуштайбыз.

Пикирибизде, М.Т. Айтбаевдин монография жазып, чыгарууда ката кетиргени, аны көрө албаган, кас адамдардын тузагына түшүшүнүн негизги себептери төмөнкү фактылар менен түшүндүрүлөт. Биринчиден, М.Т. Айтбаев согуштан кайтып келип, чукул арада юридикалык жана педагогикалык эки окуу жайын бүтүрүп, ички иштер, коопсуздукту сактоо жана билим берүү министрликтериндеги ээлеген кызматтарын таштап илимге өткөндө 28 жашта болгон. Тарых боюнча базалык негизги жогорку билими болбосо да, кыска убакыттын ичинде этнография илиминин теориясы менен методологиясын өздөштүрүп өндүрүштөн ажыратылган аспирантураны мөөнөтүнөн мурда кандидаттык диссертациясын жактоо менен аяктайт. Эсиңерде болсо керек, биз жогоруда М.Т. Айтбаевдин кандидаттык диссертациясын атайын кеңеште жактоосу оор болгон дедик эле, анын себеби – булактарды, илимий адабияттарды пайдалануу методикасында, илимий этиканы сактоодо тажрыйбасы азыраак аспирант алашемдикти, каталарды кетирген деп айтууга негиз бар. Ошол булактардын арасында А. Бежковичтин да кол жазмасы болгон. Эң кызыгы М.Т. Айтбаевге А. Бежковичтин кол жазмасын С.М. Абрамзон өзү сунуш кылган экен. Бул тууралуу М.Т. Айтбаев, кийин Бежкович арыз-доо менен Кыргыз ССР Илимдер академиясына кайрылганда жазган түшүнүк катында: «С.М. Абрамзондун жетекчилиги астында уюштурулган археология-этнографиялык комплекстүү экспедициянын курамында 1952–1955-

жж. «Кыргыз-орус элдеринин тарыхый-маданий байланыштары» деген тема боюнча эл аралап, этнографиялык талаа материалдарын чогултууга катыштым. Ошондо С.М. Абрамзон мага КирФАНдын кол жазмалар фондунда А.С. Бежковичтин кол жазмасы бар, ал иштетилбеген, басууга таптакыр жараксыз жазуулардын жыйындысы, ошону алып пайдалана бер деген кеңешин берген» – деп жазат [5: 270, 273].

Калыстык үчүн айтпаса болбойт, М.Т. Айтбаев албетте күнөлүү, себеби мурда кандидаттык диссертациясында (1955-ж.) кетирген катаны эки жылдан кийин (1957-ж.) чыгарган китебинде кайталабашы керек эле. Ал муну байкабай, кенебей, шек албай деле жүрө бериши да ыктымал. Чоң, абройлуу окумуштуу Абрамзон өзү багыт, маалымат берип жатса ушундай кол жазма бар эч кимге кереги жок, ошону ал да пайдалана бер деп, илимге жаңы багыт алган М. Айтбаев ага ишенет да. Эң негизгиси, М. Айтбаевдин катасын, таалуу жерин С. Абрамзон абдан жакшы билген, жадысына түйгөн. Качан сааты келгенде, М. Айтбаевди торойто чаап, талкалаш керек болгондо баягы «өлгөн иттин» тарпын алып чыгып жатпайбы. Ушул жерден атактуу Чынгыз-хандын уулдарына, тукумдарына насыят кылып калтырып кеткен накыл сөздөрү аргасыздан эске түшөт экен, мааниси тагыраак болсун үчүн орусча беребиз: «Не советуйся с коварным (завистливым) человеком», «Не поддавайся уговорам плохого человека» – деп кеп-кеңешин берип керээз кылган экен⁴.

С.М. Абрамзон менен М.Т. Айтбаевдин чын эле мамилеси ушунчалык начар беле: тирешип, бири-бирин жамандап, кадыр-баркын түшүрүп, жаманатты кылып, иштетпей, жүдөтүп, абийирлерин төккүдөй? М.Т. Айтбаев бул жөнүндө түшүнүк катында ачык эле жазат: «А.С. Бежкович арызында менин «Очерки истории хозяйства киргизов в XIX – начале XX вв.» аттуу, көлөмү – 20 б.т. монографиямды жокко чыгарып жатат. Бежковичтин артында С. Абрамзон турат жана бул анын кезектеги мага каршы жасаган айла-амалдарынын бири болуп саналат. С. Абрамзондун мага каршы тоголок арыз жазбай, жалаа жаап, ушак таратпай калганына жарым эле жыл болуп калды. Анысын улантканга ылайыктуу ыплас материал деле калбай калган. Эми минтип Бежковичти дос күтүп, аны курал кылып алды. Мунун баары менин китебимди чыгарбаш үчүн гана С.

⁴ Из древней рукописи Чингиз-хана, написанной на старомонгольском языке (сутра – «ключ разума»), которая датируется XIII–XIV вв. и хранится в музее Республики Алтай.

Абрамзондун ойлоп таап жасаган карасанатай иши болуп эсептелет» [5: 273].

Мына эмесе окурман, көп нерсе эми түшүнүктүү болду окшойт. М.Т. Айтбаевдин түшүнүк каты эле көп нерседен кабар берип, далай сырды ачып жатпайбы? Ал эми М.Т. Айтбаев менен С.М. Абрамзондун ортосун кара мышык качан аралаган, М. Айтбаев кандайча С.М. Абрамзондун каарына калган? Кыргыз этнографиясынын лөктөрүнүн бири болгон С. Абрамзон неге мынча М.Т. Айтбаевге кастарын тиккен? – сыяктуу суроолор да жоопту талап кылат.

С.М. Абрамзондун М.Т. Айтбаевди жактырбай, жөөлөп, жүдөтүп, илимпоз катары беделин түшүрүп, аброюн кетирип, куугунтукка алып жок кылууга жасаган аракетинин эң башкы себеби, биздин жеке пикирибизде, анын ичинин тардыгы, көрө албастыгы болгон деп эсептейбиз. Кечээки эле өзүнүн окуучу-шакирти тез арада көлөмдүү монографияларды жаратып (эсиңерге салабыз, С.М. Абрамзон кыргыздардын этнографиясына арналган көлөмдүү монографиясын Ленинградда 1971-ж. чыгарган – *С.Д.*), докторлук диссертациясын даярдап, эл оозуна алынып жатса, 1956-ж. кыргыздардын этногенезине арналган симпозиумда кыргыз элинин келип чыгышы боюнча кыргыз этнография илиминин атасы, «патриархы» аталган С. Абрамзондун концепциясына туура келбеген, сыйбаган өз алдынча доклад менен чыгып жатса, 1957-ж. Ташкентте өткөн 1-Бүткүл союздук чыгыш таануучулардын конгрессине катышып кыргыз элинин маданий мурасы жана аны изилдөө боюнча докладды, 1959-ж. Дүйшөмбү шаарында өткөн Орто Азиянын археологдору менен этнографтарынын илимий кеңешмесине катышып, кыргыздардын сугат иштери жана жер иштетүүсү боюнча доклад жасаса, 1960-ж. Москвада өтүүчү Бүткүл дүйнөлүк чыгыш таануучулардын конгрессинде Кыргызстандын атынан окулуучу докладдын тарых, этнографияга байланышкан бөлүгүн жазууга М. Айтбаев тартылып жатса, конгресстин китеп көргөзмөсүнө кыргыздардын этнографиясына арналган М. Айтбаевдин эки монографиясын басып чыгаруу сунушталып жатса, бул нерселердин баары С.М. Абрамзондун тынчын албай коймок беле деп ойлойбуз. М. Айтбаев ушундай темп менен өсүп, такшала берсе, азыр эле минтип так, бак, жол талашып жатат, аны тим койсо кыргыз совет этнографиясынын башатында турган, анын киндик атасынын бири делген – С.М. Абрамзонго тиешелүү лаврдын, атак-даңктын баарын өзүнө тартып албайт деп ким кепилдик бере алат эле? Ошондой эле

окумуштуулардын көбү эле ар кыл мүнөз күтөт, алардын жеке адамдык ич ара мамилелеринде балким биз билбеген оош-кыйыштар, жаман-жакшы нерселер деле болсо керек деп ойлойбуз.

Эгерде биз жаңылып жатсак, же С.М. Абрамзондун М.Т. Айтбаевге ниети түз болсо, ага жакшылык кааласа, анда ал илимий ишин жаңыдан баштап жатканда кетирген Айтбаевдин болоор-болбос катасын, улуу устаты катары өз убагында оңдоп, булактарды пайдалануунун усулдук жагынан кеңешин айтып жардам берет эле деп ойлойбуз. «Кыялдануунун зыяны жок» (мечтать не вредно) – дешет эмеспи, мен да учкул, куру кыялымда: «Атаңгөрү, 1959-ж. М.Т. Айтбаевди Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Тарых институтунун Окумуштуулар кеңешинде, андан соң Президиумдун жыйынында жарга такап, талкалап жатканда С.М. Абрамзон жетип келип: «Ой, урматтуу кыргыз окумуштуулары, бир ачууңарды мага бергиле. Бул чатак иште менин да күнөөм бар, кара басып убагында М. Айтбаевге кол жазмалар корунда сүрсүп жаткан А. Бежковичтин «сырая записин» эч тартынбастан алып колдоно бер, керек болсо сенин эмгегиң аркылуу Бежковичтин аты чыгып, илимий чөйрөгө белгилүү болот, ал ошого ыраазы болот деп кеңешимди бердим эле. Келечекте абдан мыкты этнограф илимпоз эле эмес, бакыйган академик болуучу жаш окумуштуу М. Айтбаевдин убалына калбагыла, жаш, тажрыйбасы аз кезинде кетирген түккө да арзыбаган күнөөсүн кечирип койгула, ал мындан кийин андай иш кылбайт, ишенип койгула» – деп кыргыз этнография илими үчүн М.Т. Айтбаевди арачалап сактап калса гана атаганат деген ишке ашпас таттуу ойдун кучагында болдум. Дагы бир жөө тумандай тараган оюм: атаңгөрү, эгер ушул эки чоң этнограф ынтымак, ырашкерлүү болгондо эмне, тоону томкоруп, ойду омкоруп, кандай гана иштерди жасамак?

Ал эми иш жүзүндө баары тескерисинче болду. С.М. Абрамзондун СССРдин тоталитардык режими ХХ к. 30-ж. жүргүзгөн репрессиянын технологиясына салып, ыкмаларды колдонуп М.Т. Айтбаевди жок кылууга аракет жасаганына жогорудагы айтылып кеткен А.С. Бежковичтин доо-арызы, М.Т. Айтбаевдин түшүнүк каты буга күбө болуп саналат. Ошондой эле, С.М. Абрамзондун М.Т. Айтбаевге карата оюн, жасаган ишин, анын тагдырында ойногон ролун «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» деген эмгегинин «Хозяйственный уклад» аттуу 2-бөлүмүнүн аягындагы М. Айтбаевдин дарегине айтылган сын-пикиринен байкаса болот. Которбой эле дүңүнөн келтирели: «Изучение хозяйственного уклада киргизов до последнего времени мало продвинулось вперед,

некоторые важные стороны истории киргизского хозяйства, в особенности скотоводства и земледелия, остались по существу недостаточно или крайне слабо исследованными. Описание техники скотоводства и земледелия в работах М.Т. Айтбаева [2, 3] страдает серьезными недостатками, изобилует многочисленными неточностями. В наши дни этнографы Киргизии предприняли широкие исследования истории киргизского скотоводства и земледелия» [1: 122].

Жогоруда келтирилген шилтемеден С.М. Абрамзондун М.Т. Айтбаевге, анын эмгектерине карата оюн, мамилесин байкаса болот. Чын эле М. Айтбаевдин эмгектери ушунчалык эле жаман, деңгээли төмөн болсо, анда Саул Менделевич өзүнүн монографиясында колдонбосо керек деп ойлодум да, булактары менен тарыхнаамасын карап көрдүм. Бирок, өз көзүмө ишенбедим, текшерип карап көрсөңөр болот, Саул Менделевич жаман деп коюп эле М. Айтбаевдин жогоруда аталган эки китебин эле эмес, анын кыргыздардын тамак-ашына, аңчылыгына арнап жазган илимий макалаларын да кеңири пайдаланып, байма-бай эле шилтеме келтирип, ал тургай колдонулган булак, адабияттардын деле тизмесине киргизиптир. Айтылуу Илимдер академиясынын Президиумунун жыйынында Айтбаевге каршы Ильин аттуу инсан колдонгон ыкмага салып, биз дагы С.М. Абрамзонго собол узатат элек: мындай эки жактуулукту, же эки жүздүүлүктү кандай түшүнүүгө болот? Айла жок башынды чайкайсың да, ал кишинин абийирине коёсуң. Таба эмес тобоо, жаман-жакшыны, арам-адалдын баарын таразалаган Алла-Таала бар экен, кийин С. Абрамзон Т.У. Усубалиевдин тушунда өзү да куугунтукка тушугуп, жүдөп жүргөндө балким, убагында М.Т. Айтбаевге жасаган кыянат ишине, мамилесине уялып, өкүнгөн чыгаар деп ойлойсуң.

Ушул жерден учкай М.Т. Айтбаевдин жеке «трагедиясынын» дагы бир себеби деп анын мүнөзү, адамдык сапаттары болгон деп айтмакчыбыз жана эсептейбиз. М. Айтбаев менен чогуу иштешип калган кесиптеш, замандаш, курдаш адамдар жана балдары, туугандары менен баарлашып, сүйлөшүп ал киши тууралуу маалымат алганыбызда М.Т. Айтбаевди көп окуп, көптү билген, жогорку эрудициялуу, билимдүү, маданияттуу, куулук-шумдугу жок түз жүргөн, бетке чапма, өзүнүн оюу, принциптери бар, жетекчилерге көшөкөрлөнүп, жагынып, үч бүктөлүп жүгүнүп кошомат кылбаган, сөз ташыбаган, тигил же бул топко кошулбаган, жердешчилик оорусу менен оорубаган, тамашакөй, ачык-айрым, бала кыял, жайдары мүнөз күткөн адам катары сүрөттөп айтышты. Ал кишинин фотосүрөттөгү

келбетин деле карап көрүп бул мүнөздөмөгө ишенесиң. Бир караганда коңшу казак элинин мыкты атактуу уулу Муктар Ауэзовго коёндой окшоштугу да дароо көзгө урунат. Байкасан, сени сүрөттөн маңдайы жарык, сымбаттуу, жүзүнөн нур чачыраган, интеллигент адам бажырайып карап турат. М.Т. Айтбаевдин жубайы да кер маралдай келишкен, ар ким суктанып, тамшанган абдан сулуу аял болгонун да айтышат. Мындай таланттуу, жолдуу, жакшы мүнөз күткөн адамга сөзсүз көз да тийип, же биз сөз кылып жаткандай көрө албастыктын, ич күйдүлүктүн курмандыгына да чабылат тура.

М.Т. Айтбаевдин мүнөзү жөнүндө сөз болуп жатканда, анын бетке чапма, куулук-шумдугу жок адам экендигин айгинелеген биз байкаган бир фактыны окурман менен бөлүшө кетели деп чечтик. Ал өзүнүн түшүнүк катында да жазып, ошондой эле Президиумдун жыйынында сүйлөгөн сөзүндө: «А. Бежкович 30-ж. Кыргызстанда чогулткан материалдарын адегенде КирФАНдын Кол жазмалар фондуна өткөрүп берип, анысын кичине иштетимиш болуп кийин 1947-ж. КирФАНдын Тил, адабият жана тарых институтуна жиберет. Институттун жетекчилиги иш басууга жарабайт деп таап аны кайрадан Кол жазмалар фондуна сактоого жөнөтүшөт. А. Бежкович кол жазмасын жакшыраак оңдоп китеп кылып чыгарайын дебей эле кол жазмасына акча алгысы келген жана акчаны алып жаны тынчыган» – деп илимий эмес, материалдык кызыкчылыкты жогору койгон, меркантилдүү, абдан рационалдуу адам катары сүрөттөйт [5: 270]. Анан кантип Ильин сыяктуу адамдарды өзүнө каршы айгак кылбайт?

Эми, М.Т. Айтбаев өзүнүн үстүнөн болгон бул «сотту», оор соккуну, турмуштун сыноосун кандай кабыл алды, андан кийинки жашоосуна бул процесс кандай таасир берди деген соболго жооп издесек.

Ушул жерден учкай баса белгилеп айтып коюшубуз абзел. М.Т. Айтбаевди Илимдер академиясынын Президиумунун жыйынында эле сындырып, ооздуктап, такалап, талкалоо менен чектелип калышкан жок. Аны өлкөбүздөгү илимдин ордосу болгон – Илимдер академиясынан акыры кетирип тынышты. 1963-ж. 1-февралда Кыргыз ССР Илимдер академиясынын Президенти акад. К.Г. Каракеев, академик-секретарь В.Г. Яковлевдин буйругу менен өзү абдан көксөп, дегдеп, каалап келген академиядагы жумушунан бошонуп кеткенде М.Т. Айтбаев болгону 39 жашта болгон. Бул деген илимпоздун бардык жагынан жетилип, баралына, дем-күчкө, идеяларга карк болуп, толуп, иштесе ишке тойбогон жаш курагы да. Эң эле жаман жагы, же бул окуянын кесепетинен кыргыз этнография

илими дагы көптөгөн чоң иштерди жасап, салымын кошо турган таланттуу изилдөөчүдөн айрылды. Себеби, М.Т. Айтбаевди чоң жыйынга салып эле тепкилебестен, академиядан кетирип эле тынбастан, душмандары өмүр бою куугунтукка алып кодулашты. Ал бечара киши докторлук диссертациясын, авторефератын даярдап алып Алматыга барып жактаса, С.М. Абрамзон, К.К. Орозалиев сыяктуу кас, көрө албаган адамдардын бут тосуу аракетинен менен диссертациясы бекилбей калат. Андан кийин Армениянын борбору Ереван шаарына барып жактап ал жактан да жолу болбойт. Кайран кишинин маанайын, абалын өзүңөр баамдап, байкасаңар болот. Академиядан иштен кеткенден кийин жогорку окуу жайларында иштеп өзүн алаксытымыш болду, күйүт-муң, арманын ичкилик менен да унутканга, басканга аракет кылды.

Калыстык үчүн баса белгилеп кетмекчибиз, М.Т. Айтбаев жогоруда биз жазгандай көптөгөн кыйынчылыктар, тоскоолдуктарга, куугунтукка дуушар болсо дагы Кыргызстандын көрүнүктүү этнограф-окумуштуусу деген макам, даражага чейин өсүп, өз мээнетин, эмгеги менен жете алды. Анын калемине 1957-ж. жарык көргөн «Кыргыз жана орус элдеринин тарыхый-маданий байланыштары (Ысык-Көл облусунун материалдарынын негизинде)» жана 1962-ж. чыккан «Кыргыз айылдарындагы XIX–XX-кк. башындагы социалдык-экономикалык мамилелер» аттуу көлөмдүү монографиялар таандык. Ошону менен бирге М. Айтбаев кыргыз элинин материалдык жана руханий маданиятынын ар кыл тармактарын, мисалы, дыйканчылык, аңчылык, тери иштетүү, тамак-аш, кыргыздардын элдик билимдери, үйлөнүү, сугат иштери, ырым-жырымдары, үй-бүлө куруу, кыргыздардын келип чыгышы (этногенез), кыргыз урууларынын түзүлүшү жана жайгашышы сыяктуу маселелерге арналган илимий изилдөөлөрдү жүргүзүп, көп сандаган баалуу макалаларды жазып калтырган. Ал өзү элди, чөлкөмдөрдү аралап этнографиялык талаа экспедицияларынын мезгилинде чогулткан өтө маанилүү, илимий жактан баалуу материалдары азыркы учурда Кыргыз Республикасынын Кол жазмалар фондунда сакталып турат. Муну коомчулук эле эмес, илимий чөйрөнүн адамдары деле биле бербейт. Быйыл 2019-ж. М.Т. Айтбаевдин туулгандыгынын 95-ж. арналган республикалык илимий-практикалык конференциянын катышуучусу, жаш окумуштуу, ал киши жөнүндө, кылган иши, калтырган илимий мурастары тууралуу маалыматтарды угуп: «мен Кыргыз этнографиясынын атасы С.М. Абрамзон деп ойлочу элем, көрсө М.Т. Айтбаев турбайбы» деген оюн айтты. Балким, бул ал кишиге көтөрө

чалып мактап берилген баадыр, арийне, анын илимий киндигин кескен, жаш кезиндеги илимий насаатчысы болгон С.М. Абрамзон торой чалып, бут тозуп, илим менен алектенүүсүнө жолтоо болбогондо, Илимдер академиясынын, Тарых институтунун жетекчилери моралдык колдоо көрсөткөндө М.Т. Айтбаевдин тагдыры башкача болуп, кыргыз этнография илиминин чыныгы атасы болот беле?

Арийне, кеп чынынан бузулбайт, М.Т. Айтбаев Кыргызстандын этнография илиминин өнүгүшүнө өзүнүн бараандуу салымын кошкон, артында эскерүүгө татыктуу илимий мурастарын калтырып кеткен көрүнүктүү илимпоз-этнограф деп баа берсек жарашчуудай. М.Т. Айтбаев илимий иштер менен гана чектелбестен, билимин, энергиясын жогорку окуу жайларынын студенттерине билим жана тарбия берүүгө арнагандыгын да баса белгилеп айта кетүүгө арзыйт.

Кыргыздын белгилүү этнографтарынын бири – Мукаш Токтокожоевич Айтбаев 1978-ж. 8-августта 54 жашында Фрунзе шаарында дүйнөдөн кайткан. Ал жубайы – Асылкан Молдокуловна Жумагулова (1928-ж. туулуп, 1996-ж. каза болгон) менен эки уул, бир кыздуу болушуп, тарбиялап өстүрүштү. 1952-ж. туулган тун уулу Темир Мукашевич Айтбаев Ташкент мамлекеттик университетинин биология-жер кыртышын изилдөө факультетин аяктап, атасынын жолун улантып, пенсияга чыкканча Кыргызгипрозем (Кыргызский проектный институт по землеустройству), Кыргыз Республикасынын Айыл чарба, тамак-аш өнөр жайы жана мелиорация министрлигине караштуу Жер иштетүү институтунда (Институт земледелия) лаборатория башчысы болуп иштеген. 1955-ж. туулган кызы – Индира Мукашевна Айтбаева, Кыргыз улуттук университетинин тарых, андан кийин юридика факультеттерин аяктап, сот системасында иштеп жүрүп ардактуу эс алууга чыккан. Кичүү уулу 1957-ж. туулган Болот Мукашевич Айтбаев КУУнун экономика факультетинде окуган, 2002-ж. каза болгон.

Эми М.Т. Айтбаевге арналган макалабызды аяктап жатып «Эр эмгегин жер жебейт», «Эч ким, эч нерсе унутулбайт» демекчи, 2019-ж. 18-декабрда Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясында Б. Жамгырчинов атындагы Тарых, археология жана этнология институту тарабынан, Ж. Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети, К. Карасаев атындагы Бишкек мамлекеттик университеттеринин колдоосу менен «Мукаш Айтбаев – илимге арналган өмүр» аталышындагы республикалык деңгээлдеги илимий-

практикалык конференция өткөрүлгөнүн кубануу жана шыктануу сезими менен кабарламакчыбыз. Кыргызстандын белгилүү этнографтарынын бири – М.Т. Айтбаевдин туулгандыгынын 95-жылдыгына арналып өткөрүлгөн бул конференцияга окумуштуулар, жогорку окуу жайларынын окутуучулары, студенттер менен Т. Айтбаевдин балдары, туугандары келип катышты. Аталган конференция олуттуу эч бир негизи, себеби жок эле куугунтукка алынып, көрө албастыктын курмандыгына чалынып, унуткарылып, аты чыкпай калган чыгаан окумуштуу этнографты эскерип, анын илимге кошкон салымын, ордун аныктап, тактап, белгилеп коомчулукка жарыялап, таанытып, эгер зарылчылык болсо анын атын реабилитациялоого багытталган иш-чараларынын саамалыгы, башталышы болду десек эч жаңылышпайбыз. Конференция кабыл алган жыйынтыктоочу документте (резолюцияда) бул багытта жүргүзүлүүчү иш-чаралар, формалары аныкталып, анын орчундуу бир пункту катары М.Т. Айтбаевдин мурда көзү тирүүсүндө жарык көргөн монография, макалаларын жана Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын Кол жазмалар фондунда сакталып турган, жарык көрө элек макалаларын, ошондой эле этнографиялык талаа экспедициялардын учурунда эл арасынан чогулткан кыргыз элинин баалуу руханий жана материалдык маданиятына байланышкан, тиешеси бар кол жазма түрүндөгү материалдарды топтоп, иргеп, редакциялап чогуусу менен өзүнчө бир жыйнак китеп кылып басмаканадан чыгаруу милдети коюлду. Бул ардактуу милдетти Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын Б. Жамгырчинов атындагы Тарых, археология жана этнология институтунун «Этнология» бөлүмү иш жүзүнө ашырмай болду. Бул да болсо символикалуу көрүнүш болуп эсептелет, себеби, академик Б. Жамгырчинов убагында М.Т. Айтбаевди көрө албаган душмандарынан коргоп, аны аяп, илим үчүн сактап калганга аракет кылып, анысынан майнап чыгара албаса да, эми минтип анын ысымын алып жүргөн Тарых институту ал асыл кишинин, бийик адамгерчиликтүү, чыгаан окумуштуунун адилеттүү ишин символикалык түрдө улантып, М. Айтбаевдин атын тазалап, акыйкаттыкты орнотконго аракеттерин дагы да болсо жасай бермекчи.

Орус элинин улуу тарыхчыларынын бири В.О. Ключевскийдин: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» деген учкул сөзү бар. Бул ылакап сөздү келтиргенибиздин себеби, идеалдуу, төрт

тарабы төп келген кемчилик кетирбеген адам жаратылышта болбойт. Анын сыңары М.Т. Айтбаев эч кемчилиги жок, идеалдуу адам, окумуштуу болгон дегенден алыспыз. Ал кемчилик, ката кетирди, бирок алган жазасы чектен тыш катуу, катаал, оор болду. Ал жашап, эмгектенген мезгилдеги система, окумуштууларга карата болгон саясат, мамиле, окумуштуулардын ич ара мамилеси ката кетирген адамды сындабай эле сындырды, үмүтүн, тилегин өчүрдү.

Биз, азыркы мезгилде жашап жаткан адамдар ошол кемчиликтерден, өткөн окуялардан сабак алабызбы, же жокпу? Маселе ошондо болуп саналат. Албетте, илимдеги кетирилип жаткан кемчиликтерге каршы күрөшүш керек, бирок, биз изилдеп, баян кылгандай илимий сынды адамды сындырып, тагдырына балта чапкан адилетсиз окуяга, «сот процессине» айландырган адамгерчиликсиз, мерез кыянаттуу жоруктар болбошу керек, же мүмкүн болушунча азыраак болушу абзел. «Айтсаң тилиң күйөт, айпасаң жан-дүйнөң күйөт» дегендей бул окуяны ачыкка чыгарып айтууну эп көрдүк. Анткени биз «Керегем сага айтам, келиним сен ук» демекчи бул окуядан сабак алышыбыз жана келечекте мындай нерселерди болтурбоого аракет кылышыбыз абзел. Ошондой эле, ак жеринен күйгөн, системанын, бюрократиянын, адилетсиз, кербез жетекчилердин куугунтугунан, жанындагы чогуу иштеген кишинин жетишкендиктерин, ийгиликтерин көрө албаган пас, кайдыгер кесиптештеринин мамилесинен жабыркаган, запкы жеген, аянычтуу тагдырга тушуккан жаран, жердеш, замандаш, кесиптештерибизге кол сунуп, жардамга барууга да даяр болушубуз керек, бул болсо тирүүлөрдүн парзы болуп эсептелет. Макаланы минтип аяктаганымдын себеби: М.Т. Айтбаевдин туулгандыгынын 95-ж. арналган конференцияны уюштуруп өткөрүп жатканда: «ал эмне сенин тууганыңбы, же жакыныңбы?» деген суроолордун мага көп жолу берилгени болду. Ушундай эле ойлор ушул макаланы окуганда деле айрым бир окурмандарда пайда болоор? Калыс сөздү айтуу, бирөөгө жакшылык жасоо үчүн сөзсүз эле жабыркаган кишинин тууганы, жакыны болуу шарт эмес деп ойлойм.

Адабият:

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
2. *Айтбаев М.Т.* Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе, 1962.
3. *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX – начале XX вв. Фрунзе, 1962.

4. Академическая наука Киргизстана. История и проблемы. Фрунзе: Илим, 1990.
5. Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. №196: Протоколы заседаний Президиума Академии наук Киргизской ССР за 1959 г.
6. Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. №1516: Личное дело старшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии Института истории Академии наук Киргизской ССР Айтбаева М.Т.
7. *Байджиев М.Т.* Ташим Байджиев. Бишкек: 2004. 304 с.
8. *Бектенов З.* Мой друг Ташим // Советтик Кыргызстан. 1989. 30 декабрь.
9. *Мамыров М.М.* // Кыргызстан маданияты. 1991. 30 май.
10. *Шертобитов В.П., Орозалиев К.К., Винник Д.Ф.* Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918–1960 гг.). Фрунзе, 1961.

Жеенкулова Л. Дж.

Развитие этнографической науки в Кыргызстане в 20–30 годы XX в.

Ключевые слова: Кыргызстан, этнографическая наука, развитие, культура, обычаи, традиции, быт, хозяйственный уклад, социальные отношения.

Аннотация. Исследуется развитие этнографической науки в Киргизии в первые годы советской власти. Проводилось много полевых экспедиций, началась подготовка национальных кадров этнографов. Издавались научные труды, содержащие ценные этнографические материалы по социальным отношениям, семейному укладу, быту, верованиям, народному творчеству киргизов. В исследованиях ученых наблюдается более глубокий подход к изучаемым явлениям.

XX к. 20–30-жж. Кыргызстанда этнография илиминин өнүгүүсү

Негизги сөздөр: Кыргызстан, этнография илими, өнүгүү, маданият, үрп-адат, каада-салт, жашоо мүнөзү, экономикалык түзүлүш, коомдук мамилелер.

Аннотация. Аталган макалада Совет бийлигинин алгачкы жылдарында Кыргызстанда этнографиялык илимдин өнүгүшү изилденген. Бул мезгилде көптөгөн талаа экспедициялары жүргүзүлүп, улуттук этнографтарды даярдоо иштери башталган. Натыйжада Кыргыздардын коомдук мамилелери, үй-бүлөлүк турмушу, ишенимдери, элдик искусствосу боюнча баалуу этнографиялык материалдарды камтыган илимий эмгектер жарык көргөн. Окумуштуулар каралып жаткан маселелерди ар тараптуу, терең изилдөөгө аракет жасашкан.

Development of ethnographic science in Kyrgyzstan in the 20–30s of the XX century

Key words: Kyrgyzstan, ethnographic science, development, culture, customs, traditions, way of life, economic structure, social relations.

Annotation. Kyrgyzstan, ethnographic science, development, culture, customs, traditions, way of life, economic structure, social relations.

Annotation. The development of ethnographic science in Kyrgyzstan in the first years of Soviet power is investigated. Many field expeditions were conducted, and the training of national ethnographers began. Scientific works containing valuable ethnographic materials on social relations, family way of life, beliefs, folk art of the Kyrgyz were published. In the research of scientists, there is a deeper approach to the phenomena being studied.

Еще в дореволюционное время Киргизия, как объект этнографического изучения, привлекала к себе внимание путешественников, купцов, чиновников разных рангов и т.д. Однако в большинстве своём этнографические материалы собирались малоподготовленными людьми, лишёнными возможности производить систематические наблюдения. В связи с этим эти наблюдения носили преимущественно поверхностный характер, изобиловали общими описаниями, фиксировали отрывочные, изолированные факты. Они не давали отчётливой картины, и не могли служить фундаментом для научных выводов. Таким образом, имеющиеся в дореволюционной историографии этнографические сведения, касающиеся киргизов, не находятся на необходимом научном уровне с точки зрения качества и методов описания. Дореволюционный период в этнографическом изучении Киргизии надо рассматривать как период накопления фактов.

Лишь сравнительно небольшое число трудов некоторых учёных и объективных наблюдателей является исключением. Они заложили основы для дальнейших этнографических исследований киргизского народа. В их числе следует отметить казахского учёного Ч. Валиханова, академика В.В. Радлова, русского путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского, Г.С. Загряжского, А.Н. Аристова и др.

Их работы опубликованы преимущественно в различных периодических изданиях, часто в виде небольших статей и заметок, содержащих немало полезных сведений и фактов, которые могут и должны быть учтены при более углублённой разработке отдельных этнографических проблем. Однако весь этот материал в целом не даёт объективной картины общего уклада киргизов и других народов, проживающих на территории Киргизии. Многие стороны народной жизни остались неосвещёнными или освещёнными в недостаточной степени.

Ситуация изменилась после установления советской власти. В 20–30 годы XX в. исследовательская работа в области этнографии Киргизии приобретает широкий размах. В ней объединяются усилия научных учреждений Москвы, Ленинграда, Ташкента и деятельность,

возникших в Киргизии, научных ячеек. Этнографы уже не ограничиваются наблюдениями и простой фиксацией фактов, они идут по пути их обобщения и истолкования. Их исследования характеризуются более глубоким подходом к изучаемым явлениям, в особенности при анализе социальных отношений у киргизов [1: 18].

Известными историками и этнологами (П.И. Кушнер, В.Н. Дублицкий, Ф.А. Фиельструп, Н.П. Дыренкова, С.М. Абрамзон и др.) были начаты полевые исследования, которые в основном выполнялись по заказу советских государственных органов управления. С созданием республиканской Академии наук развитие этнографической науки включало в себя подготовку национальных кадров этнографов, сбор полевых этнографических материалов, создание научных трудов, формирование музейного фонда. При этом координирующая роль принадлежала, как правило, центральным научным учреждениям.

Одним из первых этнографические исследования в Киргизии начал научный сотрудник этнографического отдела Государственного русского музея в Ленинграде (ныне Государственный музей этнографии народов СССР) Ф.А. Фиельструп.

В 1924–1925 и последующие годы он совершает поездки в районы горной Киргизии, где подробно исследует разные стороны материальной культуры, общественных отношений киргизов. Ф.А. Фиельструп посетил некоторые районы Тянь-Шаня (оз. Сон-Куль и Иссык-Куль, долины рек Большой Кемин, Суусамыр, Кокомерен, Джумгал, Кара-Кужур и др.) и частично Ферганскую долину. Им собраны материалы по жилищу, одежде, пище, средствам передвижения, скотоводству и охоте с ловчими птицами, по свадьбе, общественным развлечениям, составлены родословные таблицы, записаны обряды, связанные со смертью и поминками и т.д. Кроме этого, им собраны ценные коллекции для музея, характеризующие материальную жизнь киргизского народа.

К сожалению, многие собранные материалы из-за преждевременной кончины автора остались неопубликованными. Из опубликованных работ непосредственно по этнографии Киргизии имеется одна статья «Исследования среди кара-киргиз» в книге «Этнографические экспедиции 1924–1925 гг.» [9]. В ней содержится общий обзор, впечатления об увиденном.

В 1924 г., по словам автора, свой маршрут он прошел, начиная от Пишпека, через перевал Шамшы до Сон-Куля. Оттуда была совершена экскурсия к началу долины р. Арпы, потом следовал г. Каракол, вверх по р. Нарын, далее через перевал Джалалабад и Тосор

– по южному берегу Иссык-Куля. Здесь были две экскурсии по рекам Тюп и Джергалан. Обратный путь в Пишпек прошел вдоль северного берега Иссык-Куля.

В 1925 г. Фиельструп посетил долину р. Большой Кемин. Потом через перевал Сокулук вышел к рекам Каракол, Суусамыр, Кокомерен, Джумгал. Оттуда – на плоскогорье Терскей Сандык и затем по р. Кочкор добрался до ст. Рыбачье. С Рыбачьего он двинулся через перевал Конур-Олон в долину Кара-Кужур, Сон-Куль к ферганской границе и далее вышел прямо на г. Андижан.

По словам автора, его экспедиция преследовала несколько целей: этнографическое исследование населения; сбор коллекций для музея; попутная рекогносцировка или разведка археологических памятников. Он отмечает, что несмотря на то, что киргизы давно заселили Западный Тянь-Шань, и горы, в известной мере, охраняли их от культурного влияния соседей, изоляция, разумеется, была неполной и их быт не сохранил в неприкосновенности свой оригинальный облик. Автор отмечает разницу в жизни западных (южных) и восточных (северных) киргизов. Например, он пишет о производстве ковров на юге Киргизии, тогда как на севере с ним были совершенно не знакомы, отмечает различия в головных уборах замужних женщин.

Фиельструп, согласно опросам местного населения, утверждает, что ближайшей по времени родиной всех киргизов является юг Киргизии. Оттуда пришел родоначальник семиреченских киргизов Тагай, там (на юге) остался его брат, потомками которого являются все западные киргизы. Также он отмечает черты сходства в материальной культуре киргизов и племен саяно-алтайской группы. Кроме этого, он собрал предметы, отражающие быт и культуру киргизского народа, вел регистрацию памятников старины, отмечая, где стояли каменные бабы и погребения различных типов.

Проблемой родового деления киргизов в этот период занимался В.Н. Дублицкий. Он издал в 1925 г. в г. Алма-Ате книгу под названием «Родословная таблица кара-киргиз, проживающих в Джетисууйской области, и краткая их история» [3].

Вторая половина 1920-х годов характеризовалась активной экспедиционно-собирающей деятельностью. Эти экспедиции проходили в разных районах Киргизии и не преследовали самостоятельных этнографических целей. Они проводили социологические и социально-экономические исследования. Но ими собраны и опубликованы ценные данные, имеющие прямое отношение к

этнографии. Среди них должны быть особо выделены исследования П.И. Кушнера, П. Погорельского и В. Батракова.

В 1925 г. по поручению Научно-исследовательской ассоциации по изучению национально-колониальных проблем (НИАНКП) П.И. Кушнер ездил в горные районы Киргизии и изучал проблему общественных отношений и хозяйственный уклад киргизов. По результатам исследования опубликовал две работы [5]. Исследуя социальные отношения в горных районах Таласской и Суусамырской долин, он приходит к выводу о том, что родового строя в отсталых районах Киргизии больше не существует, хотя родовые обычаи ещё сохранились. В его работе затрагиваются многие сферы жизни киргизов: хозяйство, брак и семья, социально-классовая структура. Особое внимание уделяется происхождению, сущности манапства, даются практические рекомендации по его искоренению.

В 1926 г. совершают экспедицию в долину Арча (Тянь-Шань) практиканты Музея антропологии и этнографии АН СССР Н.П. Дыренкова и И.Д. Старынкевич. Помимо коллекций для музея Н.П. Дыренковой был собран богатый материал по семейно-брачным отношениям у киргизов, на основе которого она опубликовала статью «Брак, термины родства и психические запреты у киргизов» [4].

В 1927 г. по поручению правительства Киргизии, с целью изучения социально-экономических отношений киргизов была организована крупная экспедиция на Тянь-Шань под руководством П. Погорельского, которая исследовала кочевые скотоводческие хозяйства, расположенные в бассейнах рек Суусамыр и Джумгал.

По результатам работы экспедиции П. Погорельским и В. Батраковым была опубликована книга «Экономика кочевого аула Киргизстана» [6]. Она представляет значительный интерес, ибо в ней подробно рассматривается социально-политический уклад киргизов в прошлом и настоящем, ряд обычаев и традиций. Работа в целом характеризует общественно-экономические отношения киргизов. Подробно исследуется хозяйство – скотоводство и землепользование. Материалом для анализа социально-экономического хозяйства послужили статистические исследования бывшего переселенческого управления, проведенные в целях выяснения излишков земельной площади у киргизов в 1909–1913 гг.

Анализируя материалы переселенческого управления, Погорельский и Батраков пришли к выводу, что «процесс расслоения уже к 1913 г. зашёл глубоко. Образовались группы хозяйств, сосредоточивающие у себя имущество, превращаемое, по-видимому, в капитал, а,

с другой стороны, противоположные группы, ничего не имеющие предложить на рынок, кроме своей рабочей силы», то есть капитализм проникает в кочевое хозяйство.

В книге имеются упоминания об одежде киргизов, уделяется внимание положению киргизских женщин, рассматриваются отдельные обычаи народов Средней Азии, освещаются семейные отношения, в том числе многоженство. В целом, имеется много интересного материала этнографического характера.

В изучаемый период на территории Киргизии были обследованы три волости: Быстрореченская в Чуйской долине, Загорная в Нарыне (Тянь-Шань) и Араванская в Ферганской долине. В результате этого обследования опубликованы такие серии, как «Современный аул Средней Азии» [7] и «Современный кишлак Средней Азии» (социально-экономические очерки) [8]. VII выпуск этой серии посвящен Араванской волости, VIII – Быстрореченской, X выпуск – Загорной. Эти социально-экономические очерки включают характеристику экономического быта киргизов, краткое описание некоторых домашних промыслов, техники скотоводства и земледелия и т.д. Они были опубликованы в Ташкенте в 1926–1927 гг.

В середине 20-х годов начинается научная деятельность С.М. Абрамзона. Будучи ещё студентом в 1925 г. он начал изучать быт и культуру киргизского народа. В 1927 г. во Фрунзе появился музей краеведения и С.М. Абрамзон стал его руководителем. С самого начала он выступал как пропагандист и агитатор краеведческой работы в Киргизии и опубликовал несколько статей по краеведению в местных и центральных журналах [1].

С целью исследования эволюции манапства после присоединения Киргизии к России, в начале 30-х годов была организована экспедиция Музея краеведения Киргизской АССР в долину реки Кемин. В результате был собран значительный материал, на основе которого научным руководителем экспедиции С.М. Абрамзоном был опубликован в газете «Советская Киргизия» ряд статей, посвящённых манапству. Статьи носят популярный исторический характер, однако в них содержатся этнографические материалы. Он, например, упоминает такой киргизский обычай, как наследование жены умершего одним из его братьев, рассматривает национальные игры (кунан чабыш, чон-чабыш, сайыш, джамбы атыш и др.), описывает традиции вступления на ханский престол Ормона.

В 1927 г. краеведческий музей организовал этнографическую экспедицию в Алайскую долину с целью изучения этнических особен-

ностей алайских киргизов и их этнокультурных связей с узбеками и таджиками. По материалам этой экспедиции С.М. Абрамзон опубликовал цикл статей под общим названием «Алайские киргизы» в журнале «Жаны маданият жолунда» [1]. В них даётся общая характеристика алайских киргизов, рассматриваются их орудия труда, одежда, пища, жилище, средства передвижения. Помимо этого, экспедиция собрала этнографические коллекции для краеведческого музея.

В 1928 г. С.А. Абрамзон побывал в Суусамырской долине с целью изучения киргизских бытовых традиций, рецептов народной медицины и религиозных верований, главным образом, пережитков шаманизма.

В 1938–1939 гг. из Института этнографии АН СССР в Иссык-Кульскую область был направлен О.И. Иванов-Шацкий, в Ошскую – А.Н. Кандауров, которые собирали материалы по быту и культуре киргизов для издания книги «Народы СССР».

Богатейший материал по быту и культуре киргизского народа содержится в фундаментальной работе «Русско-киргизский словарь», составленный К.К. Юдахиным [11].

Собиратели киргизского фольклора, лингвисты и филологи собрали бесценные этнографические материалы по трудовым, обрядовым и бытовым песням, а также записали многочисленные заговоры, шаманские заклинания, мифы, легенды, родословные, сведения о хозяйстве, быте и творчестве киргизов.

В 30-е годы предпринимались исследования и по изучению изобразительного искусства киргизов. В статье С.Н. Чепелева «Киргизское народное изобразительное творчество» [10] в искусствоведческом аспекте анализируются различные типы киргизского орнамента. В книге В. Вомма «Очерки истории изобразительного искусства Киргизской ССР» [2] обстоятельно и глубоко анализируется техника народных художественных промыслов, стиль орнамента и идейное содержание произведений народного творчества.

Остановившись на изобразительном искусстве киргизов, С.М. Абрамзон писал: «...изыществом и богатством форм, четкостью рисунка, высокой культурой цвета отмечено развитое у киргизов изобразительное искусство...», «представленное ковроделием, изготовлением разных типов узорчатых войлоков, вышивкой, тиснением по коже, резьбой по дереву, художественной обработкой металла» [1].

Таким образом, в 20–30 годы прошлого столетия в этнографической науке Кыргызстана исследования проводились в основном в таких сферах, как общественные и семейно-брачные

отношения, верования, народное киргизское творчество. Остальным сторонам этнографического исследования уделялось недостаточное внимание.

Особо следует отметить выдающегося ученого С.М. Абрамзона, труд которого «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» [1] является одной из лучших работ советской этнографической науки. Проводились исследования и по другим народам, проживающим в Киргизии, однако они носили фрагментарный, отрывочный характер. В целом, в советский период были созданы условия для дальнейших этнографических исследований.

Литература:

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990; *его же.* Краеведение в Киргизстане // *Жаны маданият жолунда.* 1928. №1; *его же.* Алайские киргизы // *Жаны маданият жолунда.* 1928–1929 гг.; *его же.* Краеведение в Киргизии // *Известия Центрального бюро краеведения РСФСР (Москва).* 1928, № 5.
2. *Вомм В.* Очерки истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М.-Л., 1941.
3. *Дублицкий В.Н.* Родословная таблица кара-киргиз, проживающих в Джетисуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1925.
4. *Дыренкова Н.П.* Брак, термины родства и психические запреты у киргизов // *Сборник этнографических материалов.* 1927. № 2.
5. *Кушнер П.И.* Горная Киргизия // *Социологическая разведка.* М., 1927; *его же.* Монашество в горной Киргизии // *Революционный Восток.* 1927. № 2.
6. *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
7. *Современный аул Средней Азии (социально-экономические очерки).* Ташкент, 1926.
8. *Современный кишлак Средней Азии (социально-экономические очерки).* Ташкент, 1927.
9. *Фиельструп Ф.А.* Исследования среди кара-киргиз // *Этнографические экспедиции 1924–1925 гг.* Л., 1926.
10. *Чепелев С.Н.* Киргизское народное изобразительное творчество // *Искусство.* 1939. №5.
11. *Юдахин К.К.* Русско-киргизский словарь. М., 1940.

ТАРЫХНААМЕ ИСТОРИОГРАФИЯ

Сабилов Р.К., Халматов К.А.

Кыргыз-кытай байланыштарын изилдөөнүн тарыхнаамеси

Негизги сөздөр: КЭРСы, тышкы саясат, дипломатия, СУАР, Борбордук Азия, ШКУ, аймактык уюмдар, чек ара, глобалдашуу.

Аннотация. Бул макалада кыргыз-кытай өз ара мамилелеринин тарыхнаамесинин кээ бир проблемалары изилденет. Эки тараптуу мамилелерге тиешелүү маселелер боюнча түрдүү окумуштуулардын пикирлери анализденет. Авторлор аталган проблеманы объективдүү изилдөө үчүн, постсоветтик, алыскы чет өлкөлүк окумуштуулардын эмгектерин пайдаланышты. Аталган эмгек окурмандарды кыргыз-кытай мамилелеринин калыптануу жана өнүгүү процессин терең түшүнүүгө мүмкүндүк берет.

Историография кыргызско-китайских отношений

Ключевые слова: КНР, отношения, внешняя политика, дипломатия, СУАР, Центральная Азия, ШОС, региональная организация, граница, глобализация.

Аннотация. В данной статье исследуются некоторые проблемы историографии кыргызско-китайских взаимоотношений. Анализируются мнения разных ученых по вопросам двусторонних отношений. Авторы, чтобы объективно исследовать данную проблему, использовали монографии многих ученых постсоветского пространства, а также дальнего зарубежья. Данная работа позволит читателям понять эволюцию и общий ход развития кыргызско-китайских отношений.

Historiography of Kyrgyz-Chinese relations

Key words: PRC, relations, foreign policy, diplomacy, XUAR, Central Asia, SCO, regional organization, border, globalization.

Annotation. This article examines some problems of historiography of Kyrgyz-Chinese relations. The opinions of various scientists on the issues of bilateral relations are analyzed. In order to objectively investigate this problem, the authors used the monographs of many scientists from the post-Soviet space, as well as from abroad. This work will allow readers to understand the evolution and general course of development of Kyrgyz-Chinese relations.

1991-жылы Кыргызстан көз карандысыздыкка жеткенден баштап Кытай Эл Республикасы анын тышкы саясатында эң маанилүү мамлекеттердин бири болуп калды. Биздин республика өзүнүн тышкы саясатында тынчтыкта өнүгүү багытын колдоо, коңшулары менен ынак жашоо, достукту бекемдөө принциптерин негизги орунга койгон. Азыркы учурдагы орчундуу саясий жана экономикалык реформалар жүргүзүлүп жаткан шартта өз ара пайдалуу кызматташтыкка умтулуу эки тарап үчүн да өзгөчө мааниге ээ. Кытайдын экономиканы реформалоо багытындагы ири тажрыйбасы биздин өлкөнү кызыктырбай койбойт. КЭРнын жетекчилиги Кыргызстанга ар тараптан жардам берип эле чектелбестен, эки тараптуу байланыштардын бардык тармактарында тең укуктуу кызматташтыкты өнүктүрүүгө аракет жасоодо.

КЭР бүгүнкү күндө экономикалык жактан өтө тез өнүгүп жаткан өлкө, ошондуктан ал башка мамлекеттер менен саясий жана экономикалык байланыштарды күчөтүүгө муктаж. Азыркы глобалдашуу мезгилдеги Кытай үчүн дүйнөнүн түрдүү аймактарында өзүнүн саясий жана экономикалык таасирин күчөтүү эң зарыл шарт болуп калды.

Глобалдашуу шартында эл аралык системадагы Кытайдын орду жана ролу өтө чоң. Ал аймактык кызматташуу уюмдарынын алкагында өзүнө чектеш мамлекеттер, анын ичинде Кыргызстан менен да байланыштарды бекемдөөдө. Кытай ядролук державалардын бири жана дүйнөдө калктын саны боюнча жана жыш жайгашуусу боюнча да биринчи орунда турат. Бирок, анын азыркы мезгилдеги негизги өзгөчөлүгү – экономикадагы эң ири жетишкендиги эсептелинет. Кыргызстан үчүн КЭР өзгөчө мааниге ээ өнөктөш өлкө. Анткени ал алыскы чет өлкөлөрдүн ичинен биздин республика менен чектеш жападан жалгыз мамлекет.

Кытай менен болгон туруктуу достук мамилелерин өнүктүрүү Кыргызстандын коопсуздугун камсыз кылууга, Түштүк жана Чыгыш багыттарында байланыш системаларын өнүктүрүүгө, өз ара ыңгайлуу соода-экономикалык кызматташтыкты бекемдөөгө ири мүмкүнчүлүктөрдү ачат.

КЭР акырындык менен Кыргызстандын саясий жана соода-экономикалык өнөктөштөрүнүн эң ирилерине айланууда. Анткени, Кытайда жүрүп жаткан социалдык-экономикалык жана саясий реформалар Кыргызстанга жана бүтүндөй Борбордук Азия аймагынын туруктуулугуна жана коопсуздугуна өтө күчтүү таасир тийгизет. Эки

өлкөнүн ортосунда ишке ашырылып жаткан биргелешкен долбоорлор коңшу өлкөлөрдү жакындаштырып эле тим болбостон, алардын экономикасынын өнүгүшүнө белгилүү бир деңгээлде салым кошуп жатат.

Кытай өзүнүн аймагы, калкынын саны, экономикалык жана аскердик кубаттуулугу боюнча кескин түрдө айырмалангандыгына карабастан Кыргызстан менен өз ара пайдалуу нуктагы эки тараптуу мамилелерди өнүктүрүүгө кызыкдар болууда.

Кыргызстандын Кытай менен кызматташуусу ар тараптуу ишке ашырылууда. Топтолгон тажрыйбаны ар тараптан үйрөнүү илимий жана практикалык кызыгууну пайда кылат. Акыркы мезгилдеги кыргыз-кытай мамилелеринин жандана башташы эки тараптуу мамилелердин тарыхына болгон кызыгууну күчөтөт. Кыргыз-кытай мамилелеринин өнүгүүсүн изилдөө, Азия континентиндеги эл аралык саясатты терең изилдөөгө мүмкүндүк берет.

XX–XXI кк. чегинде КМШнын, анын ичинде Кыргызстандын тарыхнаамесинде жаңы материалдар жарык көрүп, ал теориялык-методологиялык жактан толуктана баштаган. Анда жаңы илимий түшүнүктөр, категориялар илимий айлампага киргизилип, бул боюнча бир катар эмгектер пайда болду.

Кыргызстан менен Кытайдын өз ара мамилелери боюнча материалдар эл аралык саясат таануучулардын, саясат боюнча адистердин, экономисттердин, тарыхчылардын эмгектеринде чагылдырыла баштаган.

Ата мекендик жана чет элдик тарыхнаамеде XX к. аягы XXI к. баш чениндеги Кыргызстан менен Кытайдын ортосундагы эки тараптуу байланыштарга арналган атайын изилдөөлөр саналуу гана болгон. Тескерисинче, саясат таануу, экономика жана маданият жаатындагы Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы мамилелер боюнча материалдар Советтик, Россиялык, ата-мекендик жана чет элдик тарыхнаамеде кеңири изилденген.

Аталган проблеманы изилдөөдө XX к. 30-90-жж. жана XXI к. баш ченинде эл аралык мамилелердин, андан сырткары дипломатиянын тарыхы боюнча жарыяланган жалпы эмгектерге өзгөчө көңүл буруу зарыл [8; 35].

2000-жылдын башталышында глобалдашуу проблемасына жана анын азыркы эл аралык байланыштарга тийгизген таасири боюнча бир катар эмгектер жарыяланган.

Постсоветтик мейкиндикте эл аралык мамилелердин теориясын изилдөө процесси калыптануу жана өнүгүү этабында турганына

карабай акыркы учурда россиялык ири изилдөөчүлөр тарабынан бир катар эмгектер жарыяланды. Бул изилдөөлөрдүн негизинде КЭР менен Кыргызстандын өз ара мамилелерин теориялык жактан аныктоого мүмкүнчүлүк түзүлдү. Эл аралык мамилелердин теориясы боюнча иштеп жаткан изилдөөчүлөрдүн ичинен А.Д. Богатуров, П.А. Цыганков, М.М. Лебедев, Г.Н. Новиков, А.А. Свешниковдорду өзгөчө белгилеп кетсе болот [9; 10; 20; 23; 26; 30]. Чет элдик теоретиктер З. Бауман, С. Амин, С. Хантингтондордун эмгектери да бул эмгекти жазууда чоң көмөк көргөздү [3; 4; 36].

КЭРнын соңку жаңы тарыхындагы тышкы саясат боюнча эмгектерди да советтик жана постсоветтик деп экиге болсө болот. Совет мезгилиндеги изилдөөдө белгилүү окумуштуулар М.И. Сладковский, А.В. Меликсетов, О.Б. Борисов, Е.П. Бажановдордун эмгектерин атаса болот [6; 11; 24; 31]. Бирок фактылык жана аналитикалык планда алып караганда, бул эмгектер идеологиялык мүнөзгө ээ болуп, совет-кытай таймашуу мезгилинде жазылып, бир беткей мүнөзгө ээ болуп калган. Ошого ылайык, бул эмгектердеги жыйынтыктар алдын ала саясий кырдаалды эске алуу менен жасалган. Бирок, советтик кытай таануучулардын КЭРгы болуп жаткан процесстер боюнча изилдөөлөрүн толук жокко чыгаруу мүмкүн эмес, тескерисинче алардын бул багытта жасаган ири салымдарын өзгөчө белгилеп кетүү зарыл.

1990-жылдары Россияда КЭРнын тышкы саясатын изилдөө процессинде терең өзгөрүү болуп өткөн. Бул учурда мурун уруксат берилбеген белгисиз архивдик булактардан пайдалануу мүмкүнчүлүгү түзүлөт. Алардын арасынан В.Г. Гельбрас, В.С. Мясникова, В.Я. Порякова, А.В. Меликсетов, А.Д. Воскресенскийдин изилдөөлөрүн өзгөчө белгилеп кетүү зарыл [12; 13; 24; 25; 29].

2000-жылдардын баш ченинде россия-кытай байланыштарына арналган бир катар монографиялар Россияда жарык көргөн [12; 19; 29]. Анда XX–XXI кылым чегиндеги Россия-Кытай мамилелеринин түрдүү проблемалары жана жактары изилдөөлөрдүн чордонунда турган. Аларда экономикалык өз ара байланыштардын өзгөчөлүктөрү ачып көргөзүлүп, эки өлкөнүн чек ара проблемалары иликтөөгө алынып, Россиянын Тынч океан аймактарынын Кытайдын жана Россия саясатындагы орду жана ролу ж.б. проблемаларга (иликтөөгө алынган) илимий иштерге терең баа берилген.

Акыркы жылдары Россиялык окумуштуулар тарабынан Кытайдын Борбордук Азия аймагы менен болгон кызматташуусунун

түрдүү жактары иликтөөгө алынып [16; 22; 28; 33], бир катар эмгектер жана илимий макалалар жарык көргөн.

Казакстандык окумуштуу К.Л. Сыроежкиндин эмгеги өзүнө көңүл бурууну талап кылат [32]. Анда кытай жетекчилигинин тышкы саясаты боюнча жалпы проблемалары жана Кытайдын Коопсуздук стратегиясы иликтөөгө алынган.

Изилденип жаткан проблема боюнча КЭРнын Борбордук Азия менен болгон өз ара байланыштары жөнүндө кытай окумуштууларынын изилдөөлөрүн өзгөчө белгилеп кетүү зарыл. Мисалы, Бао Инин макаласында КЭРнын Борбордук Азиядагы стратегиялык кызыкчылыгы, өз ара кызматташуусунун негизги принциптери жана жолдору, андан сырткары, кызматташуунун өнүгүшүнө терс таасир тийгизип жаткан факторлор так иликтөөгө алынган [5].

Ли Лифань жана Дин Шиу АКШны, Россия жана Кытайдын Борбордук Азия аймагындагы геосаясий стратегиясын иликтөөгө алышкан (алардын изилдөөлөрү 2001-жылдын 1-сентябрына чейинки процесстерди жана андан кийинки мезгилди өз ичине камтыйт) [21].

Бул эмгекти жазууда өзгөчө көңүл Кыргызстандын тышкы саясатынын түрдүү жактарын изилдешкен ата-мекендик окумуштуулардын эмгектерине бурулду. Алардын ичинен, КРнын тышкы иштер министрлигинин дасыккан дипломаттарынын изилдөөлөрүндө (К.А. Токтомушев, М. Иманалиев, А. Джekшенкулов ж.б.) Кыргызстандын тышкы саясий ишмердүүлүктөрүнүн маанилүү маселелери иликтенген.

М. Иманалиев кыргыз-кытай байланыштарынын тарыхын эки ири мезгилге бөлгөн. Биринчиси – XVIII к. экинчи жарымы – XIX к. биринчи жарымы (1757–1863-жж.), экинчиси – XIX к. экинчи жарымы – XX к. аягы (1863–1991-жж.). Биринчи мезгил, кыргыздардын Кытай жана башка коншулар менен өз алдынча жүргүзгөн тышкы саясаты, экинчиси ички жана тышкы саясатта өз алдынчалыктын толук түрдө жок болушу менен мүнөздөлөт. 1991-жылдан баштап көз карандысыз Кыргызстандын Кытай менен өз ара байланышынын жаңы мезгили башталган [17: 25].

К. Токтомушев Кыргызстандын тышкы саясатында КЭР менен болгон мамиле талашсыз артыкчылыкка ээ деп белгилейт [34: 30]. Анын эмгегинде эки тараптуу байланыштардын саясий жана соода-экономикалык багыттарынын өнүгүүсү терең иликтөөгө алынган.

А. Жекшенкулов Борбордук Азиядагы тышкы күчтөрдүн таасирин, андан сырткары, КЭРнын бул аймактагы стратегиялык

пландарын жана саясатын толук түрдө иликтөөгө алган. Анын пикиринде биздин өлкөнүн Кытай менен болгон ынак коңшулук мамилелерин өнүктүрүү республикадагы коопсуздукту камсыз кылууда, түштүк жана чыгыш багытында байланыштарды өнүктүрүүдө, андан сырткары өз ара пайдалуу соода-экономикалык кызматташууну бекемдөөдө чоң роль ойной тургандыгын баса белгилеген [14: 289].

Кыргызстандын тышкы саясатынын тарыхы боюнча жазылган башка эмгектердин ичинен Н.М. Оморовдун монографиясын өзгөчө белгилеп кетүү зарыл. Анын эмгектеринде Кыргыз Республикасынын тышкы саясий ишмердүүлүгүнүн өзүнчө бир жактары, анын ичинде КЭР менен болгон кызматташтык маселеси да каралган. Кыргыз-кытай мамилелерин иликтөөдө автор М. Иманалиевдин мезгил-дештирүү системасы менен макул болот. Кыргызстан менен Кытайдын көптөгөн багыттарда өз ара байланыштары ал аймактык коопсуздук жана туруктуулукту камсыз кылат жана ал азыркы эл аралык мамилелердин талаптарына толук жооп бере тургандыгын билдирген [27: 173].

Каана Айдаркулдун монографиясы өзгөчө көңүл бурууну талап кылат. Анда кыргыз элинин эл аралык мамилелеринин тарыхы байыркы мезгилден тартып азыркы учурга чейинки абалы иликтөөгө алынган. Автор саясий, соода-экономикалык, илимий-техникалык жана маданий-гуманитардык кызматташтыктарды изилдөөгө алып, төмөндөгүдөй тыянакка келет: кыргыз-кытай кызматташуусунун өзгөчө белгиси катары ынак достук мамилелерин калыптандыруу жана өнүктүрүүгө болгон эки тараптын тең бирдей умтулуусу, андан сырткары экономикалык мамилелердин дал келиши эсептелет [1: 317].

А. Жоробекованын илимий эмгегинде Борбордук Азия аймагынын улуу державалар менен, анын ичинде КЭР менен болгон өз ара байланыштарынын азыркы абалына орчундуу көңүл бурулуп, терең изилдөөгө алынган. Ал Пекиндин Борбордук Азия аймагындагы кызыкчылыктарын өзгөчө изилдеп, Кытай бул аймакта узак мөөнөткө пландаштырылган саясатын кылдаттык менен жүргүзүп жатат деп баса белгилеген [15: 47].

Белгилүү болгондой эл аралык мамилелерде талаш аймактарды акыйкат жолу менен чечүү кылымдардан бери эле негизги маселелердин бири болуп келген. Аны чечүү кээде күч колдонуу аркылуу жүргүзүлгөн. Талаш жер тилкелери, тагыраак айтканда мамлекеттердин ортосунда укуктук-келишимдик негизде бекитилбеген жерлер дайыма эле тигил же бул мамлекеттин

коңшулаш өлкөлөр менен болгон мамилелерин начарлатып, аларды чек ара аймактык пикир келишпестиктерге, көбүнчө чыр-чатактарга алып келет [1: 317].

С. Аламановдун эмгегинде кыргыз-кытай чек ара маселелерин жөнгө салуу жолдору изилденип чыккан [2].

Жогоруда айтылгандардан улам төмөндөгүдөй жыйынтык чыгарса болот: ата-мекендик тарыхнааме кыргыз-кытай байланыштарынын кээ бир маселелерине гана көңүл бурулуп, үстүртөн гана иликтенген. Кыргыз-кытай мамилелеринин бир катар проблемалары толук түрдө иликтенбей, көз жаздымда калып кеткен. Бул эмгекте аталган татаал жана көп кырдуу проблеманы толук чагылдырууга мүмкүн болбосо дагы, аны комплекстүү түрдө изилдөөгө аракеттер жасалды.

Адабият:

1. *Айдаркул Каана*. Международные отношения кыргызов и Кыргызстана: история и современность. Бишкек, 2002.
2. *Аламанов С.* Граница: разрешение спорных проблем // Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе. Бишкек, 2003.
3. *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М., 2007.
4. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
5. *Бао И.* Китай: Стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона // Центральная Азия и Кавказ. 2001. №5(17).
6. *Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. М., 1990.
8. *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001.
9. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.
10. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Международные отношения. М., 2007.
11. *Борисов О.Б., Колосков Б.Т.* Советско-китайские отношения. 1945 – 1980. М., 1980.
12. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004.
13. *Гельбрас В.Г.* Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы экономической безопасности России. М., 1995.
14. *Джекшенкулов А.* Независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000.
15. *Джоробекова А.Э.* Основные тенденции и направления интеграционных процессов в Центральной Азии. Бишкек, 2007.
16. *Жуков С.В., Резников О.Б.* Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М., 2009.
17. *Иманалиев М.* Очерки внешней политики Кыргызстана. Бишкек, 2003.

18. Керимбекова Н., Галицкий В. К вопросу о кыргызско-китайской государственной границе // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5.
19. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях: 80-е годы XX – начало XXI века. М., 2005; его же. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006.
20. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.
21. Ли Лифань, Дин Шу. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3(33).
22. Малышева Д. Центральная Азия в фокусе региональной политики // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 12.
23. Международные отношения: социалистические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.
24. Меликсейитов А.В. Победа китайской революции. М., 1989.
25. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв. М., 1996.
26. Новиков Г.Н. Теории международных отношений. Иркутск, 1996.
27. Омаров Н.М. Международные отношения в эпоху глобального развития. Бишкек, 2003; его же. На пути к глобальной безопасности // Центральная Азия после 11 сентября 2001 г. Бишкек, 2003; его же. Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». Бишкек, 2005.
28. Охотников С. Китай и Центральная Азия после начала антитеррористической операции в Афганистане // Центральная Азия и Кавказ. 2002. №5(23).
29. Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XX в.: Очерки. М., 2006.
30. Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. М., 1999.
31. Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978; его же. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917–1974. М., 1977.
32. Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. Алматы, 2008.
33. Тихонов О.С. Россия–Китай–Центральная Азия: проблемы региональной безопасности // Вест. Моск. ун-та, сер.13. Востоковедение. 2002. № 3.
34. Токтомушев К. Внешняя политика суверенного Кыргызстана. Бишкек, 2001.
35. Уткин А.А. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.
36. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

ДУНГАН ЖАНА КЫТАЙ ТААНУУ МАСЕЛЕЛЕРИ ВОПРОСЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ И КИТАИСТИКИ

Шисыр И.С.

Святые (аулия) в дунганской агиологии: Сайд ибн Абу Ваккас, Вайс ал-Карани и Сайд ибн ал-Мусаиб

Ключевые слова: легенда, образ, Сайд ибн ал-Мусаиб, Вайс ал-Карани, Сайд ибн Абу Ваккас.

Аннотация. Статья посвящена изучению образов послекоранических святых Сайда ибн ал-Мусаиба, Вайса ал-Карани и Сайда ибн Абу Ваккаса в дунганской агиологии. Известные исторические деятели, как показывает живая практика, до сих пор обладают прежними энергетическими способностями овладевать людскими сердцами. Популярные сюжеты, зафиксированные еще в прошлом столетии, однозначно выступают красноречивыми свидетельствами.

Дунган уламыштарындагы ыйык олуялар:

Сайд ибн Абу Ваккас, Вайс ал-Карани и Сайд ибн ал-Мусаиб

Негизги сөздөр: уламыш, сүрөт, Сайд ибн ал-Мусаиб, Вайс ал-Карани, Сайд ибн Абу Ваккас.

Аннотация. Макала дунган уламыштарындагы ыйык олуялар: Сайд ибн ал-Мусаиб, Вайс ал-Карани жана Сайд ибн Абу Ваккас ж.б. изилдөөгө арналган. Ушул атактуу тарыхый инсандар азыркы учурда дагы деле көптөгөн мусулмандарга өздөрүнүн энергиялык таасирин тийгизип, дем берип турат. Алар жөнүндө өткөн кылымдарда жазылган сюжеттер азыркы убакта да маанисин, таасирин жоготкон жок.

Saints (auliya) in Dungan hagiology:

Side ibn Abu Wakkas, Weiss al-Qarani and Side ibn al-Musaib

Keywords: Legend, image, Sayd ibn al-Musaib, Weiss al-Qarani and Sayd ibn Abu Wakkas.

Annotation. The article is devoted to the study of images of post-canonical saints Sayd ibn al-Musayyab, Uwais al-Karani and Saad ibn Abu Waqqas in Dungan hagiology. Famous historical figures, as live practice shows, still have the same energetic abilities to master people's hearts. Popular stories recorded back in the last century are unequivocally eloquent evidence.

К святым в дунганской агиологии наряду с кораническими персонажами отнесены также исторически достоверные лица, такие защитники «истинной веры», как первые халифы, мухаджиры⁵, ансары⁶ и др., связанные с самыми разными этапами распространения мусульманской религии. В конце XIX в. в дунганском обществе даже действовали специальные общины, созданные для почитания «святых друзей» мусульман, к которым рекомендуется обращаться за помощью в сложных жизненных ситуациях [6: 275].

Дунгане сложили интересные сюжеты на основе легендарных деяний известных святых с целью возвеличения мусульманской религии, почитания истинных служителей веры и воспитания подрастающего поколения. В таких легендах послекоранические святые предстают перед нами в облике обычных истовых последователей мусульманской религии, хотя и способных совершать карамат (знамения).

В процессе нашего изучения мы зафиксировали множество сюжетов о послекоранических святых – четырех «альхулафа ар-рашидун» (т.е. халифах, идущих правильным путем, или праведных халифах) [3: 268] – Абу-Бекре (632–634 гг.), Омаре (634–644 гг.), Османе (644–656 гг.), Али (656–661 гг.), сподвижниках пророка Мухаммеда Сайда ибн Абу Ваккаса, Вайса ал-Карани и Сайда ибн ал-Мусаиба, о местных известных религиозных деятелях и безымянных легендарных служителях мусульманской религии.

В настоящей статье мы хотим остановиться на образах святых – Сайда ибн Абу Ваккаса, Вайса ал-Карани и Сайда ибн ал-Мусаиба, с которыми связаны легенды об этногенезе дунган. В нашем случае, исходя из известных сюжетов, мы постараемся воссоздать светлые образы широко известных святых.

В изучении затронутого вопроса следует отметить сюжеты из «Тарихи тургани» (Истории тургани) Сулеймана Лишонгуя [4], журнала «Шура» Н. Явшиева [9], рукописей Х.Ю. Юсурова [8: 43–46],

⁵ Мухаджир (совершивший хиджру) – мусульманин, переселившийся вслед за Мухаммедом в Медину до завоевания им Мекки. Мухаджиров в первые годы насчитывалось до сотни взрослых мужчин. Они составляли элиту мусульманской общины. В заслугу им ставилось то, что они ради веры порвали узы родства, оставили дома и имущество и последовали за вероучителем [3: 177].

⁶ Ансары (помощники) – жители Йасриба (Медины) из племен аус и хазрадж, которые в 622 г. заключили договор с Мухаммедом, признав его своим верховным вождем и вероучителем, предоставив ему и мухаджирам право поселиться в их городе и оказав им материальную поддержку [3: 21].

М.А. Хасанова [7] и других, в которых выведены образы аулия Сайда ибн Абу Ваккаса, Вайса ал-Карани и Сайда ибн ал-Мусаиба. Содержание этих сюжетов информационно-мнемонической народной прозы практически сводится к повествованию о духовной миссии в Китай трех тысяч арабских воинов пророка Мухаммеда во главе с Вангасом (Сайдом ибн Абу Ваккасом), Вайсом (Вайсом ал-Карани) и Гайсом (Сайдом ибн ал Мусаибом) по приглашению танского императора Тай-цзуна (Ли Шиминя).

В своем напутствии пророк Мухаммед строго запретил главам миссии по дороге в Китай совершать карамат (чудеса). В безжизненной пустыне, когда воины стали умирать от жажды, Вайс все же совершает чудо, наполняет углубление в земле водой и сразу умирает. Вскоре и Гайс совершает чудо, подложив свою ногу в качестве топлива под котел, чтобы сварить пищу для голодных воинов, и также умирает. Пределов же Китая достигает только Вангас с остатками воинов.

Сайда ибн Абу Ваккаса можно считать самым известным аулия в легендах об этногенезе дунган. В Китае аулия совершает ряд подвигов во имя возвеличения исламской религии. Со своими воинами он даже принимает участие в нескольких сражениях на стороне императора Ли Шиминя против врагов Китая.

Любопытно, что факт участия воинов из Аравии, Персии, Средней Азии на стороне танской династии Китая имеет под собой реальную почву. Об этом писали в исторических исследованиях многие ученые [1; 2]. По утверждению М.Я. Сушанло, «именно при императоре Тай-цзуне народности тюркско-иранского происхождения несли военную службу в охранных частях танской армии. Позже при юаньской (монгольской) династии арабо-персидские и среднеазиатские народы, как отмечалось в китайской исторической хронике, были на военной службе во многих гарнизонах империи» [6: 42–43].

Сайд ибн Абу Ваккас в реальной исторической действительности считался близким родственником пророка Мухаммеда. С первых мусульманских проповедей пророка Мухаммеда Сайд ибн Абу Ваккас принимает исламскую религию. В качестве мухаджира переезжает со всеми мусульманами из Мекки в Медину. Участвовал во многих священных войнах Мухаммеда. Впоследствии прославился как полководец в битве при Кадисии против персов (637 г.). О военных подвигах Сайда ибн Абу Ваккаса уже тогда ходили невероятные легенды.

Имя Сайда ибн Абу Ваккаса широко известно во всех мусульманских странах. Внедрение ислама в завоеванных странах

всегда сопровождалось усиленным распространением знаний о ранних этапах истории новой религии и наиболее истовых ее деятелях. Своей популярностью Сайд ибн Абу Ваккас также должен быть обязан крупному мутазилитскому направлению⁷ в мусульманской религии, которое сыграло важную роль в религиозно-политической жизни Дамасского и Багдадского халифатов в VII–IX вв. Известный сподвижник пророка Мухаммеда считался активным членом группы «отделившихся» от Али б. Аби Талиба. В X в. учение мутазилитов постепенно перемещается на Восток – в Иран, Среднюю Азию, Индию и далее. С распространением мутазилитского учения соответственно укрепляется имя легендарного мухаджира и одного из первых мутазилитов.

В настоящее время в небольшой мечети г. Гуанчжоу (КНР), куда в конце первого тысячелетия стекались из Аравии, Персии и других стран первые в Китае мусульманские торговцы, находится могила Сайда ибн Абу Ваккаса. Однако мухаджир Мухаммеда все же похоронен в Медине. Некоторые исследователи специально изучали сходные мемориальные доски на могилах аулийа в Медине и Гуанчжоу. Как установлено, мемориальная доска на могиле аулийа в Гуанчжоу изготовлена в сунскую эпоху, то есть в 960–1279 гг. В принципе даже этот факт не может до конца приоткрыть тайну далекой истории развития мусульманской религии.

Легенды дунган Центральной Азии содержат ограниченные сведения о Вайсе (Вайсе ал-Карани). В упомянутых сюжетах мы сталкиваемся практически с единственным эпизодом в различных вариантах. Человеческая жалость заставляет Вайса ал-Карани нарушить строгий запрет пророка: наполнить углубление в земле питьевой водой и пожертвовать собственной жизнью. Мотив нашего эпизода типичен для мусульманской традиции раннего периода ислама, когда новая религия старалась создать в завоеванных странах ореол благородства, самоотверженности и исключительности вокруг деятелей истинной веры.

В живой народной традиции дунган мы смогли обнаружить некоторые «осколки» (отдельные отрывки) также скудных легендарных материалов об известном аулийа из общемусульманской агиологии. В одном из них рассказывается о следующем факте из жизни святого. В

⁷ Мутазилиты (ал-мутазила – обособившиеся, отделившиеся) – представители первого крупного направления в каламе. По преданию, они получили свое наименование в связи с «обособлением» от Али б. Аби Талиба. В учении мутазилитов существует пять основных положений религиозной сущности [3: 175].

священной битве при Оходе пророку Мухаммеду случайно камнем выбили один зуб. В приступе фанатизма Вайс ал-Карани решил сделать то же самое со своим зубом. Однако в конце концов выбил себе все зубы, так как не знал, какой зуб потерял Мухаммед. В другом «осколке» содержатся сведения об аскетизме святого. Он часто бродил по свету в самых настоящих лохмотьях с постоянными молитвами на устах.

Ареал чрезвычайно обширного культа святого от Малой Азии до Китая и от Северной Индии до евразийских степей уже позволяет предположить, что Вайс ал-Карани действительно относился к ближайшим сподвижникам пророка Мухаммеда на заре зарождения ислама. Мусульманские ортодоксы создавали вокруг аулия характерный для сакрализации ранних сподвижников Мухаммеда ореол благородства, аскетизма и фанатизма.

Образ Вайса ал-Карани не мог быть незамеченным позже суфистами. Яркий пример мусульманского аскетизма аулия оказывал существенную помощь в распространении своеобразного ортодоксального учения. Не случайно в Кашгаре (СУАР, КНР) в свое время существовал мистический орден «увайсийа», адепты которого считали Вайса ал-Карани духовным учителем. В.А. Гордлевский также отмечал существование в Бурсе (Турции) центра культа «вэйси», члены которого считались последователями известного аулия [5: 95–96]. В результате мистики еще более возвеличили образ Вайса ал-Карани.

Образ аулия Гайса в агиологии хуэйцзу вообще связан только с единственным эпизодом, имеющим различные вариативные нюансы в вышеприведенных легендах. Скучная информация не позволяет практически выявить индивидуальные черты этого замечательного легендарного образа. Пожертвование Гайса аулия собственной жизнью ради соратников, общего дела и религии (он засовывает под котел вместо отсутствующих дров собственную ногу) по значению сродни поступку Вайса, совершившему последнее в жизни чудо в безводной пустыне.

Сходство в деяниях аулия (Вайса ал-Карани и Гайса) позволяет заключить, что святой Гайс также относится к первым мусульманским историческим деятелям, чьи имена старательно распространялись вместе с самой религией на вновь завоеванных территориях. Дунгане единодушно считают, что святой Гайс, как и Сайд ибн Абу Ваккас и Вайс ал-Карани, является родственником пророка Мухаммеда. Многие информаторы связывают этого святого с сыном ближайшего сподвижника пророка Мухаммеда Сайдом ибн Мусаиба, хотя и не

приводят никаких сведений в доказательство этого факта.

Некоторые черты образа Гайса достаточно близки чертам образа Исмамута-ата в агиологии народов Центральной Азии. Согласно легендам, оба святых в свое время были отправлены пророком Мухаммедом в Центральную Азию обращать в истинную веру «огнепоклонников». Исследователь религиозных культов Средней Азии Г.П. Снесарев, исходя из сообщений информаторов, предположительно связывал местного святого Исмамут-ата также с именем небезызвестного сына полководца «армии ислама» Сайда ибн Мусаиба [5: 71–80].

Такая «осколочная» (отрывочная) информация позволяет сделать некоторые гипотетические выводы относительно весьма интересного образа святого Гайса в агиологии дунган. Однако установить действительные исторические корни аулия все же проблематично, так как практически нет убедительной информации в самой живой народной традиции. Существующие сведения на поверку всегда оказываются «желательными» фактами.

Таким образом, практика показывает, что в дунганской агиологии большое место занимают легенды, в том числе о послекоранических святых, которые до сих пор обладают прежними энергетическими способностями овладевать людскими сердцами. Даже немногочисленные сюжеты, зафиксированные во время сбора материалов для настоящего разряда легенд, красноречиво свидетельствуют о том, что они еще не потеряли первоначальных притягательных магических сил.

Литература:

1. *Бай Шоуи. Хуэйхуэй миныйзуди синьшэнь* (Новое рождение хуэйского народа). Шанхай, 1951 (кит. яз.).
2. *Бай Шоуи, Хань Даожэнь, Дин Иминь. Хуэйхуэй минцзуди цзяньши хэ сяньчжун* (Древняя история и современное развитие хуэйского народа). Пекин, 1957 (кит. яз.).
3. Ислам: Энциклопедический словарь. М: Наука, 1991. 315 с.
4. *Лишонгуй Сулейман. Тарихи тургани* (История тургани). Самарканд, 1916 (староузб. яз.).
5. *Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии*. М.: Наука, 1983. 212 с.
6. *Сушанло М.Я. Дунгане* (историко-этнографический очерк). Фрунзе: Илим, 1971. 305 с.
7. *Хасанов М.А. Легенда о появлении на свете народности хуэйцзу / Записана со слов информатора Н.Джапарова в с. Джалпак-Тюбе (Джамбульский район, Джамбульская область, Республика Казахстан) // Некоторые мифы и легенды дунган: Рукопись. Рукописный фонд Отдела дунгановедения НАН*

Кыргызской Республики. 78 с.

8. *Юсуров Х.Ю.* Происхождение хуэйцзу / Записано со слов информатора Х. Вуахунова в с. Шортюбе (Курдайский район, Джамбульская область, Республика Казахстан) // Сушанло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе: Илим, 1971. – С. 43–46.
9. *Явшиев Н.* Хитай мусулманлари ва тунганлар (Китайские мусульмане и тунгане) // Шура. 1916. №19 (татар. яз.).

ХРОНИКА

К юбилею кандидата исторических наук А.А. Джона

В апреле 2021 года научная общественность отметила 70-летний юбилей Джона А.А., старшего научного сотрудника Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии НАН КР, кандидата исторических наук, этнографа по специальности.

Джон Али Алиевич родился 30 апреля 1951 г. в с. Шортюбе Курдайского района Казахской ССР, в 1973 г. окончил Пржевальский гос-

ударственный педагогический институт, работал учителем русского языка и литературы, директором фильма на студии «Киргизтелефильм». В 1978 г. на конкурсной основе был принят младшим научным сотрудником в сектор дунгановедения Отдела востоковедения НАН КР, где закончил заочную аспирантуру. Его научным руководителем был известный учёный, д.и.н., член-корреспондент НАН КР Сушанло Мухамед Ясызович.

В 1986 г. Джон Али Алиевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поселение, усадьба и жилище дунган» в Ленинградском отделении Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. На основе диссертации в этом же году была издана в издательстве «Илим» его монография «Материальная культура дунган: поселение, усадьба, жилище»⁸, в которой описаны традиционные типы дунганских поселений, жилищ, внутреннего убранства, методы, используемые строительные материалы и способы строительства, их сходство и отличие от поселений и жилищ народов Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана. Помимо это-

⁸ *Джон А.А.* Материальная культура дунган: поселение, усадьба и жилище. – Фрунзе: Илим, 1986.

го, в работе установлены изменения в этой области культуры дунган, происшедшие с конца XIX до первой половины 80-х годов XX вв. За годы, последовавшие после защиты диссертации, Джон А.А. публикует ряд научных статей об этнической культуре дунган и начинает собирать материал, касающийся обычаев, обрядов и поверий этого народа. В 2007 г. вышла его монография «Обычаи, обряды и поверья дунган»⁹, которая знакомит исследователей и читателей с семейными взаимоотношениями и терминами родства, сватовством и свадьбой, охранительной и благожелательной символикой в свадебной обрядности, положением женщины в дунганской семье, обрядами, связанными с рождением ребёнка, с обычаем суннети (обрезание), погребальными обычаями дунган, ежегодными праздниками и поверьями, связанными с жилищем, пищей. Несмотря на то, что книга была издана, Джон А.А. ощущал её незаконченность, что заставляло его продолжать исследования в этой области.

Вместе с тем, в этот период в сферу его интересов входят Беловодские события, происходившие на территории Кыргызстана в 1918г. В результате исследований в 2009 г. появляется монография «Дунгане и Беловодское восстание 1918 года в Пишпекском уезде»¹⁰, не касающаяся этнологической специальности. В этой книге, полностью основанной на архивных материалах, отражён новый взгляд на трагические события начала XX в., свободный от идеологического прокрустова ложа советского времени. Одной из главных целей данной работы было стремление показать, как небольшая по численности группа населения была вовлечена в политические события, на которые сама не могла влиять коренным образом. При этом, по мнению автора, механизмы подобных процессов остались актуальными в межэтнических взаимоотношениях и для сегодняшнего времени.

В 2016 г. Джон А.А. переиздаёт в расширенном и дополненном варианте монографию «Обычаи, обряды и поверья дунган»¹¹, в которой появляются такие разделы, как: «К вопросу о происхождении этнонима «хуэй», «Некоторые особенности ислама среди дунган», «Пища как маркер изменений в культуре дунган (хуэйцзу) Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана», «Изменения в антропонимии дунган (хуэйцзу), как маркера идентичности», «Некоторые аспекты этнической и национальной идентичности дунган (хуэйцзу) Кыргызстана».

⁹ Джон А.А. Обычаи, обряды и поверья дунган. – Бишкек: Илим, 2006.

¹⁰ Джон А.А. Дунгане и Беловодское восстание в Пишпекском уезде. – Бишкек: Илим, 2009.

¹¹ Джон А.А. Обычаи, обряды и поверья дунган. Бишкек: Илим, 2016.

Эта книга была переведена на кыргызский¹², дунганский¹³ языки. Она вызвала интерес коллег из Китая и была переведена на китайский язык, и в конце декабря 2017 г. издана в Пекине¹⁴.

В соавторстве с коллегами из Центра дунгановедения и китаистики Джон А.А. участвовал в написании и издании двух выпусков «Дунганской энциклопедии»¹⁵, его авторству принадлежат разделы книги, посвящённые традиционной культуре дунган. Помимо этого, им опубликовано более 40 научных статей, посвящённых этнографии дунган в различных журналах и изданиях в Кыргызстане, Казахстане, России, Японии и Китае.

Учитывая тот факт, что Центр дунгановедения и китаистики (сектор дунгановедения КирФАНа, отдел дунгановедения в более позднее время) курировал преподавание дунганского языка и литературы в общеобразовательных школах с 30-х годов XX в., сотрудники этого научного подразделения всегда участвовали в создании учебников и учебных пособий для школ с преобладанием учеников дунганской национальности. Не остался в стороне от этого процесса и Джон А.А., наряду со чтением лекций на курсах повышения квалификации учителей, в соавторстве с доктором филологических наук Шисыром И.С. им был издан учебник «Фуму йуян» (Родная речь)¹⁶, по которому обучаются в школах в настоящее время. В педагогическую деятельность Джона А.А. входит также чтение лекций на кыргызско-китайском факультете КНУ им. Ж. Бала-сагына, а также работа в качестве председателя ГАКа, к которой его привлекают в различных вузах Кыргызстана.

Занимаясь научной работой, Джон А.А. увлекается и литературным творчеством, им опубликовано около десятка рассказов на страницах дунганской газеты и литературных альманахов, в том числе и изданных в КНР. В 2011 г. он издал поэтический сборник «Тайный лес»¹⁷. Джон А.А. является постоянным автором республиканской га-

¹² Джон А.А. Дунгандардынурп-адат, ырым-жырымжанаишенимдери. – Бишкек: Илим, 2016. – 198с.

¹³ Жон А.А. Хуэйзүйжиндикуйчын, лийизэмусыжищү. – Бишкек: Илим, 2016.

¹⁴ 张A.A. 东干人的习俗、礼仪与信仰中国民族大学出版社, 2017 (Dōng gàn rén de xí sú, lǐ yí yǔ xìn yǎng) China Minzu Universiti Press, 2017. 176 p.....

¹⁵ Дунганская энциклопедия. – Бишкек, 2005; Дунганская энциклопедия. 2-е издание. – Бишкек, 2009.

¹⁶ Джон А.А., Шисыр И.С. Фуму йуян (Родная речь). – Бишкек: Илим, 2007.

¹⁷ Джон А.А. Тайный лес. – Бишкек, 2011.

зеты «Хуэймин Бо», публикуя материалы на научно-популярные и общественные темы, занимаясь популяризацией науки.

За долголетнюю и плодотворную научную работу А.А. Джон был удостоен почетного звания «Заслуженный работник Национальной академии наук Кыргызской Республики», неоднократно поощрялся грамотами Президиума НАН КР.

С.У. Дюшенбиев

К юбилею члена-корреспондента НАН КР, доктора филологических наук Имазова Мухаме Хусезовича

В научной и просвещенческой среде в мае 2021 года отметили знаменательное событие – юбилей известного учёного-лингвиста, писателя, поэта и активного общественного деятеля дунганской общины, доктора филологических наук, члена-корреспондента НАН Кыргызской Республики, заведующего Центром дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова Имазова Мухаме Хусезовича. Он родился 1 мая 1941 г. в селе Александровка Московского района. В 1964 г. закончил КГУ, после чего до 1968 г. работал в Александровской средней школе учителем. В 1968 г. стал аспирантом Отдела дунгановедения АН Кыргызской ССР. В 1972 г. написал и защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук. Работал младшим, затем старшим научным сотрудником Отдела. В течение 11 лет руководил сектором дунганского языка и литературы. Докторскую диссертацию защитил в 1994 г., после чего работал в должности ведущего, а затем главного научного сотрудника. В 2000 г. Имазов Мухаме Хусезович стал членом-корреспондентом НАН Кыргызской Республики.

Трудно назвать область, значимую для дунганской этнической группы ЦА, в которой этот активный человек не принимал бы участия. Помимо научной деятельности, в течение многих десятилетий – это и создание учебной литературы и учебных пособий для школ с преподаванием дунганского языка, организация курсов повышения квалификации и подготовки учителей дунганского языка. Периодические посещения школ по поручению и в помощь Министерству науки и про-

свещения. Усилия по созданию Отделения при факультете филологии КНУ Киргизской ССР, где готовились учителя дунганского языка и литературы, и преподавание предмета студентам. Многократные инициативы введения предмета «дунганский язык и литература» в школах, где количество учащихся-дунган составляло большинство. Невозможно переоценить вклад Мухаме Хусезовича в работу инициативных групп, в период создания первых общественных организаций в 80-х годах прошлого века, как в Кыргызстане, так и Казахстане. По их примеру, а порой на их базе, в последствии, возникали Ассоциации и Общественные объединения дунган, играющие значительную роль в сохранении и развитии самобытной культуры этнической группы дунган и их гражданской идентичности в суверенных государствах – Кыргызской Республике и Республике Казахстан.

В конце 70-х – начале 80-х годов формировался нынешний состав коллектива Центра дунгановедения и китаистики НАН Кыргызской Республики, пришедший на смену старшему поколению. Имазов Мухаме Хусезович, будучи в тот период секретарем партийной организации и дипломированным учёным, наряду с доктором исторических наук, членом-корреспондентом НАН КР Сушанло Мухамедом Ясызовичем, сыграл значительную роль в профессиональном формировании молодых учёных. Он являлся научным руководителем канд. филол. наук Джумаза М.В. и канд. филол. наук Хаваза Ф.Н.

После ухода из жизни д.и.н. Сушанло М.Я., в 1998 г. Имазов Мухаме Хусезович, как самый авторитетный и компетентный учёный-дунгановед, возглавил Центр дунгановедения и китаистики. За этот период при его поддержке было защищено несколько диссертаций, среди которых можно назвать докторскую диссертацию, посвященную дунганскому фольклору, Шисыра И.С., диссертацию кандидата исторических наук Машанло М.Д., кандидатскую диссертацию Исмаевой Р.М. По инициативе Мухаме Хусезовича в Центре дунгановедения и китаистики периодически издаётся сборник статей «Диалог учёных на Великом Шёлковом пути»¹⁸, в котором публикуются научные статьи как отечественных, так и зарубежных авторов. Неизменным редактором данного сборника является его инициатор. Кроме того, в этот период в возглавляемом Мухаме Хусезовичем Центре выпущен ряд монографий – Хаваза Ф.Н.¹⁹, Джумаза М.В.²⁰, Шисыра И.С.²¹, Мусаровой

¹⁸ Диалог учёных на Великом Шёлковом пути. Бишкек: Илим, 2002–2018. Вып. I–VII.

¹⁹ Хаваза Ф.Н. Заимствованная лексика дунганского языка. Бишкек: Илим, 2012.

²⁰ Джумаза М.В. Теоретические проблемы орфографии дунганского языка. Бишкек: Илим, 2010.

Д.С.²², Хахаза Д.М.²³, 2-е издание монографии Джона А.А. на русском, кыргызском, дунганском и китайском языках²⁴ и др.

Сам Мухаме Хусезович Имазов за годы своей научной деятельности написал и опубликовал восемь монографий²⁵, три брошюры и десятки научных статей, как в отечественных, так и зарубежных изданиях. Мухаме Хусезович является одним из авторов и редакторов трёхтомного «Русско-дунганского словаря»²⁶, двух изданий «Дунганской энциклопедии»²⁷ и других работ. Невозможно не сказать о том, что Имазов М.Х. является автором 6 учебников и учебных пособий, которыми пользуются ученики и учителя не только в Кыргызстане, но и Республике Казахстан.

Помимо научной и педагогической деятельности Имазов М.Х. известен и своим литературным творчеством. Он является членом Союза писателей Кыргызской Республики. Из-под его пера вышли десятки повестей, рассказов и стихотворений, которые опубликованы не только в периодической печати – «Хуэймин Бо» и детском журнале «Байчечекей», но и отдельных авторских книгах. Среди них можно назвать сборники рассказов «Ласточка» (1976), «Щука» (1990), «Игрок» (2003), сборник повестей и рассказов «Гадир», сборник стихотворений «Письмо» (2002). В 2004 г. в КНР, в г. Иньчуане (Нинься-Хуэйский автономный регион) опубликована книга прозаических и поэтических произведений Имазова М.Х. на китайском языке, которые перевёл известный китайский учёный Линь Тао.

За свой многолетний плодотворный труд Имазов Мухаме Хусезович награждён медалью «Ветеран труда», многочисленными Почёт-

²¹ *Шисыр И.С.* Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2004.

²² *Мусарова Д.С.* Восстание 1916 года в контексте международных отношений и участие в нём дунган. Бишкек, 2016.

²³ *Хахаза Д.М.* Малые жанры дунганского фольклора. Пословицы и поговорки. Бишкек: Илим, 2020.

²⁴ *Джон А.А.* Обычаи, обряды и поверья дунган. Бишкек: Илим, 2006.

²⁵ *Имазов М.Х.* Очерки по морфологии дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1982; *его же.* Очерки по синтаксису дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1987; *его же.* Фонетика дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1975; *его же.* Орфография дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1977; *его же.* Основы дунганской фонетики. Фрунзе: Мектеп, 1972; *его же.* Грамматика дунганского языка. Бишкек: Илим, 1993; *его же.* Словарь китайско-русско-дунганский. Бишкек: Илим, 2013; *его же.* Дунганско-русский фразеологический словарь. Бишкек: Илим, 2017 (в соавторстве с Юнузовой З.Ш.).

²⁶ Русско-дунганский словарь. В 3-х томах. Фрунзе: Илим, 1981.

²⁷ Дунганская энциклопедия. Бишкек: Илим, 2005; Дунганская энциклопедия. Вып.2. Бишкек: Илим, 2009.

ными грамотами ЦК КП Киргизии, Совета Министров Киргизской ССР, Кирсовпрофа и ЦК ЛКСМ Киргизии, грамотой и Почётной грамотой Кыргызской Республики.

Каждый человек, приходя в эту жизнь, приносит частичку света, который помогает другим людям находить своё место в мире. Деятельность Мухаме Хусезовича, как учёного, доктора филологических наук, члена-корреспондента Национальной академии наук, писателя, поэта, общественного деятеля, педагога, наконец, отца своих детей и деда внуков является примером, светом для многих людей и поколений.

А.А. Джон

**К юбилею ведущего научного сотрудника,
кандидата исторических наук
Аманбаевой Бакыт Элтиндиевны**

В декабре 2021 года ведущему научному сотруднику Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джемгерчинова НАН КР, кандидату исторических наук Аманбаевой Бакыт Элтиндиевне исполнилось 70 лет. На страницах Вестника МИЦАИ напечатана обстоятельная статья доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института археологии АН РУз Бокижона Матбабаева и старшего научного сотрудника этого же института, PhD по археологии Хикматуллы Хошимова, посвященная нашему юбиляру. Они выразили признательность и много теплых слов в адрес Бакыт Аманбаевой, представляющей Кыргызстан в Академическом совете Международного института центральноазиатских исследований с 2009г. В этой юбилейной статье очень подробно представлена научная деятельность Бакыт Элтиндиевны и ее вклад в развитие археологической науки в Кыргызстане²⁸.

Основываясь на этой статье, коротко представим основные вехи ее биографии. Уроженка Таласской области, где находится знаменитый гумбез Манаса, Бакыт Аманбаева со школьных лет проявила ин-

²⁸ Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Самарканд, 2022. № 33. С. 183–186.

терес к историческому прошлому своего народа. В 1969–1974 гг. училась на историческом факультете Кыргызского государственного университета (ныне КНУ им. Ж. Баласагына). Регулярно в студенческие годы участвовала в археологических экспедициях, что и определило ее будущую специализацию.

Успешно окончив университет, сразу же поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) по специальности «археология». Ее научным руководителем стал известный специалист по средневековой археологии Средней Азии – профессор А.М. Беленицкий.

В 1979 г., после завершения аспирантуры, приступила к работе в Институте истории АН Киргизской ССР (ныне Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР). Принимала участие в археологических исследованиях, на средневековых городищах Чуйской долины: Красной Речке и Буране под руководством В.Д. Горячевой и В.П. Мокрынина. С 1987 г. проводит самостоятельные исследования на памятниках южного Кыргызстана: в Оше, Узгене, на Сафид-Булане.

В 1993 г. в Институте истории материальной культуры в Санкт-Петербурге Бакыт Аманбаева защитила кандидатскую диссертацию «Материальная культура городов Чуйской долины в домонгольскую эпоху (VI–XII) и вопросы культурогенеза».

С середины 90-х годов Б.Э. Аманбаева активно привлекает внебюджетные средства для проведения исследований. Она получила грант ЮНЕСКО «Хираяма–Шелковый путь» на продолжение раскопок средневековой бани у подножья Сулайман-Тоо в Оше. С этого времени начинается и полоса зарубежных научных командировок и стажировок (в Турции, Египте, Австрии, Китае, России и др.) в сфере исследования и реставрации объектов историко-культурного наследия.

В 1995–1996, 2001–2002 гг. она являлась научным консультантом по отбору памятников Кыргызстана в Предварительный список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. С 1997 по 2000 гг. Б. Аманбаева в рамках государственной программы «Ош-3000» прикомандирована к Южному отделению НАН КР (Ош). В это время ею завершаются раскопки средневековой бани и проводятся раскопки на городище Ак-Буура, расположенном на юго-востоке города. Параллельно она руководит работами по реставрации, музеефикации и благоустройству памятников Узгена, Оша и созданию экспозиции нового историко-краеведческого музея на Сулайман-Тоо.

В 2004–2005 гг. Б. Аманбаева – координатор проекта по подготовке номинации для включения Сулайман-Тоо в Список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. В 2009 г. гора Сулайман-Тоо стала первым объектом историко-культурного наследия Кыргызстана, вошедшим в престижный перечень лучших памятников человечества. Одновременно она координировала работу по гранту Фонда "Сорос-Кыргызстан" «Мазары южного Кыргызстана», в результате издан сборник научных статей²⁹.

В это же время проводилось и документирование петроглифов юго-восточной и восточной Ферганы (Сулайман-Тоо, Суротуу-Таш, Керме-Тоо, Дулдул-Ата и т.д.) в рамках проекта ЮНЕСКО «CARAD» (создание электронной базы данных по наскальному искусству Центральной Азии) и частично Таласской долины (Кен-Кол). Эти работы стали основой для проведения тематических исследований ИКОМОС по наскальному искусству Центральной Азии, в которых приняли участие все страны региона.

В 2011–2014 гг. – она координатор кыргызско-японского проекта по исследованию и сохранению объектов культурного наследия Чуйской долины, в формате которого на городище Ак-Бешим (исторический Суяб) проведены международные и национальные семинары-тренинги для молодых специалистов-археологов и музейных работников, начаты раскопки на основном шахристане, которые продолжают-ся и в настоящее время.

В последние годы Б. Аманбаева принимает активное участие в подготовке транснациональной серийной номинации ЮНЕСКО «Памятники Великого Шелкового пути (кыргызстанский участок)», причем не только как один из исполнителей досье номинаций, но и как член международного Координационного совета от страны. В рамках этого проекта, в 2015–2016 гг., на базе Узгена и Шоробашата, а также в Узгенском и Кара-Кульжинском оазисах проведены семинары по археологическому документированию для молодых специалистов из вузов и музеев трех южных областей Кыргызстана.

В Институте истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР Б. Аманбаева возглавляет Центр исследований культурного наследия. Она автор более 70 опубликованных научных статей, соавтор нескольких монографий³⁰, в числе которых пользую-

²⁹ Мазары Ферганской долины как факторы толерантности и взаимопонимания: Сб. науч. статей. Бишкек: Изд-во «Гулчынар», 2008. 11,0 п.л. с илл.

³⁰ Аманбаева Б.Э., Сулайманова А., Жолдошов Ч. и др. Наскальное искусство в Центральной Азии. Париж, 2011; Художественная керамика Кыргызстана в IX–XV вв.

щаяся большим спросом в стране книга «Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути»³¹. Результатом завершённого проекта МИЦАИ 2019–2021 гг. стали сайт и каталог «Археологическое наследие Кыргызстана в музеях и научных учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга»³², а также скопированы путем создания 3d-моделей наиболее интересные находки из археологических коллекций музеев и научных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга.

За заслуги в области исследования и сохранения культурного наследия, а также активное участие в подготовке и проведении государственной программы «Ош-3000» Б.Э. Аманбаева получила звание «Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики». За вклад в развитие исторической науки и сохранение культурного наследия страны в 2000 и 2002 гг. награждена Почетными грамотами Президента Кыргызстана и НАН КР. Бакыт Элтиндиевна продолжает активно трудиться, участвуя в реализации многочисленных международных проектов.

С.М. Скрипкина

// Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана в IX–XV вв. Т. 1: Керамика. МИЦАИ. Самарканд–Ташкент, 2011; Архитектура Кыргызстана в IX–XV вв. // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана в IX–XV вв. т. IV. Самарканд–Ташкент, 2013; Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 1. Традиционные верования и шаманизм. Самарканд, 2016.

³¹ Аманбаева Б.Э., Кольченко В.А., Сулайманова А.Т. Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. Бишкек: Изд-во «Гулчынар», 2015. 7,25 п.л.

³² Аманбаева Б.Э., Лужанский Д.В., Скрипкина С.М. Археологическое наследие Кыргызстана в музеях и научных учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга. Каталог. Бишкек: Изд-во «Гулчынар», 2021. 6,5 п.л.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунки к статье Э. Султанова

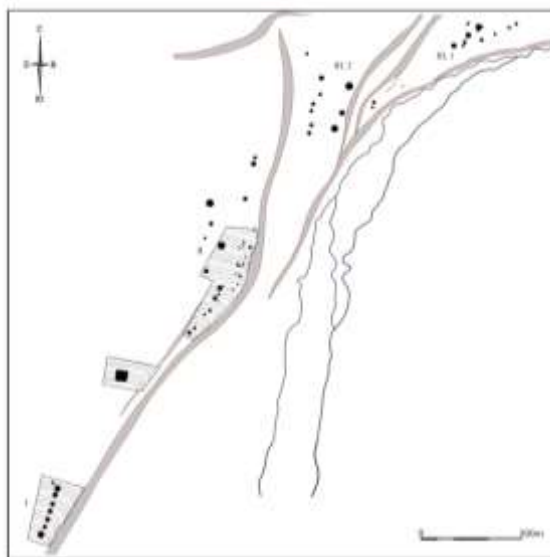

Рис. 1. Топография могильников урочища Кок-Жар. Тахеометрическая съемка А.В. Кулиша. Участки со снятым микрорельефом обведены контуром.

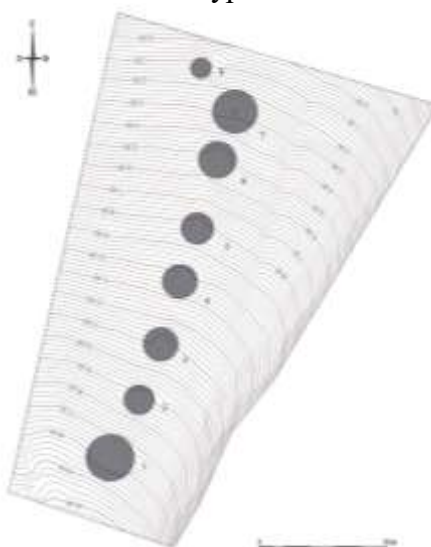

Рис. 2. Топография могильника Кок-Жар 1. Тахеометрическая съемка А.В. Кулиша.

1

2

Рис. 3. 1) Могильник Кок-Жар 1, вид с юга, на переднем плане курган №1.
2) Могильник Кок-Жар 1, вид с севера, на переднем плане курган №7.

1

2

Рис. 4. 1) Кок-Жар 1, курган 6. вид с запада до раскопок.
2) Кок-Жар 1, курган 6. Вид с севера до раскопок.

Рис. 5. Кок-Жар 1. Фотограмметрия расчищенного кургана 6.

1

2

Рис. 6. Кок-Жар 1. 1) Расчищенный курган. Вид с северо-запада.
2) Вид с востока.

1

2

Рис. 7. Кок-Жар 1, курган 6. 1) Детали кольца.
2) Детали кольца и выкладка, примыкавшая к кольцу с северо-востока.

1

2

Рис. 8. Кок-Жар 1, курган 6. 1) Вид с запада, "циста".
2) Вид с севера, "циста".

1

2

Рис. 9. Кок-Жар 1, курган 6. 1) "Циста" после удаления верхних камней перекрытия. Вид с запада. 2) "Циста" после удаления верхних камней перекрытия. Вид с севера. На обеих фотографиях отчетливо виден просевший в могилу нижний ряд камней перекрытия.

Рис. 10. Кок-Жар 1, курган 6. Разграбленная могильная яма. Вид с запада.

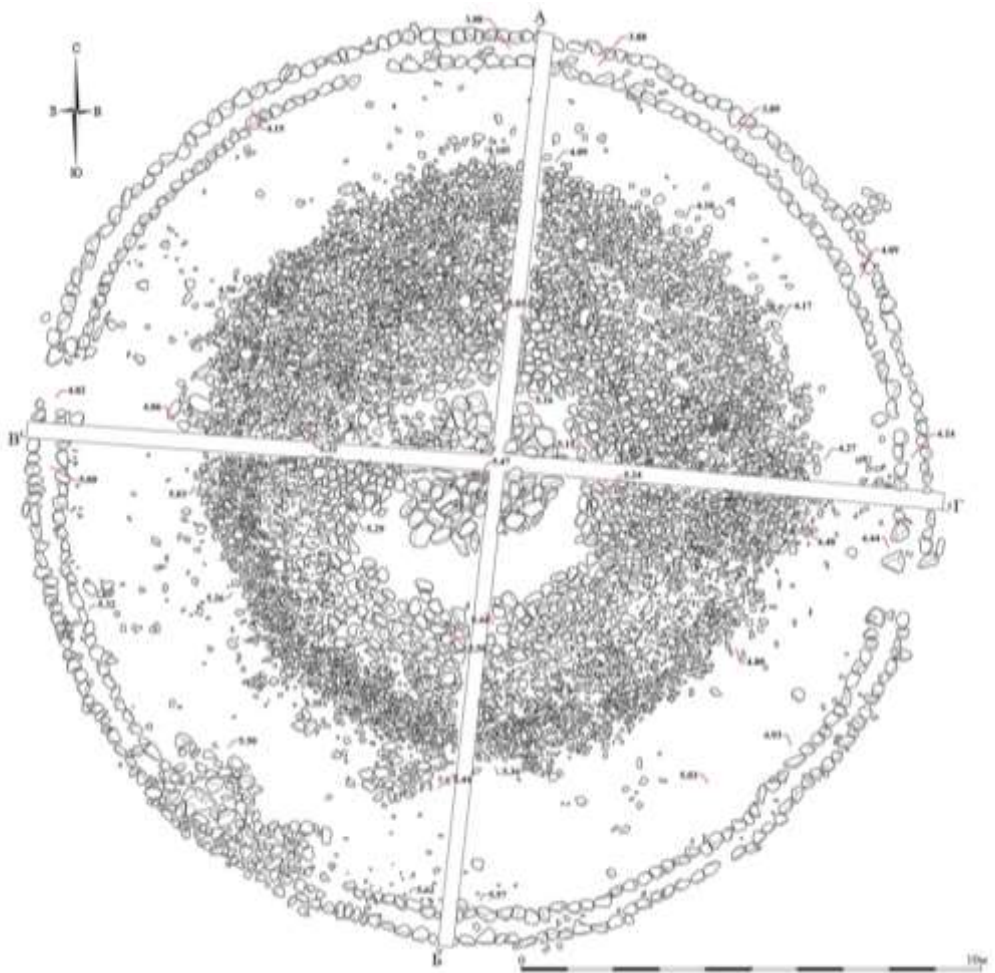

Рис. 11. Кок-Жар 1, курган 6 после расчистки. План.

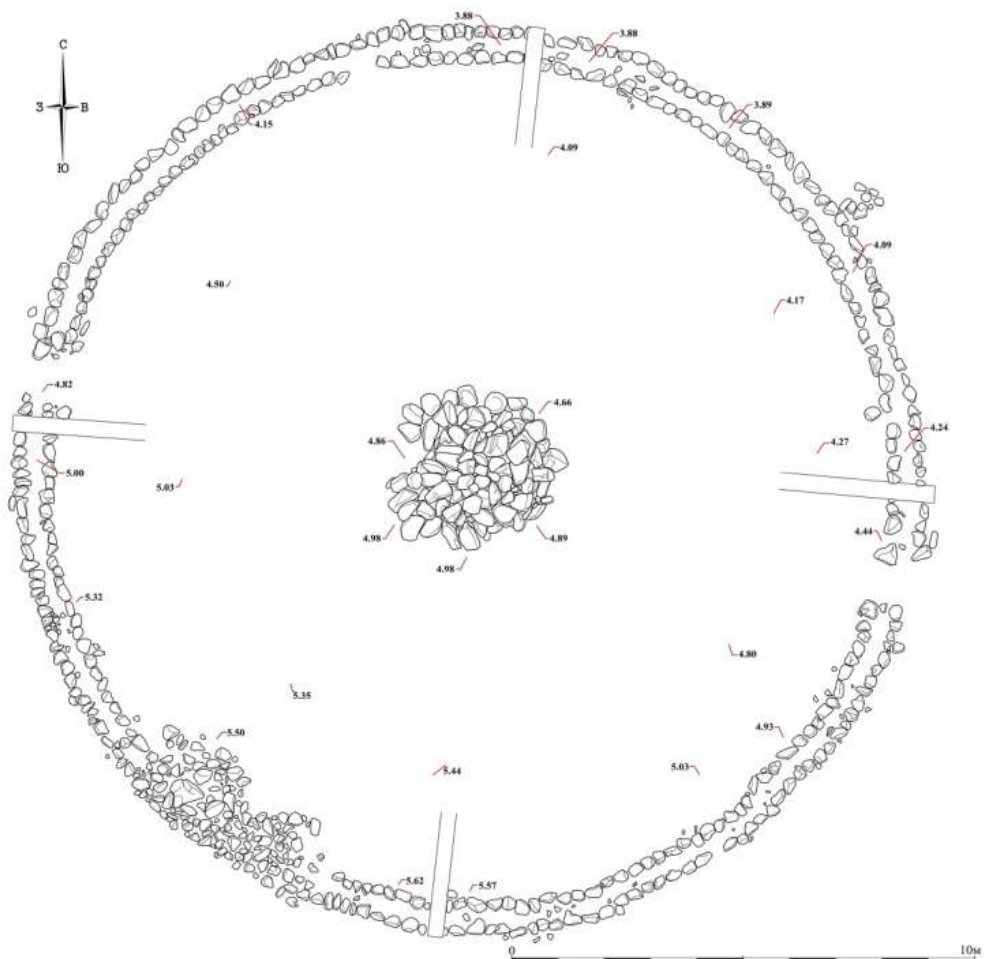

Рис. 12. Кок-Жар 1, курган 6, план после полной расчистки "цисты".

Рис. 13. Кок-Жар 1, курган 6. План на уровне могильной ямы.

Рис. 14. Кок-Жар 1, курган 6. План стратиграфического разреза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Батырбаева Шайыркул Джолдошевна**, доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына
2. **Борсунбаев Марсбек Келдибекович**, младший научный сотрудник Отдела археологии ИИАиЭ им. Б. Джамгерчинова НАН КР
3. **Джон Али Алиевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
4. **Жумабаев Аскат Тойчубекович**, соискатель Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
5. **Дюшенбиев Саламат Усупович**, зав.отдел. Этнологии Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
6. **Жеенкулова Лира Джумабековна**, ученый секретарь Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
7. **Закирова Атыргул Сатаралиевна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
8. **Маджун Джамиля Сулеймановна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
9. **Сабилов Рысбек Келдибекович**, кандидат исторических наук, Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта
10. **Скрипкина Светлана Михайловна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
11. **Старусева Тамара Игоревна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИАиЭ им. Б. Джамгерчинова НАН КР
12. **Сулайманова Айдай Турдукуловна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
13. **Султанов Эмиль Кыязович**, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
14. **Халматов Кудрат Абдувахабович**, кандидат исторических наук, Джалал-Абадский государственный университет
15. **Шисыр Исхар Сувазович**, доктор филологических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына

Правила оформления статей

Автору необходимо указать место работы, ученую степень и должность (на кыргызском, русском и английском языках), номер телефона и адрес электронной почты.

К направляемой в редакцию статье прилагаются **списки ключевых слов** (от 5 до 15) и **аннотации** на кыргызском, русском и английском языках (до 200 слов, включая служебные). Название статьи (на кыргызском, русском и английском языках) должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором.

Статья должна подаваться в виде файла в формате WinWord. Распечатка компьютерного набора приветствуется.

Размер кегля 14 для Times New Roman с полуторным межстрочным интервалом. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- делать принудительные переносы;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сносок на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.).

Библиографические ссылки:

- в тексте (при прямом цитировании или недословном воспроизведении какого-либо текста и указании дат) ссылки приводятся в квадратных скобках с порядкового номера автора из списка литературы и после двоеточия номера страницы: [9: 136];
- в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1962. 288 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)
Исторические этапы кыргызской государственности / Дж. Джунушалиев, А. Какеев, В.Плоских. Бишкек: Архи, 2003. 280 с.

раздел в монографии

Абдрахманов Т., Скрипкина С. Народное образование суверенного Кыргызстана. 1991–2015 гг. // Кыргызстандын тарыхы (3 томдук). Бишкек: Архи, 2017. III т. С. 614–632.

статья в сборнике

Айдаркулов К. Ранние рукописи эпоса “Семетей” // Сб. Советский Киргизстан: страницы истории и современность. Фрунзе: Илим, 1984. С. 203–210.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Яниансин Ю. Китайские элементы в киргизской лексике // Тр. Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР. 1949. Вып. 3. С. 66–73.

статья в журнале

Мокеев А.М. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа на Тянь-Шане в XVI – сер. XVIII вв. // Изв. АН РК. 1991. № 4. С. 43–44.

автореферат

Омурбеков Ч.К. Развитие материальной культуры киргизского сельского населения. 1920–1980 гг. (этнографическое исследование): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 1990. 22 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3. С. 30–31. Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. 222 с.

Для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Л. 8, 11.

Информация из Интернета

Шварц В. Летопись: Туркестан 1916 год // Режим доступа: [www.http://daniyarov.kg](http://www.daniyarov.kg) – Загл. с экрана.

При наличии примечаний – кратких пояснений к основному тексту и дополнений к нему делаются постраничные ссылки.

Таблицы должны быть представлены в формате WinWord шириной не более 270 мм, без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Диаграммы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть озаглавлены, даны в черно-белом варианте.

**ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ**

Илимий журнал
Научный журнал

Технический редактор: *С.М. Скрипкина*
Корректор: *А.С. Закирова*

Формат издания 60x84/16
Печать на офисной бумаге
Объем 16,6 п.л.
Тираж 100 экз.

Издательство «Фаст-принт»
г. Бишкек, ул. А. Усенбаева, 190.